

МИТРОПОЛИТЪ
ПЕТРЪ

БЛАГОСЛОВЕНІЕ ОБИТЕЛИ СВАТИТЕЛЯ АЛЕКСІЯ
СВАТИТЕЛЬ АЛЕКСІЙ
МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ
И ВСЕЯ РУСИ.

МИТРОПОЛИТЪ
ІОНА

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ

Созидѣхъ
церковь мою,
и врата двѣхъ
не шдольбѣхъ ей.
(Ев. Мѡ. XVI, 13)

Ище же и церковь
преслѣдѣхъ,
бѣди тебѣ тако-
же пѣзычникъ
и мытарь
(Ев. Мѡ. XVII, 17)

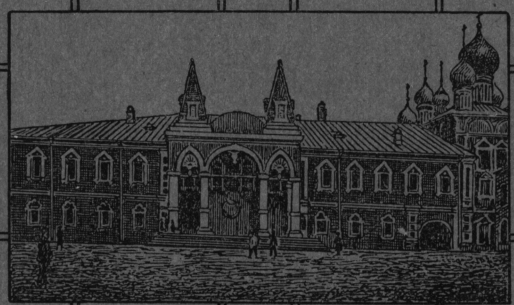
Пѣтръ и
и҃ли рѣша:
повиновѣати-
са подобѣхъ
Б҃гови паче,
нежели чело-
вѣкомъ.

(Дѣл. Ап. 5 г 29 ст.)

1912

Декабрь.

12

МИТРОПОЛИТЪ

МИТРОПОЛИТЪ СЕРГІЙ

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

1912 г. Декабрь.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1912.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

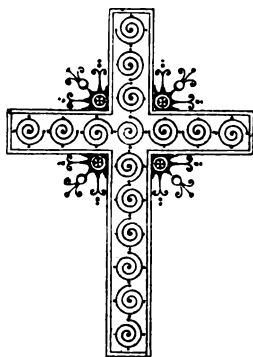
	<i>Стран.</i>
1. Высочайшій рескриптъ, данный на имя преосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго Владимира	I—II
2. Высокопреосвященный Владимиръ, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.— <i>И. Айвазовъ</i>	III—XVIII
3. Отъ редакціи	III—IV
4. О трудѣ и собственности.— <i>Владимиръ</i> , Митрополитъ Московскій	5— 18
5. Притча о званнхъ на вечерю.— <i>Василій</i> , Епископъ Можайскій	19— 35
6. Духовный дневникъ.—Архимандритъ <i>Арсеній</i>	36— 42
7. Свѣточн Православной Христовой Церкви.—Избралъ <i>М. Новоселовъ</i>	43— 48
8. Послушаніе.— <i>В. Г.</i>	49— 51
9. У Пречистой въ Ченстоховѣ въ Вильнѣ.—Лекторъ Спб. Дух. Акад. <i>В. III.</i>	52— 62
10. Душевные страсти.—Гермомахъ <i>Николай</i>	63— 94
11. Мысли мірянина о современномъ исполненіи церковныхъ службъ.—Докторъ <i>В. Николаевъ</i>	95—118
12. Критическій обзоръ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ.— <i>К. Мержурьевъ</i>	119—134

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

13. Плачь на кончину патріарха Іоакима III.— <i>Антоній</i> , Архіепископъ Волынскій	135—140
14. Митрополитъ Платонъ.—Священ. <i>Дм. Дмитріевъ</i>	141—156
15. Религіозная правда Русскаго Самодержавія, въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни.— <i>И. Айвазовъ</i>	157—190
16. Церковная хроника.—Мароо-Маріинская Обитель Милосердія въ Москвѣ.— <i>И. Айвазовъ</i>	191—196
17. Некрологъ.— <i>И. А.</i>	197—198
18. Политическое обозрѣніе.— <i>И. М—скій</i>	199—201
19. Библіографія	202—203
20. Опечатки	—
21. Объявленія	204—206

При этомъ не разсылается „Переводъ по почтѣ“ для пересылки въ редакцію „Голоса Церкви“ подписныхъ денегъ за 1913 годъ.

Высочайшій рескриптъ.

Петербургъ, 23 ноября. Высочайшій рескриптъ, данный на имя преосвященнаго **митрополита С.-Петербургскаго Владиміра**:

„Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Владиміръ! Многолѣтіе служенія вашего одухотворено святою ревностью о славу и величіи Православной Церкви и исполнено непрестанныхъ попеченій о духовномъ преуспѣяніи паствы, ввѣренной вашему водительство, многообразно было дѣланіе ваше на нивѣ Господней, разностороненъ архипастырскій опытъ вашъ. Преемственно проходя святительское служе~~ніе~~ въ епархіяхъ Новгородской и Самарской, въ гру~~пп~~скомъ экзархатѣ и на каедрѣ Московской, вы изучили господствующія теченія религіозной жизни и духовныя нужды православнаго населенія въ различныхъ частяхъ Имперіи. Въ званіи предсѣдателя общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ и православнаго миссіонерскаго общества, содѣйствуя успѣху православной миссіи среди многочисленныхъ населяющихъ

окраины нашего отечества инородцевъ, вы заботились и заботитесь о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи въ духѣ вѣры православной и преданности Россіи ихъ подроостающихъ поколѣній. Справедливо оцѣнивая воспитательное значеніе строго православныхъ преданій священной старины, вы тщательно соблюдаете и укрѣпляете сохранившіеся подъ сѣнью святынь московскихъ высокіе образцы древнеуставной иноческой жизни и богослужебнаго чина. Примѣромъ собственной жизни вы и подвѣдомое вамъ духовенство ведете по спасительному пути воздержанія. Во вниманіе къ вашему архипастырскому опыту вы постоянно призывались и призываетесь къ участію въ трудахъ Св. Сѣнода по разработкѣ и по разрѣшенію возникавшихъ за послѣднее время церковныхъ задачъ и запросовъ. Озабочиваясь нынѣ, за послѣдовавшей кончиной преосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго Антонія, замѣщеніемъ вдовствующей каеэдры царствующаго города, Я признаю справедливымъ призвать васъ на сію каеэдру въ званіи первенствующаго члена Святѣйшаго Сѣнода. Храню твердое упованіе, что и въ новомъ званіи вы съ неослабѣвающею ревностью не перестанете трудиться на благо паствы вашей, на славу и возвеличиваніе святой Православной Церкви. Всевышній же да ниспошлетъ вамъ Свою благодатную помощь къ совершенію подлежащаго вамъ многотруднаго святиТЕЛЬскаго служенія.

„Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„НИКОЛАЙ“.

Данъ въ Царскомъ Селѣ.
23 ноября 1912 г.

Владимірь Митрополитъ С.-Петербурскій.

Высокопреосвященный Владиміръ, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Высокопреосвященный **Владиміръ**, Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, въ міръ Василій Никифоровичъ Богоявленскій, сынъ священника села Малой Моршки, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ., родился 2 января 1848 г. Пройдя низшую и среднюю духовную школу въ родной епархіи, Онъ поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію, которую и окончилъ блестяще (магистрантомъ) въ 1874 г. Въ томъ-же году Онъ былъ опредѣленъ на должность преподавателя гомилетики и соединенныхъ съ нею предметовъ въ Тамбовскую Дух. Семинарію, а затѣмъ, согласно прошенію, перемѣщенъ на должность преподавателя Св. Писанія (1875 г. 26 мая). Одновременно Онъ преподавалъ въ семинаріи нѣмецкій языкъ, въ епарх. женск. училищѣ и въ женской гимназіи географію. Женившись, Онъ оставилъ учебную службу и былъ рукоположенъ во священника къ Покровской Соборной г. Козлова церкви въ 1882 г. янв. 31-го, и въ этомъ же году былъ избранъ депутатомъ Козловскаго духовенства на епархіальный съѣздъ. Въ 1883 г. былъ назначенъ благочиннымъ Козловскихъ городскихъ церквей, а затѣмъ перемѣщенъ изъ собора въ настоятели Троицкой церкви. Здѣсь у Него и умерла горячо любимая жена и единственный ребенокъ. И о. Василій рѣшилъ отдать всего себя на служеніе Церкви. 8 февраля 1886 г. Онъ принялъ ино-

ческій постригъ съ именемъ Владиміра и указомъ Св. Сѣнода опредѣленъ былъ на должность настоятеля Козловскаго Троицкаго третьекласснаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ м. октябрѣ 6-го указомъ Св. Сѣнода переведенъ настоятелемъ въ Новгородскій Антоніевъ второклассный монастырь, съ опредѣленіемъ членомъ Новгородской Дух. Консисторіи. Въ 1888 г. 21 мая Высочайше назначенъ епископомъ Старорусскимъ, причемъ хиротонисанъ во епископа митрополитомъ Исидоромъ въ С.-Петербургѣ, въ Св.-Троицкомъ Соборѣ Александро-Невской Лавры, въ 1888 г. іюня 13-го. Въ 1891 г. января 19-го назначенъ епископомъ Самарскимъ. Именнымъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Указомъ въ 1892 г. октября 18-го назначенъ архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ, экзархомъ Грузіи, съ званіемъ члена Св. Сѣнода. Въ 1898 г. февраля 21-го Именнымъ Высочайшимъ Указомъ назначенъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, откуда Высочайшимъ Рескриптомъ и призванъ на кафедру С.-Петербургскаго Митрополита.

Если посмотримъ на пережитое Петербургскимъ Митрополитомъ Владиміромъ, то невольно скажемъ словами Псалмопѣвца: „Блаженъ всякій боящійся Господа, ходящій путями Его“ (пс. 127, 1). Выйдя изъ скромной и богобоязненной семьи сельскаго священника, пройдя, съ большими матеріальными лишеніями, всю духовную школу, кончая вершинами ея, тихій и съ большимъ религіознымъ закаломъ молодой Василій Богоявленскій съ жаромъ отдается преподаванію въ родной семинаріи богословскихъ предметовъ. И доселѣ питомцы Василя Богоявленскаго, сами уже закаленные жизнью, убѣленные сѣдинами, съ особой отрадой

вспоминають полные рѣдкой душевности и горячей любви къ Церкви „уроки Богоявленскаго“. Намъ лично въ дебряхъ Тамбовской епархіи, во время бесѣдъ съ священниками о старомъ семинарскомъ житіѣ, не разъ приходилось слышать слова: „а вотъ у Богоявленскаго на урокахъ прямо *душой* отдыхали. Требовалъ то онъ строго, чтобы знали предметъ,—да все ~~тѣмъ~~го выходило какъ-то по семейному, будто дома отецъ наказъ тебѣ читаетъ!“ Но вотъ Василій Богоявленскій мѣняетъ школу на приходъ. Онъ уже *отецъ Василій*. И на этомъ новомъ поприщѣ его душевныя стремленія сказываются уже шире. Обитатели г. Козлова доселѣ не забыли „хорошаго батюшку“, горячее проповѣдническое слово котораго сжигало ихъ сердца, отторгало ихъ отъ коммерческаго засилья въ небесную высь и неустанно напоминало, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“... Самъ рѣдкій семьянинъ, о. Василій особенно ратовалъ противъ всѣхъ модныхъ теченій, разрушающихъ святорусскій бытъ семьи, и не одна семья, благодаря его рѣчамъ, сохранила свои церковные отеческіе устои.

Скоро и Козловское духовенство полюбило своего новаго собрата и сослуживца и надѣлило его почетнымъ избраніемъ въ свои депутаты на съѣзды духовенства окружные и епархіальные. Ставъ благочиннымъ, о. Василій былъ „истиннымъ отцомъ, а не бичемъ“ для Козловскаго духовенства. Снискавъ общую любовь, о. Василій въ ней нашелъ для себя и утѣху отъ тяжкаго горя—потери жены и ребенка. И во имя этой любви онъ отдаетъ всего себя на служеніе ей, принимая иноческій постригъ, съ именемъ Владиміра. Сдѣлавшись епископомъ Старорусскимъ, преосвященный Владиміръ проявилъ рѣдкую отзывчивость на всѣ духовныя и матеріальныя нужды своей паствы и подвѣдомаго ему

духовенства. Его простота въ обращеніи, его общедоступность, не знавшая „пріемныхъ часовъ“, его любовь къ церковной уставности и учительности, его неустанная проповѣдь, — все это скоро приковало къ нему сердца Новгородской паствы и ея пастырей. И доселѣ Новгородцы помнятъ „славнаго Владыку Старорусскаго Владиміра“. Но вотъ Владыка Владиміръ и епархіальнымъ епископомъ Самарскимъ. Здѣсь уже онъ могъ проявить свой внутренній обликъ въ большей мѣрѣ. И мы приходимъ въ искреннее умиленіе, созерцая его Архипастырскую дѣятельность въ Самарской епархіи. Коротка она была, менѣе двухъ лѣтъ, но какъ обильна, плодотворна и поучительна! Повсюду въ храмахъ раздавалась живая проповѣдь, открылись внѣбогослужебныя бесѣды, въ коихъ принималъ участіе самъ Владыка, любившій особенно самъ читать акаѳистъ за молебствіемъ послѣ вечерни, каковою службою предварялись бесѣды. Народъ „валомъ валилъ на Владыкины бесѣды“, — вспоминаютъ самарцы славное время святительства у нихъ преосвященнаго Владиміра. Полная разныхъ сектъ Самарская епархія привела преосвященнаго Владиміра къ мысли усилить здѣсь миссію. Съ этою цѣлью Онъ самъ открывалъ миссіонерскія бесѣды, лично принималъ въ нихъ горячее участіе, основалъ въ Самарѣ Алексіевское религіозно-просвѣтительное братство, завелъ духовныя чтенія въ мѣстной семинаріи и въ город. Думѣ. Уставность и благолѣпіе церковныхъ службъ и общенародное пѣніе были предметомъ усиленныхъ заботъ Архипастыря. Богослуженіе было его стихіей. Онъ постоянно служилъ, посѣщая различные особенно окраинные храмы. Народъ стекался массами и Владыка самъ всѣхъ поочередно благословлялъ, поучая всѣхъ и cadaго архипастырскимъ словомъ. Духовенство, духовно-учебныя заведенія и особенно цер-

ковно-приходскія школы имѣли въ преосвященномъ Владимірѣ своего истиннаго печальника и благодѣтеля. Но особенно памятенъ Архипастырь Самарцамъ, какъ Ангелъ-Утѣшитель своей паствы во время постигшихъ ее двухъ стихійныхъ бѣдствій: голода и холеры.

При монастыряхъ, церквахъ и другихъ церковныхъ учрежденіяхъ повсюду въ епархіи Онъ открылъ столовые и чайныя для бѣдняковъ, организовалъ для руководства всей благотворительной дѣятельностью епархіальный комитетъ съ его отдѣлами по епархіи, словомъ и дѣломъ располагалъ всѣхъ къ жертвамъ голодающимъ. И все запечатлѣвалъ церковною молитвою: крестными ходами, всенародными молебствіями.

За голодомъ пришла злая гостя — холера. Тысячи жертвъ она пожирала. Всеобщее уныніе, растерянность, паника!.. И вотъ преосвященный Владиміръ всюду, въ мѣстахъ разгара холерной эпидеміи, появляется самъ: то Онъ посѣщаетъ мѣста скопленія больныхъ и ободряетъ, и утѣшаетъ ихъ словомъ, согрѣваетъ ихъ Архипастырскою любовью и молитвою, то Онъ служитъ панихиды на холерномъ кладбищѣ надъ гробами умершихъ отъ холеры, то онъ на окраинахъ города, гдѣ свирѣпствуетъ среди бѣдноты холера, служитъ общественныя молебствія объ избавленіи отъ страшной болѣзни и словомъ утѣшенія бодритъ народныя массы, рекомендуя имъ и разныя мѣры предосторожности отъ заболѣванія. За Архипастыремъ пошло и рядовое духовенство и лучшіе пасомые. Эпидемія ослабѣла и, наконецъ, прекратилась. И когда Владыка прощался со своею Самарскою паствою, переходя на служеніе въ далекую Грузію, — самарцы, и паства и пастыри, съ рѣдкою сердечностью провожали своего „отца-кормильца“, съ которымъ они прожили хотя и мало, но пережили много. Много было пролито слезъ

при прощаньи. И, когда, по свидѣтельству Самарскихъ Епарх. Вѣдомостей, раздались послѣдніе прощальные звуки Самарскихъ колоколовъ, въ епархіальномъ женскомъ училищѣ поднялся массовый плачъ воспитанницъ, что ярко показало, какую любовь снискалъ преосвященный Владиміръ въ семьяхъ Самарскаго духовенства.

Но вотъ Владыка и экзархомъ Грузіи. Пять лѣтъ онъ пробылъ ея Архипастыремъ. И здѣсь, съ его пріѣздомъ, появилась живая проповѣдь за богослуженіемъ, открылись внѣбогослужебныя собесѣдованія. Самъ Архипастырь, несмотря на чисто Кавказское бездорожье, усиленно разъѣзжалъ по Кавказскимъ дебрямъ, самъ лично вникалъ во всѣ духовныя и матеріальныя нужды своей многочисленной и разноплеменной паствы и ея пастырей. Онъ возобновилъ и построилъ здѣсь болѣе 100 храмовъ, возобновилъ знаменитый Мцхетскій соборъ, Сажарскій и Самейскій монастыри, и другіе памятники церковной Иверской старины, устроилъ духовную семинарію въ Кутаисѣ, открылъ болѣе 300 церковно-приходскихъ школъ, завелъ при церквяхъ и школахъ бібліотеки, учредилъ спеціально-миссіонерское Епархіальное духовно-просвѣтительное братство для борьбы съ многочисленными здѣсь сектами, оживилъ дѣятельность „Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ“. Въ разгаръ холеры на Кавказѣ Владыка воспроизвелъ здѣсь картины своей евангельской дѣятельности на пользу ближнихъ въ Самарѣ. И когда ему пришлось переходить на новое мѣсто служенія, вся его Кавказская паства, во главѣ съ своими пастырями, безъ различія національностей, съ рѣдкимъ единодушіемъ и горячей любовью провожала своего Архипастыря. И самъ Архипастырь, въ отвѣтъ на трогательную любовь своей паствы и ея пастырей, сказалъ при прощаніи: „за все время пребыванія у васъ

жизнь моя текла ровно, спокойно, безмятежно. По крайней мѣрѣ, я не могу припомнить ни одной ссоры, ни одного столкновѣнія, такъ что во все это время ни разу не заходило солнце во гнѣвъ моемъ“. И въ за-
вѣтъ будущимъ пастырямъ, питомцамъ Тифлисской семинаріи, Владыка, при прощаніи, оставилъ слова: „пастыри Церкви первѣе всего должны учить свою паству, и учить не однимъ словомъ, но и дѣломъ—добрымъ житіемъ, личнымъ примѣромъ; одни сухія поученія мало назидаютъ и мало привлекаютъ къ добру“. И самъ Владыка дѣйствительно являлъ образъ стаду своему не только вѣрою, но и житіемъ своимъ. Когда опредѣлилось, что Онъ назначенъ на кафедру великихъ святителей Московскихъ,—Петербургскій Митрополитъ Антоній писалъ въ Казань ректору духовной Академіи, нынѣ архіепископу Волынскому Антонію: „назначенъ на Московскую кафедру новый, сравнительно молодой митрополитъ Владиміръ. Это назначеніе Москва, вѣроятно, встрѣтитъ не безъ нѣкотораго недоумѣнія; но если Господь приведетъ митрополита Владиміра прожить тамъ долго, то *его чистая душа, его безукоризненная жизнь и ревность о Церкви* стяжаютъ ему постепенно такой же авторитетъ въ Москвѣ, какимъ пользовался тамъ митрополитъ Филаретъ“.

Въ Мартѣ 1898 г. первопрестольная Москва, съ затаеннымъ, отъ неизвѣстности, сердцемъ встрѣчала новаго своего Архипастыря Митрополита Московскаго Владиміра. Съ тѣхъ поръ прошло почти 15 лѣтъ. Лучшие годы своей Архипастырской службы Митрополитъ Владиміръ отдалъ сердцу Россіи—Москвѣ. И что это были за годы!... Послѣдняя половина ихъ была сплошнымъ и тяжелымъ воинствованіемъ за Церковь Божью, за „**строго-православныя преданія священной старины**“. Владыка прозорливымъ окомъ и любящимъ Церковь и Родину сердцемъ

сразу оцѣнилъ тяжесть предстоящаго ему подвига и началъ систематически выполнять его. И вотъ Москва увидѣла дивныя картины Архипастырскаго строительства во благо Церкви, Царя и Родины. Прежде всего въ Москвѣ и въ епархіи была введена и оживлена церковная проповѣдь, открыты для народа послѣ вечерень съ молебствіями и акаѳистами внѣбогослужебныя собесѣдованія съ раздачею религіозно-назидательныхъ брошюръ, заведены особыя религіозно-просвѣтительныя и назидательныя чтенія для народа, для дѣтей улицы, для учащихся низшихъ и среднихъ школъ, спеціальныя чтенія для фабричныхъ рабочихъ въ народныхъ домахъ и публичныя богословскія чтенія для интеллигенціи. Высоко цѣня специальную миссію въ Церкви, имѣющую цѣлью борьбу съ расколомъ, сектами, социализмомъ и атеизмомъ, Владыка открываетъ четыре должности епархіальныхъ миссіонеровъ, заводитъ спеціальныя миссіонерскія бесѣды съ отщепенцами отъ Церкви, открываетъ многочисленные народно-миссіонерскіе курсы, выращая ихъ изъ колыбели для этихъ курсовъ въ зданіи Преображенской въ Москвѣ церковно-приходской школы, куда на курсы онъ Самъ пріѣзжаетъ и до 11 час. ночи провѣряетъ успѣхи курсистовъ изъ фабричныхъ рабочихъ, насаждаетъ церковно-народные хоры, учреждаетъ миссіонерское Братство во имя Воскресенія Христова и его Отдѣлы въ епархіи, спеціальнѣйшій Московскій Епархіальный Миссіонерскій Совѣтъ, Братство святителя Алексія при Чудовомъ монастырѣ, расширяетъ дѣятельность противораскольничьяго Братства святителя Петра, открываетъ ежегодныя епархіальныя миссіонерскіе курсы для духовенства епархіи. Съ цѣлью парализовать натискъ сектантства на высшія учебныя заведенія Владыка учреждаетъ „Златоустовскій религіозно-философскій

кружокъ учащихся“ и „Женскіе богословскіе курсы“. Развитие сектантства въ Россіи привело Владыку къ мысли о насущной потребности приспособить и нашу высшую духовную школу къ служенію Православной миссіи. И вотъ Онъ съ 1907 года усиленно заботится объ открытіи въ Московской Духовной Академіи спеціальной каѳедры по „Исторіи и Обличенію сектантства“. Заботы Владыки увѣнчиваются успѣхомъ и такія каѳедры открыты теперь во всѣхъ духовныхъ академіяхъ, что составляетъ величайшую заслугу Московскаго Митрополита Владиміра предъ Церковью. Не оставлялъ своимъ попеченіемъ Владыка и нужды миссіи инородческой, развивая и укрѣпляя дѣятельность „Православнаго Миссіонерскаго Общества“, открывъ и окормляя при Чудовомъ монастырѣ „Отдѣлъ Камчатскаго Братства“.

Духовная школа имѣла во Владыкѣ по-истинѣ своего отца. Онъ часто посѣщалъ духовно-учебныя заведенія, заботился и объ ихъ матеріальномъ благополучіи. Такъ, онъ устроилъ зданія для Перервинскаго духовнаго училища, переустроилъ зданія духовныхъ училищъ Заиконоспасскаго и Донскаго, а также и женскаго Филаретовскаго, открылъ третье женское епархіальное училище при Московскомъ Скорбященскомъ монастырѣ, построилъ домъ для квартиръ преподавателей Московской духовной семинаріи, образовалъ особый духовно-учебный капиталъ и пр... Особою любовью согрѣвая церковно-приходскую школу, Владыка устраивалъ курсы для учительскаго персонала этихъ школъ, всѣми мѣрами улучшалъ ихъ матеріальный бытъ и пр. Преподаваніе Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ всегда было близко сердцу Владыки и онъ созывалъ сѣзды законоучителей для обсужденія насущныхъ нуждъ по данному предмету. Кто бывалъ въ

Москвѣ, тотъ невольно обращалъ свой взоръ на сильно развитую здѣсь и въ епархіи борьбу Церкви съ народнымъ пьянствомъ. „Московское Епархіальное Общество борьбы съ пьянствомъ“, его многочисленные отдѣлы, его издательская журнальная и другого вида дѣятельность,—наконецъ, всѣмъ извѣстный первый подъ кровомъ Церкви Всероссійскій съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ, потребовавшій немало средствъ и всякихъ заботъ,—все это плодъ исключительныхъ трудовъ и заботъ Высокопреосвященнаго Владиміра, который вложилъ въ это дѣло столько инициативы, личныхъ трудовъ—литературныхъ, организаторскихъ и лекторскихъ, а также и матеріальныхъ средствъ, что невольно приходишь въ священный трепетъ при видѣ этой стройной и громадной работы, запечатлѣнной характеромъ истиннаго *подвига* въ борьбѣ за *Трезвую Русь*,—я говорю *подвига*, потому что здѣсь мы имѣемъ дѣло дѣйствительно съ *подвигомъ* абсолютнаго воздержанія Митрополита Владиміра отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ, что служитъ главнымъ факторомъ вдохновенной работы и Московскаго духовенства на нивѣ отрезвленія народа. Не забылъ святитель и тѣлесной нужды своей паствы. При немъ открылось много благотворительныхъ обществъ, богадѣленъ, пріютовъ и пр... Личная же благотворительность Архипастыря вѣдома всей Москвѣ и далеко за ея предѣлами, и лишь чувство поразительной въ этомъ отношеніи скромности Владыки не позволяетъ и намъ касаться этой интимнѣйшей и святѣйшей черты его евангельской души. Постоянной заботой Владыки было создать единеніе паствы съ пастырями на основахъ истинной православной церковности, въ духѣ „строгославныхъ преданій священной старины“. Съ этой цѣлью Онъ благословилъ открытіе „Братства святи-

телей Московскихъ“, гдѣ паства едилилась-бы съ пастырями въ мысляхъ и душевныхъ переживаніяхъ по поводу общихъ имъ церковно-общественныхъ вопросовъ и событій. Это „Братство“ нашло и пріютъ для себя въ обители Владыки—Чудовомъ монастырѣ, и всегда встрѣчало отъ своего Архипастыря любовь и попеченіе. Духовенство Московской епархіи при Владыкѣ, какъ никогда до него, получило полную возможность братскихъ собраній и единенія для совмѣстнаго служенія Церкви. Вся эта стройная, сложная и многообразная дѣятельность, всѣ эти многочисленныя учрежденія съ ихъ книжными складами, канцеляріями, бібліотеками, засѣданіями, собраніями и пр... и пр...—нуждались въ огромномъ центральномъ помѣщеніи. И вотъ стараніями Владыки вырастаетъ въ центрѣ Москвы колоссальный Епархіальный Домъ и при немъ прекрасная церковь святаго князя Владиміра. Значеніе этого дома прекрасно очерчено въ докладѣ предсѣдателя строительной комиссіи: „мы увѣрены, писалъ онъ, что храмъ св. просвѣтителя Руси и домъ, находящійся подъ благодатнымъ его осѣненіемъ, получаютъ весьма важное миссіонерское значеніе, когда всѣ силы Московскаго духовенства сплотятся для дружной дѣятельности на нивѣ Божіей. Непрочны и невѣчны дѣла рукъ человѣческихъ. Пройдутъ годы, и этотъ, такъ, повидимому, капитально устроенный, домъ обветшаетъ. *Но не умретъ, вѣчно будетъ жить мысль, положенная Вашимъ Высокопреосвященствомъ въ основаніе сего зданія.* Хотя домъ съ вѣками и обветшаетъ, но на его мѣстѣ возстанетъ новый, будетъ всегда жить онъ кипучею просвѣтительною жизнью, и дверь его не закроется для православнаго русскаго народа, пока стоитъ на землѣ святая Церковь Христова“. Печатное слово въ наше время приобрѣло колоссальную силу. Оно и мертвитъ, но оно

можетъ и живить человѣка и цѣлые народы. Владыка прекрасно это сознавалъ. Онъ видѣлъ, что мертвящее печатное слово небывало растетъ въ Россіи, а животворящее лишь кой-гдѣ журчитъ. И вотъ Онъ самъ выступаетъ на литературную ниву. Онъ съ поразительною литературной плодovitостью откликается въ печатномъ словѣ на всѣ животрепещущіе вопросы нашего времени: вопросы соціальныя, государства, общества, семьи, личности, вопросы богатыхъ и бѣдныхъ, рабочихъ и работодателей, труда и капитала, вопросы религіи и морали, вѣры и науки, вѣры и невѣрія, вопросы трезвости, церковной дисциплины и проч..., и проч...,—все это находитъ для себя разрѣшеніе въ печатномъ словѣ Владыки, и это слово онъ въ огромномъ числѣ экземпляровъ издаетъ и раздаетъ бесплатно народной массѣ, рабочимъ, учащимся, пастырямъ и др... Колоссальнымъ успѣхомъ пользуются особенно слѣдующія сочиненія и литературныя труды Высокопреосвященнаго Владиміра: „Вечернія собесѣдованія между крестьяниномъ, фабричнымъ, рабочимъ и священникомъ“ (это изданіе единственное въ нашей литературѣ; по содержанію оно захватываетъ читателя, по изложенію художественно и просто), „Наука и Религія“, „Доказательства бытія Бога“, „Два райскихъ дара Божія въ человѣчествѣ“ (этимъ изданіемъ зачитывается трудящійся людъ; оно весьма полезно и для нашихъ законосоставителей), „О трудѣ и собственности“, „Къ богатымъ и бѣднымъ“, „Къ рабочимъ“, „О рабочемъ вопросѣ“, „Соціальная задача семьи“, „Наша пастырская задача въ борьбѣ съ социаль-демократіей“, „Противъ социаль-демократіи“ (перев. соч. Флейшмана), „О социализмѣ“, „Работа въ свѣтѣ матеріализма и христіанства“, „Невѣріе книжниковъ и фарисеевъ древняго и нашего времени“, „Юношамъ“, „Бесѣда

Исуса Христа съ Никодимомъ“, „Пастырскія бесѣды съ дѣтьми“, „Слово на день Св. Пасхи“, „Слово на 3-й день Пасхи“, „О правѣ церковнаго отлученія или анаѳематствованія“, „Бесѣда на 7 словъ Спасителя со Креста“, „Алкоголь и его опасности“, „Архипастырскій призывъ духовенства и общества къ борьбѣ съ пьянствомъ“, „Какъ и въ чемъ русская женщина можетъ проявить свое участіе въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ“ и мн. другія. Но особенною любовью всѣхъ, безъ различія возраста и образованія, пользуется сочиненіе Владыки: „Евангеліе дѣтства“. О немъ, между прочимъ, небезызвѣстный писатель А. Папковъ пишетъ: „идея представить нѣкоторые евангельскіе эпизоды въ свѣтѣ, доступномъ для дѣтскаго пониманія, является, безъ сомнѣнія, идеей весьма симпатичной и полезной... Этимъ хорошимъ проповѣдямъ („Евангелію дѣтства“) Московскаго Митрополита Владиміра, заключаетъ свой отзывъ г. Папковъ, слѣдовало-бы дать широкое распространеніе въ нашихъ школахъ“ („Гол. Моск.“ 9 авг. 1912 г.). Дѣйствительно, „Евангеліе дѣтства“—это единственное въ такомъ родѣ изданіе и весьма цѣнное въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей и вообще семьи. По изложенію оно прямо художественное произведеніе, а по содержанію и параллелямъ увлекательное и глубоко-назидательное. Непрестанно издавая свои труды для бесплатной раздачи народу, Владыка печаталъ свои произведенія и во многихъ церковныхъ изданіяхъ. Но вотъ въ концѣ 1911 года Онъ пришелъ къ мысли о необходимости основать спеціальнй церковно-общественный журналъ, въ которомъ бы и пастыри и паства духовно общались, и чрезъ который религіозно назидались бы и укрѣплялись въ преданности и самоотверженномъ служеніи „строго - православнымъ преданіямъ священной старины“.

Такъ возникла у Владыки мысль открыть журналъ „Голосъ Церкви“, который и началъ свою дѣятельность съ 1912 года подъ кровомъ обители святителя Алексія. Прошелъ журнальный годъ. „Голосъ Церкви“ окрѣпъ, возмужалъ. Вокругъ него сгруппировалась большая духовная семья сотрудниковъ и читателей. Журналъ заслужилъ лестные отзывы старшихъ, по времени, изданій, какъ изъ міра духовной прессы, такъ и свѣтской. Въ „Голосѣ Москвы“, на примѣръ, писали: „новый московскій журналъ „Голосъ Церкви“ является, по своему разнообразному содержанію, несомнѣнно, журналомъ интереснымъ и отзывчивымъ на современные церковные запросы и нужды“ (№ 9 Авг. 1912 г.). И этотъ-то интересъ къ журналу, въ большей части, несомнѣнно, создалъ своими въ немъ трудами самъ инициаторъ, покровитель, попечитель и вдохновитель журнала Высокопреосвященный Владиміръ, который печаталъ въ каждомъ № журнала свои труды по самымъ жгучимъ вопросамъ Церкви и Общества.

Если посмотримъ на всю эту колоссальную работу святителя митрополита Владиміра въ Москвѣ за 15 лѣтъ, если примемъ во вниманіе, что Онъ постоянно разъѣзжалъ по епархіи, всюду служилъ, самъ читалъ доклады, открывалъ разныя церковныя братства и проч..., а въ Москвѣ не было такой окраины, гдѣ бы Онъ самъ не выступалъ предъ народомъ и молитвенникомъ на богослуженіяхъ, и проповѣдникомъ, и лекторомъ, и курсовымъ учителемъ и т. д., да притомъ еще на Немъ лежала громада административныхъ дѣлъ по епархіи и внѣепархіальныхъ, по членству въ Св. Синодѣ, то невольно спросимъ: когда же святитель отдыхалъ? когда Онъ просто спалъ?.. И на это всѣ, знающіе его жизненный бытъ, скажутъ: Онъ былъ поразительнымъ аскетомъ и въ покоѣ, и въ снѣ! Онъ не зналъ „лѣтняго отдыха“,

Онъ не зналъ „послѣпріемныхъ долгихъ часовъ“... Круглый годъ Онъ былъ на дѣлѣ. Ежедневно Онъ вставалъ слишкомъ раннимъ утромъ, ложился въ полночь, а то и позже. Принималъ по дѣламъ съ 9 ч. утра и до глубокаго вечера, съ перерывомъ лишь для обѣда и получасоваго отдыха. Вся жизнь его — это сплошной трудъ,—трудъ на пользу Церкви и Родины. И если Онъ не палъ физически подъ тяжелой трудовой ношей, то только потому, что Господь хранитъ ходящихъ путями Его. А трудовая ноша митрополита Владиміра, особенно за послѣднія восемь лѣтъ Его святительства въ Москвѣ, была дѣйствительно тяжела и страшно тяжела. Вся кошмарная государственная разруха—эпоха пресловутаго „освобожденія“, и вслѣдъ за нею, по ея указкѣ, поднявшаяся въ самыхъ нѣдрахъ Церкви не менѣе кошмарная волна губительнаго „обновленія“, — пали на плечи святителя въ сердцѣ Россіи митрополита Владиміра. Требовалась по-истинѣ гранитная и безавѣтная преданность **„строго-православнымъ преданіямъ священной старины“**, чтобы устоять и не только устоять, но и съ рѣдкою духовною отвагою отражать натискъ на церковно-государственный корабль бѣшено мятущихся и яростно ревущихъ волнъ государственной и церковной смуты. Были моменты, когда казалось, что „все уже кончено“, что Святая Русь скрылась въ пучинѣ морской... Но спадали, разбиваясь о Московскую Церковную скалу, крамольныя волны и Святая Русь видѣла, что крѣпко держитъ Московскій Святитель священное старо-русское знамя Святой Руси и подъ сѣнь этого знамени снова и снова, разсѣянная, было, крамолою, стекалась Святая Русь и крамола, обезсилѣвъ, ушла въ морскія глубины, въ ожиданіи „лучшихъ дней“... Эту работу духовнаго титана—митрополита Владиміра видѣла вся Святая Русь. И сердцемъ

своимъ она лобызала святителя—подвижника за Церковь, Царя и Родину. Москва же православная связала себя узами истиннаго сыновства съ Архипастыремъ—Отцомъ, и ей казалось, что эти узы будутъ неразрывны. И вотъ неожиданная вѣсть о переводѣ Митрополита Владиміра въ Петербургъ. Точно громъ ударилъ сквозь зимнюю стужу. Но „кто позналъ умъ Господень? кто былъ совѣтникомъ Ему?.. Непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его!..“ Отъ Москвы взята новая жертва на алтарь Церкви и Отечества. Значить, такова воля Божія! И Москва, осиротѣлая Москва, скорбя за себя, радуется за счастье и благоденствіе всей Русской Церкви, которая вельніемъ Царева Сердца получила достойнѣйшаго Кормчаго въ лицѣ чтимаго всей Православной Россіей Высокопреосвященнаго **Владиміра**, отнынѣ Митрополита Петербургскаго. Да укрѣпитъ же Господь силы первоіерарха Русской Церкви Митрополита Владиміра, и да ниспошлетъ на Его святительскую главу, и на Его пути Свое благословеніе. И мы отъ чистаго сердца смиренно приносимъ горячо любимому Архипастырю свой сыновній привѣтъ съ новымъ служеніемъ Его во благо всей Русской Церкви, Царя и Родины.

Редакторъ „Голоса Церкви“ И. Айвазовъ.

Отъ Редакціи.

Настоящею книжкою журналъ „Голосъ Церкви“ заканчивается **первый годъ** своего существованія. Конечно, одинъ годъ жизни толстаго церковно-общественнаго журнала — срокъ слишкомъ короткій для подведенія итоговъ о журналѣ. А для „Голоса Церкви“ и этотъ первый годъ его существованія явился, со стороны издательскихъ плановъ, неполнымъ. По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ, объявленія о выходѣ „Голоса Церкви“ могли быть напечатаны только въ м. Январѣ, т.-е. на исходѣ подписного сезона. Весьма сложная работа по оборудованію внѣшней стороны изданія журнала, по сплоченію сотрудниковъ журнала и прочія многочисленныя издательскія хлопоты— все это пало, конечно, на первый годъ журнала. Вотъ почему первый годъ и былъ самымъ тяжелымъ для „Голоса Церкви“.

Однако, съ Божьею помощію и по молитвамъ Святителей Московскихъ, покровителей журнала, при благостномъ содѣйствіи Архипастыря Церкви Московской Высокопреосвященнаго Митрополита *Владимира*, „Голосъ Церкви“ блестяще закончилъ первый годъ своего существованія, успѣшно преодолевъ всѣ тяготы его. Постоянный составъ *сотрудниковъ* журнала образовался многочисленный и, что особенно важно, вполне гарантирующій достиженія журналомъ намѣченныхъ имъ себѣ цѣлей.

На 1913-й годъ этотъ составъ сотрудниковъ пополнился еще новыми высоконучными силами. Контингентъ *читателей* журнала своею численностью превзошелъ самую смѣлую ожиданія Редакціи. Читатели принадлежать не только къ лицамъ духовнаго званія, но во множествѣ и къ разнымъ общественнымъ слоямъ. А это послѣднее и имѣетъ для журнала большое значеніе, въ виду его „Программы“ и цѣлей быть журналомъ „*церковно-общественнымъ*“.

Многочисленные „отклики *читателей*“ журнала, получаемые Редакціей, а равно и печатные отзывы о журналѣ свѣтской и духовной прессы ярко показываютъ, что „*Голосъ Церкви*“ стоитъ на предначертанномъ имъ себѣ пути „*чуждаго компромиссовъ съ любыми стихіями внѣцерковной мысли и жизни*“ служенія Церкви.

По этому пути „Голосъ Церкви“ неуклонно будетъ итти и впредь, въ надеждѣ на помощь Божью, на молитвы Святителей Московскихъ, на благостную волю Московскаго Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита *Владимира*, и на соработничество единомысленной съ нимъ семьи сотрудниковъ и читателей „Голоса Церкви“.

Редакція.

О трудѣ и собственности *).

*Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ
твой, дондеже возвратишия въ землю,
отъ нея же взять еси (1 Моис. 3, 19).*

Таковъ божественный приговоръ надъ грѣшнымъ человѣческимъ родомъ. Всѣ люди безъ исключенія, какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе въ истинность Священнаго Писанія, которое говоритъ намъ объ этомъ приговорѣ, должны безусловно признать, что это дѣйствительно всеобщій законъ, изъ котораго никто не можетъ составлять исключенія. Каждый человѣкъ необходимо долженъ трудиться и работать или силою своего ума или силою своего тѣла, и только трудомъ онъ можетъ приобрѣтать себѣ собственность и насущный хлѣбъ. Нечего, поэтому, удивляться, если во всѣ времена всѣ вопросы, которые касаются труда и собственности, считались самыми важными и обращали на себя самое серьезное вниманіе. Но никогда эти вопросы не возбуждали такого живого интереса и такихъ жаркихъ споровъ, какъ въ настоящее время. Христіанствомъ они были приведены въ строгій порядокъ, и въ продолженіе многихъ вѣковъ люди вѣрили въ ученіе его относительно этого предмета и были покойны. Съ распространеніемъ же невѣрія въ наше время взгляды на эти вопросы сильно измѣнились, и

---

*) Рѣчь, произнесенная въ аудиторіи Историческаго музея для фабрично-заводскихъ рабочихъ г. Москвы.

все, что относится къ труду и собственности, сейчасъ составляетъ спорный вопросъ между вѣрою и невѣріемъ. Я говорю „вопросъ“, потому что невѣріе все дѣлаетъ вопросомъ; оно дѣлаетъ вопросомъ и то, въ чемъ прежде ни одинъ человѣкъ не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Превратное рѣшеніе этого вопроса о трудѣ и собственности способно поколебать весь міръ въ его основаніяхъ, тогда какъ на христіанскомъ ученіи все человѣческое общество, какъ это видимъ мы изъ исторіи, стоитъ твердо и непоколебимо. Думается, что Господь путемъ этихъ превратныхъ ученій о столь жизненныхъ вещахъ и происходящихъ отсюда вредныхъ послѣдствій хочетъ дать понять людямъ, куда ведетъ ихъ отпаденіе отъ Него, дабы они опытно научились искать спасеніе и счастье тамъ, гдѣ оно есть на самомъ дѣлѣ, т.-е. въ Его ученіи и въ Его Церкви. И если мы вознамѣрились оживить въ себѣ убѣжденіе, что спасеніе наше единственно въ вѣрѣ, а не въ невѣріи, то мы не должны обходить своимъ вниманіемъ и этихъ вопросовъ о трудѣ и собственности. Поэтому сопоставимъ между собою ученіе вѣры и ученіе невѣрія: 1) относительно труда и 2) относительно собственности.

Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой, такъ гласитъ приговоръ Божій надъ согрѣшившимъ человѣкомъ, приговоръ, который простирается на всѣхъ людей безъ изъятія. Для каждаго человѣка трудъ составляетъ необходимость и, такъ какъ мы это дѣлать обязаны, то трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и нашъ долгъ, наша обязанность. Но какъ смотреть на этотъ долгъ наше невѣріе?

Оно, конечно, не можетъ не признать необходимости труда и работы, но на долгъ этотъ оно смотритъ не какъ на высшій нравственный долгъ, въ исполненіи котораго каждый обязанъ давать отчетъ, но какъ на

долгъ необходимости, котораго нельзя избѣжать. Вотъ почему для человѣка невѣрующаго трудъ составляетъ бремя, которое онъ тотчасъ же сбрасываетъ съ себя, какъ только открывается къ тому возможность. Онъ работаетъ потому, что онъ необходимо долженъ работать, потому, что къ этому побуждаютъ его нужды жизни; но онъ тотчасъ же оставляетъ трудъ, какъ только убѣждается, что ему можно жить безъ труда и работы.

Всякому понятно, что, при такомъ взглядѣ на трудъ, послѣдній никогда не будетъ служить для человѣка удовольствіемъ. Напротивъ, онъ всегда будетъ для него бременемъ, всегда будетъ наполнять сердце его чувствомъ недовольства и ропота на свой жребій, какъ горькій и несчастный. Невѣріе не признаетъ и отвергаетъ всякое высшее назначеніе человѣка; оно ничего не ставитъ для него выше земного и чувственнаго счастья и на землю указываетъ ему, какъ на единственное мѣсто, гдѣ только и можетъ онъ рассчитывать на достиженіе счастья, именно когда будутъ удовлетворены его честолюбіе, корыстолюбіе и страсть къ удовольствіямъ. Но между людьми, какъ показываетъ опытъ, большинство такихъ бѣдняковъ, которымъ съ большимъ трудомъ и заботами приходится доставать себѣ необходимое для жизни, въ полномъ смыслѣ „насущный хлѣбъ“. И вотъ, если въ сердцахъ такихъ людей перестаетъ жить всякая высшая надежда и упованіе, если всѣ мысли, чувствованія и желанія ихъ направлены только на землю съ ея радостями и благами, то какое недовольство своею участью должно тогда наполнять ихъ сердца! Не долженъ ли тогда трудъ ихъ всякую минуту казаться для нихъ тяжелымъ бременемъ и мукою? И могутъ ли тогда они смотрѣть на трудъ свой, какъ на серьезную, священную свою обязанность? Въ этомъ случаѣ человѣкъ, хотя и тру-

дится, но трудится потому только, чтобы не умереть съ голоду. Цѣль его труда въ самомъ лучшемъ исходѣ та, чтобы не быть никому въ тягость, чтобы не дойти до нищеты и воровства, столь противныхъ его честолюбію, или, если онъ имѣетъ семью, чтобы прокормить только своихъ семейныхъ. Но всего чаще случается, что человѣкъ трудится съ тою единственною цѣлью, чтобы достать средства къ удовлетворенію своего корыстолюбія и страсти къ удовольствіямъ. Если же такому человѣку какой-нибудь неблагонамѣренный совѣтникъ подастъ надежду находить для себя пропитаніе другими способами и средствами, то онъ готовъ оставить честный трудъ и приняться за самыя пошлыя и гнусныя занятія, прибѣгнуть къ самымъ безнравственнымъ средствамъ.

Всмотримся, братіе, въ жизнь, и мы увидимъ, что все это ежедневно совершается предъ нашими глазами. Гдѣ въ массѣ простого рабочаго люда исчезаетъ христіанская вѣра, тамъ всегда обнаруживается страшное недовольство своею судьбою, и тотъ трудъ, къ которому обязываютъ его званіе и положеніе, является уже бременемъ, которое онъ готовъ сбросить съ себя во всякое время. Ненависть и зависть къ богатымъ и къ состоятельному вообще классу наполняетъ ихъ сердце, и въ этомъ случаѣ стоитъ только какому-нибудь недобросовѣстному лжеучителю подсказать имъ, что, при измѣненіи существующаго порядка, и ихъ участь могла бы измѣниться къ лучшему, и они готовы бываютъ на все, на всякія, хотя бы самыя гнусныя, вредоносныя и губительныя средства. Вотъ почему такъ часто повторяются у насъ забастовки между рабочими; вотъ почему такъ быстро умножаются тамъ, на западѣ Европы, послѣдователи рабочей партіи, или такъ-называемыхъ соціалъ-демократовъ, которыхъ считаютъ

сейчасъ не тысячами, а миллионами. Было бы, конечно, несправедливо считатьъ всѣхъ ихъ за мятежниковъ и разбойниковъ; но печальныя послѣдствія отъ такихъ ученій ясно показали себя предъ лицомъ всего міра, въ 1870 и 1871 годахъ въ Парижѣ, въ тогдашней революціи рабочихъ, сопровождавшейся страшными пожарами, грабежами и убійствами. И всѣ такіе люди то имѣютъ общаго, что всѣ они враги христіанства, воспреещающаго такой образъ мыслей и дѣйствій. Итакъ, въ этомъ ли ученіи счастье человѣка? И тотъ, кто слѣдуетъ этому ученію, будетъ ли внутренне счастливъ, найдетъ ли онъ и внѣшнее счастье?

Но мы не должны думать, что только въ большихъ городахъ съ многочисленнымъ населеніемъ бываютъ люди такихъ взглядовъ, правилъ и намѣреній. Нѣтъ. Всюду, гдѣ человѣкъ зараженъ невѣріемъ, какъ одно изъ первыхъ послѣдствій его является недостатокъ вѣрности своему долгу и призванію. Честное выполненіе своихъ обязанностей становится для него бременемъ; добытые заработки приносятся имъ въ жертву плотскимъ удовольствіямъ; въ душѣ его царятъ зависть и ненависть къ тѣмъ, которые находятся въ лучшемъ, чѣмъ онъ, положеніи, и онъ готовъ бываетъ на всѣ средства, какъ бы они ни были несправедливы и гнусны, чтобы только улучшить свой печальный, какъ онъ думаетъ, жребій. Такихъ людей не трудно сейчасъ встрѣтить и въ нашихъ деревняхъ какъ въ средѣ ремесленнаго, мастерового люда, такъ и между крестьянами, хотя не трудно наблюсти также и то, что такой образъ дѣйствій ни имъ самимъ, ни ихъ семействамъ не приноситъ ни счастья, ни спасенія.

Но, произнося, такимъ образомъ, судъ свой надъ такимъ нехристіанскимъ образомъ дѣйствій рабочихъ, мы не должны закрывать глаза свои и предъ неспра-

ведливостью хозяевъ, которая служитъ причиною современныхъ движеній въ рабочемъ классѣ. Если наши рабочіе въ большинствѣ случаевъ живутъ въ нуждѣ и бѣдности, то въ этомъ виновато не одно только ихъ неблагоразуміе и воздержаніе, наприм., отъ пьянства и другихъ пороковъ, но нерѣдко и то обстоятельство, что они за самую лучшую и честную работу не получаютъ надлежащаго вознагражденія. Каждый *дѣлатель достоинъ мзды своей*,—это законъ, высказанный Богомъ въ Священномъ Писаніи, подтверждаемый и оправдываемый и здравымъ смысломъ. Для честнаго работника трудъ его долженъ обеспечивать средства къ приличному, по его званію, содержанію какъ его самого, такъ и семьи его. Но если хозяинъ рабочихъ не христіанинъ, если онъ на слугъ и работниковъ своихъ смотритъ какъ на рабовъ своихъ, если онъ слишкомъ скупой и несправедливо оплачиваетъ трудъ ихъ, чтобы какъ можно больше пользы и барышей извлечь для себя, то изъ такого нехристіанскаго образа дѣйствій жестокосердаго хозяина и нечестнаго отношенія къ рабочимъ проистекаетъ бѣдствіе послѣднихъ, подъ тяжестію котораго страдаетъ рабочій классъ, озлобляясь противъ своихъ работодателей. Что сказалъ я о нехристіанскихъ хозяевахъ, работодателяхъ, это имѣетъ отношеніе и ко всѣмъ намъ, въ нашихъ отношеніяхъ къ меньшимъ братіямъ. Кто несправедливо удерживаетъ или уменьшаетъ плату поденщику, мастеру или прислугѣ, такъ что послѣдніе не въ состояніи бываютъ дѣлами рукъ своихъ удовлетворять самыя необходимыя потребности жизни, тотъ поступаетъ не по-христіански, грѣшитъ предъ Богомъ и способствуетъ распространенію бѣдствій между людьми; а у кого нѣтъ никакихъ христіанскихъ убѣжденій и вѣры, тотъ и не задумается поступить такъ.

Совершенно другое бываетъ, когда работникъ и хозяинъ его руководятся въ своей дѣятельности началами христіанской вѣры.

Вѣра учитъ насъ прежде всего смотрѣть на трудъ и работу не только какъ на дѣло необходимости и невольнаго принужденія, но какъ на нравственный долгъ, въ исполненіи котораго мы обязаны дать Богу отчетъ. Во всей видимой природѣ мы не находимъ ни одного творенія, ни одной силы, которой Богъ не указалъ бы своей цѣли и своего опредѣленнаго назначенія. Само собою понятно, что и силы, данныя Богомъ человѣку, не должны оставаться мертвымъ капиталомъ, но онѣ сами указываютъ намъ на то, что такова воля Божія, чтобы мы употребляли ихъ въ дѣло, ими дѣйствовали и работали. Вотъ почему первый человѣкъ работалъ еще до грѣхопаденія въ раю, *воздѣлывая его* (1 Моис. 2, 15). Трудъ въ томъ состояніи и призваніи, въ которое Богъ поставилъ человѣка, есть то именно его земное назначеніе, которое дано намъ Богомъ. Мы обязаны силы нашей души и тѣла употреблять для нашего истиннаго блага, для пользы ближнихъ и во славу Божию. Хотя эта наша работа иногда и приноситъ трудъ и болѣзнь, но христіанинъ знаетъ, что Богъ сказалъ: „*въ потъ лица твоего съѣси хлѣбъ твой*“, что труды суть наказаніе и послѣдствія грѣха, и потому онъ не долженъ на это сѣтовать и жаловаться. Христіанинъ совершаетъ свой трудъ по совѣсти, какъ обязанность, возложенную на него Самимъ Богомъ. Въ этомъ у него есть предъ глазами и славные образцы, и прежде всего его Спаситель, Который раздѣлялъ труды Своего отца Іосифа, о которомъ Евангеліе повѣствуетъ, что онъ былъ *плотникъ* (Марк. 6, 3). Совершенно въ духъ своего Учителя поступалъ и св. апостолъ Павелъ, который, по мѣстамъ, самъ о себѣ

свидѣтельствуеть, что онъ, при выполненіи своей апостольской обязанности, кормился дѣлами рукъ своихъ, устраивая шатры и палатки. А тѣхъ, которые вели беспорядочную жизнь и не работали, а занимались бесполезными предметами, онъ увѣщаетъ именемъ Господа Иисуса Христа, чтобы они работали и ѣли свой собственный хлѣбъ, ибо, *кто не работаетъ, тотъ не долженъ*, говоритъ онъ, и *псть* (2 Фессал. 3, 10—12).

Таковыми началами и воззрѣніями руководствуется христіанинъ. А если онъ трудится въ такомъ именно духѣ, тогда сердце его далеко отъ недовольства, зависти и ненависти къ тѣмъ, которые богаче, состоятельнѣе его. Спокойствіе и довольство наполняютъ его сердце, и онъ съ негодованіемъ отвращается отъ вредныхъ ученій невѣрія, которыя стараются внушить ему, что можно сдѣлаться богатымъ и наслаждаться жизнію и безъ труда. Во всѣ времена христіанской вѣры или ничего не знали о такихъ ученіяхъ, или же эти послѣднія не находили себѣ послѣдователей. Въ добросовѣстномъ и усердномъ исполненіи обязанностей своего призванія истинный христіанинъ всегда находилъ свое счастье и свое удовольствіе. Какія же теперь времена приносятъ болѣе счастья и благополучія человѣку: эти времена вѣры, или настоящее время невѣрія?

Но такими правилами руководятся и богатые хозяева, если они истинные христіане. Они смотрятъ на своихъ работниковъ, какъ на своихъ равноправныхъ братьевъ, къ которымъ они и относятся съ полною справедливостію и любовію,—*съ полною справедливостію*, когда они даютъ имъ надлежащую плату, давая имъ, такимъ образомъ, полную возможность удовлетворять существенныя нужды жизни и поощряя ихъ къ большему усердію; *съ полною любовію*, когда дѣлаютъ для нихъ даже болѣе, чѣмъ сколько требуетъ строгая справедливость, какъ, напри-

мѣръ, окружають ихъ заботами объ ихъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждахъ, особенно во время несчастій, болѣзни и старческой дряхлости.

Гдѣ работники и хозяева ихъ поступаютъ по этимъ христіанскимъ правиламъ, тамъ всегда бываетъ истинное счастье и спокойствіе, тамъ никогда не бываетъ такихъ злоключеній, каковыми отличается настоящее время, ни возстаній и насилій со стороны бѣднаго класса противъ состоятельныхъ и богатыхъ, ни притѣсненій бѣдняковъ со стороны богачей; тамъ всегда бываетъ между ними миръ, спокойствіе, любовь и довольство.

Что сказали мы о трудѣ и работѣ, то должны сказать *и о собственности*. И здѣсь все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на эту собственность, глазами вѣры или невѣрія..

Собственность есть плодъ или личнаго труда и работы каждаго, или же наслѣдство, доставшееся отъ предковъ. Для существующаго, Богомъ установленнаго, порядка въ человѣческихъ обществахъ весьма важно, какъ люди понимаютъ собственность. Вотъ почему охраненіе правильно пріобрѣтенной собственности, въ чемъ бы она ни состояла, въ деньгахъ или въ имуществѣ, всегда составляло въ нихъ предметъ главныхъ заботъ, и не могло быть никакого общественнаго и государственнаго порядка тамъ, гдѣ не было бы охраны собственности. Посмотримъ, какъ учить о правѣ собственности вѣра, и какъ—невѣріе?

Поставимъ сперва вопросъ: насколько человѣкъ имѣетъ право на обладаніе собственностью? Христіанская вѣра учить насъ, что всѣ творенія, всѣ земныя блага, по своему существу и природѣ, принадлежать своему Творцу, что Онъ только одинъ есть истинный

и полный обладатель всѣхъ созданий. Но Богъ предоставилъ человѣку право пользованія этими благами земли, и въ этомъ только смыслѣ человѣкъ имѣетъ на нихъ право. Слѣдовательно человѣкъ—не полный и не безусловный обладатель земными благами, каковымъ можетъ быть одинъ только Богъ. Человѣку предоставлено только пользоваться ими, да и это право пользованія ими не есть неограниченное право; онъ долженъ распоряжаться благами земли не такъ, какъ онъ хочетъ, но какъ хочетъ и какъ велѣлъ Богъ. Человѣкъ не въ правѣ употреблять ихъ не для той цѣли, для которой назначилъ ихъ Богъ. Цѣль же эту высказалъ Богъ въ слѣдующихъ словахъ: *„вотъ Я далъ вамъ всякую траву и всякія деревья, чтобы они служили пищею для васъ“* (1 Моис. 1, 29), чтобы они служили средствомъ для сохраненія жизни и притомъ для всѣхъ людей.

Совсѣмъ иначе учить о правѣ на земныя блага невѣріе. По сему ученію, человѣкъ не только имѣетъ неограниченное право пользоваться оными, какъ своею собственностью, но, такъ какъ оно не признаетъ всемогущества Бога, то оно дѣлаетъ человѣка богомъ своей собственности, полнымъ неограниченнымъ владыкою земныхъ благъ, и рассматриваетъ эти послѣднія, какъ средства къ удовлетворенію его все болѣе и болѣе возрастающихъ страстей. Устраняя Бога, оно дѣлаетъ наслажденія жизни и чувственныя удовольствія цѣлію существованія человѣка, а земныя блага—средствомъ для достиженія этой цѣли. Слѣдствіемъ же такого ученія бываетъ то, что между богатыми и бѣдными постепенно образуется такая пропасть, какой не зналъ еще христіанскій міръ, что съ каждымъ днемъ увеличивается болѣе и болѣе количество бѣдняковъ. Между тѣмъ какъ богатые въ порывахъ крайне возбужденной

чувственности безъ мѣры тратятъ свои средства на прихоти и предметы роскоши, бѣдные ихъ собратія терпятъ лишенія и нужды въ самомъ необходимомъ, не имѣя даже подчасъ пищи и одежды! Не вѣра, а невѣріе и безбожіе вызвали и породили это явленіе. Отнимая охоту къ труду и работѣ у бѣдныхъ, это невѣріе погашаетъ духъ любви и милосердія у богатыхъ. Въ этомъ ли счастье для человѣка?

Но какимъ образомъ люди должны примѣнять къ дѣлу свои права пользованія земными благами, или права собственности? Вѣра христіанская и исторія учатъ, что, по волѣ Божіей, человѣку право собственности въ отношеніи извѣстной части благъ земли принадлежитъ въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ пользоваться только ея плодами. Въ продолженіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій такъ и было. Такъ и должно было быть. Ибо въ этомъ только случаѣ, т.-е. когда каждый имѣетъ свою собственность для своего распоряженія и для пользованія плодами своихъ трудовъ, возможно хорошее и правильное хозяйство и экономія; только тогда господствуетъ порядокъ между различными званіями и классами людей; тогда только могутъ сохраняться миръ и согласіе между людьми.

Но противъ этого, существовавшаго до сихъ поръ и у всѣхъ христіанскихъ народовъ принятаго порядка современное невѣріе опять-таки дѣлаетъ возраженіе. По его ученію, всякое обладаніе землею должно принадлежать всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ. Частной отдѣльной собственности не должно быть ни у кого, но плоды этихъ благъ и трудовъ должны быть раздѣляемы между всѣми поровну. Это ученіе называется *коммунизмомъ*. Цѣль этого ученія та, чтобы отмѣнить всякую частную собственность, ввести всеобщее владѣніе землею и хозяйствомъ и равномѣрный дѣлежъ плодовъ его.

Но куда, братіе, ведетъ такое ученіе? Если бы всѣ блага земли были въ общественномъ распоряженіи и общее было обработываніе земли, тогда немыслимо было бы хорошее и правильное хозяйство, ибо каждый сталъ бы избѣгать труда и слагать его на другихъ; каждый сталъ бы надѣяться на другого, естественная лѣность и праздность достигли бы тогда высшаго своего развитія, и ослабѣла бы охота къ труду, такъ какъ личный трудъ никому не приносилъ бы особенной пользы. Равнымъ образомъ не могло бы быть порядка при управленіи и распоряженіи общественнымъ имуществомъ, и вѣчныя происходили бы недоумѣнія и замѣшательства, если бы каждый заботился о всемъ и о всѣхъ. Это всеобщее владѣніе представило бы особенно широкое поле спорамъ и несогласію. Если теперь родные братья сплошь да рядомъ не бываютъ согласны, когда приходится имъ дѣлить наслѣдство отца, если обитатели, дышащіе воздухомъ одного и того же дома, пьющіе воду изъ одного и того же колодезя и стакана, расходятся между собою и ссорятся, то что стало бы изъ человѣчества, если бы ему приходилось дѣлить всякое владѣніе, всякую прибыль и добычу? Тогда родъ человѣческій представилъ бы изъ себя печальную арену ссоръ, распрей и ужасныхъ мятежей.

Такимъ образомъ, ученіе о коммунизмѣ неминуемо привело бы къ величайшему вреду и гибели людей, если бы оно было осуществлено на дѣлѣ. Но вмѣсто этого ложнаго коммунизма вѣра учить насъ истинному коммунизму. По этому ученію блага земли должны давать средства къ жизни всѣмъ людямъ. Стало-быть, плоды каждой частной собственности не должны быть исключительно достояніемъ отдѣльныхъ только лицъ,— не должны они доставлять излишекъ однимъ и лишать существенно необходимаго для жизни другихъ.

Отсюда христiанская вѣра вмѣняетъ въ обязанность богатымъ смотрѣть на свое имущество, какъ на достоянiе всѣхъ, дабы они готовы были дѣлиться имъ съ другими своими собратiями, въ случаѣ ихъ нужды. Почему апостоль говоритъ: *имущiе этого мiра да даютъ неимущимъ... Блаженнiе есть давати, нежелати прiимати* (Дѣян. 20, 35. 1 Тимое. 6, 17 и 18). Если теперь истинный христiанинъ исполняетъ эту обязанность, какое чудное положенiе занимаетъ онъ! Чрезъ это онъ участвуетъ въ дѣлахъ божественнаго промысленiя. Этимъ онъ вноситъ въ жизнь ту любовь, съ которою заботится о всѣхъ Богъ, и, удѣляя своимъ собратiямъ часть своего достоянiя по той самой любви, по которой Богъ назначилъ его для всѣхъ людей, онъ приобретаетъ милость и благоволенiе Бога, тогда какъ невѣрiе пресѣкаетъ въ человѣкѣ источникъ всякой любви къ ближнимъ и дѣлаетъ его существомъ своекорыстнымъ, полнымъ безграничнаго самолюбiя и эгоизма.

На какую же сторону станемъ теперь мы съ вами, братiе? Вотъ сопоставили мы между собою ученiе вѣры и невѣрiя въ отношенiи важнѣйшаго вопроса о трудѣ и собственности и увидѣли, гдѣ истинное счастiе и спасенiе, а потому рѣшенiе этого вопроса не должно затруднять никого. Будемъ же впредь смотрѣть на трудъ и работу, къ которой призваны мы своимъ званiемъ и положенiемъ въ обществѣ, какъ на священную, Самимъ Богомъ возложенную на насъ обязанность, въ исполненiи которой мы должны будемъ нѣкогда дать строгiй отвѣтъ Богу. Будемъ выполнять этотъ долгъ свой съ неослабнымъ усердiемъ ради Бога, по совѣсти, а не изъ-подъ палки, не по принужденiю и необходимости. Пусть, поэтому, не отказывается отъ труда, занятiй и работы и тотъ, кто имѣетъ возможность жить и безъ труда; пусть избѣгаетъ онъ празд-

ности, какъ противной божественному закону, какъ источника и начала всякаго порока. Будемъ довольствоваться тѣмъ, что даетъ намъ нашъ трудъ, хотя бы этого, по нашему мнѣнію, было у насъ и не избыточно, ибо только въ довольствѣ, а не въ избыткахъ заключается наше счастье. Еще менѣе надобно полагать его въ удовлетвореніи корыстолюбія и чувственныхъ страстей. Бѣдные пусть не питаютъ въ сердцахъ своихъ зависти и ненависти къ богатымъ; равно и богатые не должны чуждаться и быть холодными и жестокосердыми къ бѣднымъ, а помнить, что должны дѣлать они съ своими излишками. По слову Господа, кто даетъ бѣднымъ, тотъ займы даетъ Самому Богу.

Итакъ христіанинъ, если ты на свою собственность будешь смотрѣть какъ на имѣніе Божіе,—и будешь распоряжаться ею, памятуя, что за каждый день Богъ потребуетъ отъ тебя отчета, то ты не будешь всѣми силами и средствами стремиться къ неправильной наживѣ и будешь отвращаться отъ всего, что можетъ вести къ ней. Какъ вѣрный домоправитель Бога, ты не будешь забывать бѣдныхъ чадъ Его, но своимъ милосердіемъ къ нимъ сдѣлаешь другомъ своимъ Отца ихъ. Такимъ образомъ жизнь, сообразная съ ученіемъ христіанской вѣры въ отношеніи труда, собственности и распоряженія временными благами земли, принесетъ тебѣ временное и вѣчное счастье и блаженство; по слову Господа: *приобрѣтайте себѣ друзей неправеднымъ богатствомъ, дабы они, когда вы обѣднѣете, приняли васъ въ вѣчныя крѣпы* (Лук. 16, 9).

Владиміръ, Митрополитъ Московскій.

Притча о званнѣхъ на вечерю

(Лук. XIV, 16—24; зач. 76).

Человѣкъ нѣкій сотвори вечерю велию и зва мнози (—16). Кто это человѣкъ нѣкоторый?—Богъ Отецъ. Хотя Богъ есть Духъ, но въ Свящ. Писаніи и Преданіи Онъ представляется намъ часто человѣкообразно и вотъ даже именуется человѣкомъ. Конечно, духъ ни плоти, ни костей, ни формъ не имѣетъ. Но, по снисхожденію къ человѣку, Самъ Богъ Свои совершеннѣйшія свойства благоволилъ обозначить доступными и ясными для человѣка формами. Такъ Богъ приписываетъ Себѣ руки, очи, сердце и др. Не думайте, что Богъ Духъ можетъ имѣть таковыя члены. Значить, подъ ними только нужно разумѣть свойства Божіи. Руки означаютъ всемогущество Бога, очи—всевѣдѣніе, сердце—благость и любовь Его къ тварямъ. Мы часто говоримъ: десница Всевышняго хранить человѣка. Толкуй это такъ: Господь, по Своему благому всемогуществу, сохраняетъ и спасаетъ человѣка отъ бѣдъ. Вотъ и въ притчѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своего единосущнаго Отца называлъ человѣкомъ. Но по дѣйствию сего человѣка мы сейчасъ примѣтимъ, что не человѣкъ это дѣлаетъ. Онъ устрояетъ великую вечерю и зоветъ многихъ. Не рѣдкое явленіе составляютъ званныя вечера. Какъ будто и нѣтъ ничего въ этомъ достойнаго удивленія. Да для

притчи и требовался образъ близко знакомый слуша-
телямъ. Но раскройте покровъ приточный. Что же
будетъ означать велія вечера? Царство Божіе отъ на-
чала міра предопредѣленное или святая Церковь. Ве-
лико это царство и необычайно. Царемъ въ немъ Самъ
Богъ. Члены его суть тмы ангеловъ и спасающіеся
люди (Евр. XII, 22—24). Да и уготована эта вечера
на всѣ времена. Она уже открылась въ раю для без-
грѣшныхъ прародителей. Преслушаніе праотцевъ ли-
шило ихъ блаженства на вечера Божіей до времени.
Входъ былъ закрытъ. Но неложно было слово Бога о
томъ счастливомъ времени, когда настанетъ *годъ вечера*.
Во весь ветхозавѣтный періодъ времени вечера какъ бы
уготавливалась. Избранный Богомъ народъ еврейскій по-
лучалъ званіе на вечерю. Приходили посланники Божіи
и возвѣщали людямъ о семъ. Прошли тысячи лѣтъ
послѣ печальнаго событія паденія прародителей. Когда
исполнилось предопредѣленное время, явился на землю
Богъ Сынъ во плоти, Господь нашъ Іисусъ Христосъ.
Онъ, „будучи образомъ Божіимъ, не почиталъ хище-
ніемъ быть равнымъ Богу; но уничижилъ Себя Самого,
принявъ образъ раба, сдѣлавшись подобнымъ чело-
вѣкамъ и по виду ставъ какъ человѣкъ; смирилъ Себя,
бывъ послушнымъ даже до смерти и смерти крестной“
(Фил. II, 6—8). Такъ Господь Іисусъ Христосъ и въ
притчѣ, назвавъ Бога Отца нѣкимъ человѣкомъ, Себя
Самого именуетъ рабомъ. *И посла раба своего въ годъ
вечери, реци званнымъ; грядите, яко уже готова суть
вся* (—17). Когда Онъ выступилъ на служеніе роду
человѣческому, въ землѣ обѣтованной, то къ народу
избранному обратился со словами: *покайтесь, прибли-
зится бо царство небесное* (Мѳ. IV, 17). Благовѣстіе
о Царствѣ небесномъ было однимъ изъ главныхъ Его
дѣлъ. Онъ и учениковъ Своихъ посылалъ возвѣщать

всѣмъ сынамъ Израиля объ этомъ Божиѣмъ Царствѣ. Приготовлена была такимъ образомъ вечера велія Единородный Сынъ Божій приглашаетъ прежде зван-ныхъ евреевъ. Что же? Откликнулись ли на зовъ Господа званные? *И начаша вкупѣ отрицатися вси* (—18). Званными были изъ среды евреевъ прежде всего книжники, законники, фарисеи, вожди народные. Въ рукахъ ихъ были книги закона и пророковъ. Они читали и толковали народу всѣ тѣ мѣста Писанія, въ которыхъ такъ ярко освѣщалось время веліей вечера, время открытія благодатнаго царства Божія на землѣ. Простой народъ еврейскій коснѣлъ въ невѣжествѣ. Книжники презирали его и честили позорнымъ титуломъ проклятаго (Іоан. VIII, 49). Но мнившіе себя быти мудрыми среди избраннаго народа, ослѣпли духовно и не хотѣли уразумѣть времени царства Божія, явившагося въ силѣ. Отъ призыва принять участіе въ вечера они отказались подъ разными предлогами. Изъ званныхъ *первый рече ему*, т. е. рабу, посланнику челоуѣка, уготовавшаго велію вечерю, *село купишь, и имамъ нужду изыти, и видѣти ее: молются, имѣй мѣ отречена* (—18). Купилъ званный гость поле и имѣетъ нужду осмотрѣть его. Нѣтъ досуга идти на вечерю. Посему онъ и проситъ уволить его отъ присутствія на ней. Поле, имѣніе, состоящее изъ участка земли, для жителя Палестины представляло большую цѣнность. Тамъ земли не много, почва плодородная, и урожаи бывають богатые. И небольшой участокъ стоитъ дорого. Званный господинъ ни во что ставитъ радость отъ участія на вечера по сравненію съ тою радостію, которую доставляетъ ему обладаніе полемъ. Всѣ его помыслы прикрѣплены къ земному. Онъ не хочетъ и думать о другихъ благахъ. Онъ счастливъ, по его мнѣнію, потому что владѣетъ полемъ. Это

поле обезпечиваетъ ему жизнь безбѣдную. Точно владѣлецъ сей вѣки вѣчные собрался жить на землѣ въ довольствѣ и сытости. Онъ не думаетъ, что придетъ время, когда изъ всего поля потребуется участокъ въ три аршина; да и то не на долгіе годы. И въ этотъ-то малый участокъ положить уже бездыханное тѣло, и здѣсь оно обратится въ прахъ. Да, братіе, смерть неизбѣжный удѣлъ всякаго человѣка. Она есть горькій плодъ грѣха прародителей. Мертвымъ же не нужны обширныя поля съ ихъ обильными урожаями. Но человѣкъ имѣетъ душу Богоподобную, бессмертную. Душа-то нуждается въ приобрѣтеніи иныхъ имѣній, негибнущихъ, могущихъ сопутствовать человѣку въ жизнь загробную. Эти негибнущія блага даруются только на вечери, которую уготовалъ Господь Богъ. Мы пользуемся реченіемъ притчи. А по существу нужно сказать, эти блага даруются только въ Царствѣ Божіемъ, т. е. въ Церкви Святой. Вотъ человѣку и предоставляется избирать между обладаніемъ временнымъ и земнымъ благополучіемъ и собираніемъ благъ духовныхъ, вѣчныхъ. Что же цѣннѣе: временное или вѣчное? Простое благоразуміе должно бы сказать, что дороже неизмѣримо-вѣчное. Однако человѣкъ бываетъ близорукъ. Вотъ званный господинъ умолялъ уволить его отъ участія въ великой вечери, потому что привязался всѣмъ сердцемъ къ обладанію землею. А въ нашей жизни развѣ мало подобныхъ примѣровъ можно найти? Домъ, семья, служба, желаніе выслужиться, приобрѣсть не только необходимое, но и излишнее всецѣло поглощаютъ время дѣятельнаго человѣка. Пусть онъ носитъ имя христіанина и вписанъ въ церковныя книги, когда получилъ святое крещеніе. Но что ему блага душевныя, раздаваемая святою Церковію? Времени нѣтъ свободнаго, чтобы приобрѣтать ихъ. Будничные дни

заняты съ утра до вечера. Подходить праздникъ, нужно позволить себѣ отдыхъ. Звонятъ ко всенощной. Давно не бываль въ храмъ Божиємъ дѣловой человѣкъ. Какъ-то уже и охоту потерялъ помолиться въ немъ. Вотъ онъ пришелъ съ своего труда. Охота есть отдохнуть. И остается христіанинъ дома, несмотря на призывъ въ храмъ. Такъ какъ утромъ не нужно рано вставать съ постели на службу, то вечеромъ подъ праздникъ многіе имѣютъ обычай предаваться развлеченіямъ. Собираются въ домѣ гости и начинаютъ играть въ карты, молодые люди танцуютъ, а далеко за полночь всѣ угощаются и расходятся домой утомленными и изнуренными. Требуется отдыхъ. И точно, нѣжится дома дѣловой человѣкъ до полдня. Къ литургіи пойти онъ и не подумалъ. Если совѣсть осмѣлилась напомнить ему о долгѣ христіанина, то онъ постарался упросить ее не беспокоить и позволить имѣть его отреченнымъ отъ молитвы въ храмъ за богослуженіемъ, ибо у него такъ много заботъ по дому и службѣ, что уже и въ праздникъ нѣтъ досуга пойти въ Божій храмъ. Такъ и прорастаетъ человѣкъ къ землѣ съ своими заботами и попеченіями до полнаго забвенія благъ вѣчныхъ. Но и земныя блага вѣдь слишкомъ разнообразны. Приведенный нами въ примѣръ дѣловой человѣкъ съ мірской точки зрѣнія добропорядковый. Въ мірѣ его, пожалуй, хвалятъ. Но бываютъ и другого рода заботы и хлопоты въ областяхъ похоти очесъ и гордости житейской, которыя менѣе приглядны. Но и здѣсь ступени многочисленны.

Въ притчѣ второй изъ званныхъ гостей говоритъ: *супругъ воловъ купи ихъ пять, и гряди искусити ихъ: молю тя, имъ мя отречена* (—19). „Я купилъ пять паръ воловъ, и иду испытать ихъ; прошу тебя, извини меня“. Спаситель разумѣлъ подъ симъ хозяйственнымъ

человѣкомъ, быть можетъ, многихъ изъ богатыхъ фарисеевъ и саддукеевъ, которые, приложивъ сердце свое къ собиранію имущества, не хотѣли и времени какъ бы не имѣли слушать благовѣстіе о царствѣ Божіемъ. Но подобные примѣры часты и въ нашей жизни. Вотъ хорошій хозяинъ весь погрузился въ хозяйство. Не различаетъ онъ ни будничныхъ дней, ни праздниковъ. Самъ отдыха не знаетъ и другимъ не даетъ. Дѣло у него спорится. Человѣкъ хозяинъ богатѣетъ. Скажутъ: вѣдь онъ честный труженикъ и что худого, достойнаго упрека, дѣлаетъ? Мы и не упрекаемъ его за труды. Трудиться Богъ повелѣлъ. Но вотъ что сожалѣнія достойно, что хозяйственный трудъ то всецѣло занялъ его. Нѣтъ у него досуга сдѣлать то, что нужно для души. Шесть дней дѣлай, а седьмой посвящай Господу Богу. Это Божія заповѣдь. Никто не можетъ отмѣнить ея по своему произволу. И сей рачительный хозяинъ исполняетъ первую половину заповѣди. Но кто далъ ему право безбоязненно нарушать вторую? Или онъ уже отважился идти противъ Бога? Ясно, что онъ является нарушителемъ закона Божія. И ради чего же? Ради земнаго, временнаго. Это послѣднее цѣннѣе для него, чѣмъ небесное, Божіе.

Часто у насъ и дѣловые торговые люди, по жаднѣ къ наживѣ, съ легкимъ сердцемъ нарушаютъ эту же заповѣдь Божію. Сколько разъ твердилось о святости праздниковъ Божіихъ, доказывалась польза праздничнаго отдыха даже для временныхъ благъ. Нѣтъ, слѣпота, ненасытная страсть къ приобрѣтенію, заставляетъ человѣка тѣснить себя, стѣснять и другихъ. Торговый человѣкъ самъ весь погрузился въ заботы о наживѣ, да заставилъ многихъ другихъ содѣйствовать ему въ этомъ. Самъ грѣшитъ, да и сихъ послѣднихъ заставляетъ грѣшить. Мы не говоримъ уже о томъ, что

въ торговлѣ многіе прибѣгаютъ къ обману. Кто этого не испыталъ на себѣ? Тамъ въ торговыхъ помѣщеніяхъ обвѣшиваютъ, тамъ обмѣриваютъ, тутъ сбываютъ за хорошій никуда негодный товаръ, примѣшиваютъ постороннія дешевыя вещества, подкрашиваютъ и многое тому подобное производятъ. Скажите, по какимъ побужденіямъ это дѣлаютъ? Богъ, благоволившій и насъ всѣхъ всѣхъ призвать въ церковь Свою, даровалъ намъ и правила жизни святой, и благодатныя средства къ достиженію ея. Мы согласились войти на вечерю велію, Царство Божіе. А потомъ, когда нужно приносить плодъ, достойный званія, многіе говорятъ: нѣтъ, уже насъ имѣйте отреченными. Если этого громко и во всеуслышаніе не говорятъ, такъ дѣлами показываютъ. Они сами себѣ творятъ законъ. Если не обманешь, то и не продашь, повторяютъ дерзко люди, привыкшіе къ неправдѣ, кражѣ и обману. Кто же это выдумалъ поговорку, какъ не люди, дѣломъ отрекающіеся отъ Божія Царства, которое, по Апостолу, есть правда и миръ и радость о Дусѣ Святе (Рим. XIV, 17), а не о неправедной наживѣ. Но еще есть ступень отреченія отъ участія въ вечери Господней, низшая вышеуказанной.

Въ притчѣ третій изъ званныхъ сказалъ; *жену пояхъ, и сего ради не могу приити* (—20). Званъ былъ человѣкъ на вечерю необычайную; но онъ предпочелъ ей свою частную вечерю по случаю брака. Если понимать близко къ буквѣ, то. скажутъ, человѣкъ сей ничего не добраго не дѣлалъ. Бракъ вѣдь Богомъ освященъ. Самъ Спаситель удостоилъ бракъ въ Канѣ Галилейской Своего присутствія. Но во-первыхъ, человѣкъ, отказавшійся отъ вечери только потому, что дѣлалъ дозволенное дѣло, еще потому не можетъ быть оправданъ. Человѣческое онъ предпочелъ Божествен-

ному, временное—вѣчному. „Кто любить отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любить сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Мѡ. X, 37 ср. Лук. XIV, 26), говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Приложите эту мѣру къ поступку человѣка, вступавшаго въ бракъ. Ясно, что онъ не любилъ то, что Богъ по Своему милосердію предложилъ людямъ ради ихъ спасенія. Земное благо его привязало къ себѣ. Онъ уже и извиненія не просить, ибо погрязъ. Но святые отцы подъ выраженіемъ: *жену пояхъ* разумѣютъ вообще плотскую, грѣховную жизнь въ свое удовольствіе. Сюда входятъ: чревоугодіе, пьянство, объяденіе, сластолюбіе и другіе грѣхи плоти, о нихъ же нѣтъ желанія и упоминать. Вожди еврейскаго народа во времена Спасителя были порочны. Самъ Іисусъ Христосъ именовалъ ихъ людьми, исполненными лицемѣрія и беззаконія, хищенія и неправды и уподоблялъ окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей и всякой нечистоты (Мѡ. XXIII, 25, 27—28). Внутренняя нечистота, жизнь беззаконная, жизнь плотская были главными препятствіями къ слѣдованію за Христомъ для книжниковъ фарисеевъ и саддукеевъ. И нынѣ, и всегда будетъ такъ, грѣховная жизнь отвлекаетъ многихъ отъ Христа. Какое общеніе свѣта съ тьмою? Не развращенный ли до мозга костей способенъ сказать въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога? И наоборотъ, кто обитаетъ въ жилищи Божіемъ? Кто вселится во святую гору Божію? *Ходяй непороченъ и дѣлаяй правду, глаголая истину, въ сердцахъ своихъ: уже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла и поношенія не пріятъ на ближнія своя* (Пс. XIII и XIV). И Господь Іисусъ Христосъ изрекъ, что чистіи сердцемъ Бога узрятъ (Мѡ. V, 8). Но могутъ ли узрѣть

Бога такіе люди, у которыхъ всѣ помыслы обращены на служеніе страстямъ? О, горе великое симъ покорнымъ слугамъ страстей. Возьмите чревоугодника. Онъ, по словамъ Апостола Павла, идолопоклонникъ (Фил. III, 19). Очи его не могутъ подняться къ небу. Чрево тянетъ къ землѣ. Возьмите любителя хмѣльнаго питія. Способенъ ли онъ къ участию въ великой вечери Господней? У него есть позорное и грѣховное благо. Имѣйте меня отреченнымъ отъ вечери, скажетъ онъ, да только дайте то, къ чему онъ привязался на погибель себѣ. Такъ всякая страсть дѣлаетъ человѣка рабомъ ея. Надѣнетъ на себя человѣкъ это страстное грѣховное ярмо и ходитъ подъ нимъ, служа грѣху съ усладою. Вотъ почему св. Апостолъ Павелъ и сказалъ, что всѣ служители страстямъ, какъ-то: блудники, прелюбодѣи, воры, лихоимцы, пьяницы и др. Царства Божія не наследуютъ (1 Кор. VI, 9—10). Помните это, братіе, дабы не лишиться намъ участія въ великой вечери нашего Господа, Царствѣ Небесномъ. Но продолжимъ изъясненіе притчи.

И пришедъ рабъ повѣда господину своему сія. Тогда разгнѣвався дому владыка, рече рабу своему: изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя и слѣпыя и хромыя введи съмо (—21). Оскорбленъ былъ отказомъ званныхъ домовладыка, приготовлявшій вечерю. И это понятно. Въ нашемъ житейскомъ быту если-бы приключилось нѣчто подобное, то человѣкъ, съ издержками и хлопотами готовившій званный обѣдъ, справедливо усмотрѣлъ бы въ отказѣ званныхъ неуваженіе къ себѣ, оскорбленіе. Но въ притчѣ домовладыка нашелъ средство, чтобы не пропало даромъ уготованное. Онъ приказалъ своему рабу позвать нищихъ бѣдныхъ, слѣпыхъ и хромыхъ. Это всѣ убогіе люди. Часто они бываютъ и голодными и

холодными. Вдругъ на долю ихъ выпадаетъ лучшая доля. На вечерю къ богатому человѣку зовутъ ихъ пировать. Тутъ ихъ и накормятъ, и напоятъ, и согрѣютъ, и одѣнутъ. Обездоленные въ мірѣ семь, эти убогіе, будучи позваны, и не подумали отказаться отъ участія на вечерахъ.

Теперь снимите съ этой прекрасной бесѣды Спасителя приточный покровъ. На вечерю, т.-е., въ Царство Божіе, получили приглашеніе люди простые, некнижные изъ іудеевъ. Они были нищими духомъ, смиренны и кротки. Презираемые книжниками и фарисеями, они сами о себѣ говорили, что они суть люди малосвѣдущіе, слѣпые и темные и, какъ хромые, не могутъ быть безъ опоры въ жизни. Отверженный вождями народа, Господь Іисусъ Христосъ благовѣствуетъ евангеліе царствія этимъ людямъ простымъ и презираемымъ. Онъ не гнушается ими и входитъ къ нимъ въ дома, принимаетъ угощеніе, раздѣляя съ ними трапезу. Спаситель однажды вошелъ въ домъ мытаря. „Когда Іисусъ возлежалъ, многіе мытари и грѣшники пришли и возлегли съ Нимъ и учениками Его. Увидѣвъ то, фарисеи сказали ученикамъ Его: для чего Учитель вашъ ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками? Іисусъ же, услышавъ это, сказалъ имъ: не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные; пойдите, научитесь, что значитъ: милости хочу, а не жертвы? ибо Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію“ (Мѡ. IX, 10—13). Книжники же именуютъ Спасителя другомъ мытарей и грѣшниковъ (Мѡ. XI, 19; ср. Лук, VII, 34). А вспомните, кто изъ іудеевъ болѣе любилъ Господа нашего Іисуса Христа, какъ не эти отверженные и презираемые книжниками люди? Кто внимательнѣе ихъ слушалъ Его Божественное ученіе? *Бяху же приближающіяся къ нему вси мытари и грѣшници послу-*

шати его (Лук. XV, 1), замѣчаетъ Евангелистъ. За это усердіе и любовь къ слушанію простые люди и опередили въ Божіемъ Царствѣ, на веліей вечери, людей книжныхъ, гордыхъ знаніемъ закона. Они съ полнымъ довѣріемъ отнеслись къ приглашавшему ихъ на вечерю. Сердце у нихъ было смиренно. Они сознавали себя грѣшниками, болящими душею, и рады были тому, что Врачъ душъ и тѣлесъ не отвергъ ихъ. Вотъ они и заняли мѣста на вечери великодушнаго человѣка, который не погнушался ими, т.-е., предварили книжниковъ въ Царствѣ Божіемъ. А рабъ, исполнявшій волю пославшаго его, донесъ ему: *Господи, бысть якоже повелѣлъ еси, и еще мѣсто есть* (—22). Господь Іисусъ Христосъ пришелъ на землю призвать въ церковь Свою не однихъ только евреевъ. Къ нимъ Онъ обратился прежде всѣхъ. „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѣ. XV, 24), говорилъ Господь Іисусъ. Не то значить это, что другіе народы лишены милостей Бога. Не одни евреи будутъ зваными въ царство Божіе. Но время жизни Спасителя на землѣ было кратко. Онъ не успѣлъ бы благовѣствовать другимъ народамъ. Посему Онъ и все время оставался въ Палестинѣ. Но, желая показать, что и другіе народы получили право на участіе въ царствѣ Божіемъ, Спаситель и въ притчѣ указываетъ на это. *Еще мѣсто есть* на веліей вечери. Званные изъ евреевъ и принявшіе участіе въ ней не могли наполнить палатъ добраго господина. Божіе Царство необъятно велико. Да оно и не можетъ остаться пустымъ. Найдется въ немъ мѣсто всѣмъ людямъ. Сего желаетъ и Отецъ Небесный. Онъ хочетъ, чтобы всѣ люди пришли въ познаніе истины и спаслись. Не нудить Онъ, но явно показываетъ Свою любовь Божественную. *И рече господинъ къ рабу: изыди на пути и халуги, и убоѣди*

внити, да наполнится домъ мой (—23). Поди, говорить господинъ рабу своему, за городъ по дорогамъ, распутіямъ и перекресткамъ. Тамъ, конечно, встрѣтятся съ тобою люди. Убѣдительно проси ихъ войти въ домъ мой. Что же означаютъ эти пути, дороги и изгороди? Земли, на которыхъ обитали и обитаютъ язычники. Ихъ звать приказываетъ господинъ. Видишь, какъ любвеобиленъ Отецъ Небесный, представляемый въ притчѣ подъ образомъ нѣкоего человѣка. Людей, отправшихъ отъ Бога, блуждавшихъ во мракѣ идослуженія и ходившихъ въ похотѣхъ сердець своихъ, Онъ зоветъ въ Свое общеніе, на великую вечерю, къ несказанному наслажденію. Такъ Господь и сказалъ; *прииде бо Сынъ человѣческій взыскати и спасти погибшаго* (Мѣ. XVIII, 11), потому что *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего едиnorodнаго далъ есть, да всякъ вѣрующій въ оны, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Примѣть, что говоритъ Евангелистъ. Всякій вѣрующій въ Сына Божія, къ какому бы народу онъ не принадлежалъ, имѣетъ надежду на спасеніе, ибо и къ нему обращено убѣдительное приглашеніе Господа на велію вечерю.

Благодареніе Богу, мы, русскіе, уже девять сотъ лѣтъ тому назадъ получили званіе въ Царство Божіе. Любовь Божественная обильно излилась на родную Русь. Велія вечеря въ силѣ открылась со дней великаго князя равноапостольнаго Владиміра. Подлинно, до него русскіе люди блуждали по распутіямъ и кривымъ извилистымъ путямъ заблужденій и пороковъ. Но вотъ Господь помиловалъ насъ и прислалъ вѣстниковъ убѣждать, чтобы мы добровольно приняли участіе въ вечери. На Руси скоро откликнулись на призывъ вѣстниковъ, и вотъ мы уже члены царства Божія, Церкви святой сыны. Слава Богу, благодѣвшему намъ! Такъ

исполнилось сказанное Спасителемъ: *глаголю бо вамъ, яко ни единъ мужей тѣхъ званыхъ вкуситъ моя вечера. Мнози бо суть звани, мало же избранныхъ* (—24). Мужи тѣ—это суть книжники фарисеи, саддукеи, вожди еврейскаго народа. По своему упорству они отказались отъ участія въ вечера Божіей. Такъ и останутся они внѣ чертоговъ Царства Божія. А послѣ нихъ позванные въ большемъ числѣ изъявили согласіе на участіе въ вечера. Посему и Спаситель въ другой разъ прямо сказалъ фарисеямъ: *глаголю же вамъ: яко мнози отъ востокъ и западъ прїидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣхъ* (Мѡ. VIII, 11).

Такъ, братіе, запомните: въ изъясненной нами притчѣ подъ человѣкомъ нѣкимъ разумѣтся Богъ Отецъ, подъ рабомъ—Единородный Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, а велія вечера означаетъ Царство Божіе, святую Церковь. Званные изъ евреевъ въ большинствѣ отказались вступить въ нее. Мѣсто ихъ заняли многіе изъ бывшихъ язычниковъ. И полноты надлежащей въ Царствѣ Божіемъ еще нѣтъ. Двери открыты. Призываются и нынѣ въ нее люди, блуждающіе во мракѣ идолослуженія. Съ благовѣстіемъ о Христѣ и Его царствѣ ходятъ самоотверженные труженики, переносятъ голодъ и холодъ и всякія лишенія. Помогите имъ, Господи! А мы, братіе, съ вами пребываемъ въ Царствѣ Божіемъ. Всѣ мы, православные чада Церкви Святой, пользуемся превеликими благами на вечера Божіей. Размыслите и оцѣните по достоинству величіе и важность сихъ даровъ. Мы были до крещенія чадами гнѣва Божія, сынами отверженными. Но вотъ облекли насъ въ крещеніи въ бѣлую одежду, знакъ дарованной чистоты. Мы возродились духовно и получили право быть чадами Божіими и наслѣдни-

ками вѣчныхъ благъ. Св. Церковь положила на насъ и печать сыновства въ таинствѣ мѣропомазанія. Она питаетъ насъ Тѣломъ и Кровью Господа Иисуса Христа для вѣчной жизни и врачуетъ немощи души и тѣла въ таинствахъ покаянія и елеосвященія. И это еще не все. Она даруетъ намъ поставляемыхъ Духомъ Святымъ пастырей и учителей и благословляетъ продолженіе рода въ таинствахъ священства и брака. А сколько еще благословеній и благожеланій расточаетъ она ежедневно вѣрнымъ чадамъ своимъ? Воистину великая любовь Божія излилась на насъ не по заслугамъ нашимъ, а только по милости Бога! Но, братіе, Церковь Святая на землѣ подаетъ намъ блага духовныя во спасеніе наше и для вѣчной блаженной жизни. А на землѣ мы странники и пришельцы. Истинное отечество наше на небѣ. Всѣ мы, одинъ за другимъ переселимся въ это отечество. Тамъ будетъ неизреченное блаженство. Но знайте, что Церковь на небѣ и на землѣ едина. Кто не хочетъ быть членомъ ея на землѣ, тотъ не можетъ сдѣлаться таковымъ и на небѣ и потому не вкуситъ вечери Христовой въ царствѣ славы. Какъ огня бойтесь сектантовъ разнаго рода. Они, какъ волки хищные, бродятъ, выискивая себѣ добычи. По внѣшнему виду ихъ скоро и не распознаешь. Сектанты вѣдь любятъ надѣвать на себя личину кроткой овцы. Одни похваляются самочинными продолжительными собраніями въ своихъ моленныхъ, гдѣ самочинные ихъ іереи и архіереи служатъ имъ даже литургіи. Мы разумѣемъ раскольниковъ, пріемлющихъ такъ называемое австрійское священство. Много австріяковъ развелось на Руси. Разные пути они избираютъ для совращенія православныхъ. Но посуди самъ, какое же это законное благодатное Христово священство, когда оно появилось только 60 лѣтъ тому

назадъ? Церковь ни одной минуты не существовала безъ пастырей, поставленныхъ Духомъ Святымъ, и существовать не можетъ, а эти раскольники, отдѣлившись отъ Церкви православной, почти 200 лѣтъ пробыли безъ священства, потомъ же надумали изъ-за границы выписать его себѣ самочинно. Вотъ уже по истинѣ одинъ стыдъ нашимъ раскольникамъ съ австрійскимъ священствомъ по упорству пребывать внѣ вечери Христовой и похвалиться на весь свѣтъ, что вечера сія завелась у нихъ хотя и недавно. Иные изъ любящихъ именовать себя старовѣрами послѣдовательнѣе австріяковъ. Это такъ называемые безпоповцы. Они какъ отдѣлились отъ Церкви, такъ и пребываютъ съ своими стариками уставщиками, замѣняющими имъ священниковъ. Живутъ они безъ таинствъ, безъ освященія. Оно и понятно. Внѣ вечери Божіей какое же можетъ быть духовное освященіе. Кромѣ раскольниковъ, у насъ на Руси водятся еще раздорники сектанты, какъ-то: пашковцы, молоканы, духоборцы, штундисты, баптисты и многіе другіе. Эти уже прямо говорятъ, что на землѣ и нѣтъ вечери Христовой, т.-е., Церкви Святой. Здѣсь только тусклое отображеніе ея въ собраніяхъ сектантовъ. Сіи вольнодумцы добровольно заявили свое отреченіе отъ участія въ Царствѣ благодатномъ. Да на погибель другимъ они тоже раскидываютъ сѣти для улова православныхъ. Но что же они обѣщаютъ вмѣсто тѣхъ благъ, которыми надѣляется насъ Святая Церковь? Легкій путь къ блаженству указываютъ они. А человѣкъ любитъ полѣниться, пожалѣть себя. Вотъ они говорятъ: только вѣруй во Христа, и ты уже спасенъ. Какъ легко, подумаешь, достается спасеніе. Одно сомнительно, кто же сказалъ имъ, что точно этотъ легкій путь ведетъ къ спасенію?

Царствіе небесное нудится, т.-е., усиліями достигается

(Мѣ. XI, 12) и *всякъ въ не нудится*, съ усиліемъ входитъ (Лук. XVI, 16). Сектанты же говорятъ, вопреки слову Спасителя, оно легко получается. Обольщаютъ они себя, обманываютъ и другихъ. Слѣпой берется вести другаго, котораго предварительно лишаетъ зрѣнія. Оба упадутъ, несомнѣнно, въ погибельную яму, изъ которой уже никто не спасетъ ихъ. Вѣдайте, братіе, что только въ Церкви Святой пребываетъ и освящаетъ спасительная благодать Духа Святаго. Хотя бы кто признавалъ Господа Іисуса Христа Богомъ, а къ Церкви бы не принадлежалъ, не спасетъ его одна вѣра безъ послушанія Христу. А Господь Іисусъ Христосъ учредилъ Святую Церковь Свою съ таинствами для освященія и спасенія насъ. Не удивляйтесь и тому, что сектанты говорятъ отъ Писанія. Спроси ихъ, какъ они понимаютъ Священное Писаніе? Они вѣдь толкуютъ его по своему разумѣнію, кто какъ можетъ. Но единственно истинное толкованіе даетъ только Святая Церковь. Она хранитъ слово Божіе и преподаетъ его вѣрующимъ, приходя на помощь имъ въ дѣлѣ пониманія словъ Божественныхъ. И мы знаемъ, и открыто исповѣдуемъ, что толкованіе Церкви непогрѣшительно. Въ ней пребываетъ Святой Духъ и не допуститъ ея погрѣшить или заблудиться. Посему-то Церковь и есть единственная руководительница въ дѣлахъ вѣры. Одинъ древній святой отецъ, св. Иринеи, сказалъ: „не должно у другихъ искать истины, которую легко заимствовать отъ Церкви, ибо въ нее, какъ бы въ богатую сокровищницу, апостолы въ полнотѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни. Она есть дверь жизни“. И св. Апостоль Павелъ сказалъ, что Церковь есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тимѣ. III, 15). Такъ, имѣя истину, дарованную намъ Святою Церковью,

не станемъ слушать отщепенцевъ отъ нея, хотя бы они говорили отъ Писанія. Уже то подозрительно, что они дерзають священныя книги Новаго Завѣта марать красными чернилами, подчеркивая излюбленныя ими мѣста. Все Писаніе боговдохновенно. Святыи Духъ писалъ его чрезъ избранныхъ мужей. И никто по своему произволу не имѣетъ права одно избирать, другое отвергать, а иное совсѣмъ вычеркивать. Это вѣдь гордое противленіе Духу Святому, богоборство. А на таковыхъ прогнѣвается Господь. Всякому смѣло будемъ говорить, что мы чада Церкви православной, хранимъ истину и имѣемъ надежду на спасеніе. Насъ Господь призвалъ на вечерю велію. Такъ возблагодаримъ Его и рабски послушны будемъ Ему. Паче меда сладки намъ блага небесной вечери. Господи! Ты благоволилъ насъ призвать въ Твое благодатное царство. Не лиши насъ и небесной Твоей вечери, гдѣ со всѣми святыми будемъ славить Тебя со Отцемъ и Духомъ Святымъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Василій, Епископъ Можайскій.

Духовный дневникъ*).

*„Всѣ вы сыны свѣта и сыны дня...
Будучи сынами дня, да трезвимся,
облекшись въ броню вѣры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Тес-
сал. 5 г. 5, 8 ст.).*

Брось всякія сомнѣнія и исканія относительно вѣры во Христа Спасителя. Внутри своего существа ты имѣешь требованія нравственнаго закона, ты чувствуешь, что они не земныя, а небесныя, Божественныя. Христосъ Спаситель эти требованія указалъ въ наивысшемъ, недосягаемомъ, совершенномъ видѣ, какъ никто никогда изъ людей; значитъ: Онъ—Богъ, ибо ты самъ же согласенъ, что только Богъ есть источникъ всесовершеннаго добра.

Когда Господь призоветъ тебя къ покаянію, ты увидишь всю скверну своихъ грѣхопаденій, сознаешь все свое ничтожество, возгрѣй тогда крѣпкую вѣру и любовь ко Господу, проси Его помиловать тебя, окаяннаго, растворяя это моленіе надеждою на милосердіе Божіе. Но вотъ пройдетъ время, Господь приметъ твое покаяніе, ты поисправишься, станешь жить по-доброму,

---

*) Продолженіе.—См. м. Ноябрь „Гол. Ц.“.

и у тебя вдругъ станутъ всплывать помыслы: зачѣмъ ты допускалъ въ жизни своей тяжкіе грѣхи, если бы ихъ не было, ты, можетъ, былъ бы поставленъ Господомъ въ чинъ дѣвственниковъ и т. п. О, не допускай этихъ помысловъ!—пригляди́сь къ себѣ: это у тебя начинаютъ проявляться превозношеніе и мечтаніе. Не о томъ думай и скорби, что ты не можешь быть въ такихъ-то небесныхъ обителяхъ, а только умоляй Господа дать тебѣ, недостойному и многогрѣшному, хотя бы самое послѣднее мѣсто въ Царствіи Небесномъ, только бы тебѣ не лишиться лицезрѣть Милосерднаго Господа въ будущемъ вѣкѣ.

Когда ты много спишь, ѣшь, гуляешь, то хотя твое здоровье поправляется, твой организмъ крѣпнетъ, внѣшній человѣкъ цвѣтетъ, но внутренній подавляется, понижается. Такъ, прежде всего ты начинаешь испытывать плотскую брань. Пусть въ бодрственномъ состояніи ты отражаешь ее, но въ сонномъ не избѣжишь нечистыхъ воображеній. Теперь выбирай: лучше ли тебѣ пользоваться здоровьемъ и быть нечистымъ, блуднымъ, сквернымъ, или же—быть слабымъ, немощнымъ, но чистымъ, невиннымъ по мыслямъ? Не жалѣй, поэтому, если ты слабъ тѣломъ, несешь много трудовъ, не имѣешь времени для тѣлеснаго отдохновенія, этимъ ты много предохраняешь себя отъ плотской брани.

Помни, пастырь и всякій, кто далъ обѣтъ служить одному только Господу: міръ, отъ котораго ты отрекся, будетъ стараться попрежнему тебя привлечь къ себѣ, тебя опутать своими цѣпями, какъ паука опутываетъ

своей паутиной попавшуюся къ нему букашку. Ты, добрый пастырь, долженъ быть свободно-независимымъ отъ міра и его привязанностей. Люди, напр., будутъ искать съ тобою духовнаго общенія. Если ты не твердъ духомъ, будешь бояться оскорбить отказомъ такихъ искателей, станешь идти имъ навстрѣчу, то выйдетъ, что тобою окончательно завладѣютъ и—одинъ будетъ требовать частыхъ съ тобою бесѣдъ, другой посѣщенія, третій поддержки и покровительства; и все это, повидимому, подъ благовидными предлогами молитвеннаго общенія, но въ существѣ дѣла часто по простому человѣческому пристрастію. Вотъ тутъ-то и должна быть твердость духа, независимость отъ кого бы то ни было, свобода твоихъ дѣйствій, которая должна быть вдохновляема служеніемъ одному только Богу, одному добру. Міръ будетъ говорить и требовать отъ тебя одного, а ты свободно дѣлай другое. Тебя, напр., будутъ упрашивать: посѣтите нашъ домъ, нашу семью, а ты, если все повѣряешь Господомъ, смѣло и рѣшительно говори: нѣтъ, не посѣщу, или же: посѣщу, но только завтра и т. п. Словомъ, кто желаетъ искренно служить славу Божіей, долженъ вырабатывать въ себѣ силу духа и быть свободнымъ и независимымъ отъ міра и цѣпей его.

Для того, чтобы бороться съ самомнѣніемъ, тщеславіемъ и духовною гордостію, постарайся составить о себѣ мнѣніе, какъ о несовершенномъ и немощномъ, убѣдись, какъ ты убѣждаешься относительно разныхъ явленій міра, что ты, дѣйствительно, слабое и немощное существо. Для этого приведи себѣ на память прежніе недочеты, хорошо поразмысли о живущихъ и прирожденныхъ тебѣ несовершенствахъ, обрисуй свою

личность, какова есть, и убѣдись, наконецъ, что дѣйствительно ты немощной человѣкъ. Пусть послѣ этого тебя хвалятъ и превозносятъ, пусть появляются и всплываютъ у тебя самого самолюбивые и тщеславные помыслы,—всему этому внутренно, отъ сердца, искренно протестуй, держи крѣпко отвѣтъ въ умѣ такой: говорите мнѣ, что хотите, хвалите меня, какъ знаете, не вѣрю я ничему этому, ибо знаю себя лучше васъ и ничѣмъ меня не разубѣдите,—именно знаю, что я крайне немощной и грѣшный человѣкъ.

Не удивляйся и не осуждай, если люди не выносятъ искушеній и падаютъ. Хорошо тебѣ, когда ты свободенъ отъ этихъ искушеній и не испытываешь ихъ. Но кто знаетъ, если бы ты подвергся этимъ искушеніямъ, то вынесъ-ли бы ихъ?

Если ты случайно ошибешься, допустишь неловкость въ присутствіи другихъ, а пастырь, напр., ошибется во время церковной службы, и ты смутишься, станешь досадовать на это, особенно если тебѣ замѣтятъ, тебя поправятъ, то знай, что это смущеніе исходитъ отъ твоей гордости, самомнѣнія о своихъ достоинствахъ и знаніяхъ. Нѣтъ, ошибся,—смирись сейчасъ, подумай такъ: эта ошибка показываетъ, какъ я несовершенъ, какъ мало у меня знаній, какая у меня слабая память, а поправили меня—спасибо имъ, что меня поддерживали, выручили изъ бѣды.

Что такое смиреніе? „Смиреніе, говоритъ преп. Симеонъ Новый Богословъ (2 слово 94), есть какъ бы

некрадомая сокровищница, устрояемая въ томъ умѣ, который носитъ убѣжденіе, что только силою благодати имѣются въ немъ добрыя качества“.

Что такое кротость? Кроткій, похвалами ли окружень или порицаніями, хранить себя безстрастнымъ и ни похвалами не превозносится, ни порицаніями не огорчается (Преп. Сѹмеонъ Нов. Богословъ).

У насъ часто возбуждается смѣхъ отъ неловкостей, недостатковъ и ошибокъ окружающихъ. Удерживай его мыслию, что, можетъ быть, ты еще больше достоинъ смѣха, а вѣдь тебѣ непріятно, когда надъ тобою смѣются.

Если братъ твой ошибется, и ты засмѣешься и поспѣшишь поправить его — помни: ты осуждаешь его и воображаешь, что больше его знаешь, что ты этой ошибки не допустилъ бы, что ты лучше и совершеннѣе твоего брата.

Имя Господа Іисуса должно возбуждать въ насъ умиленіе, тихую радость, отраду. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это имя нашего Искупителя, нашего Спасителя. Мы не можемъ безразлично относиться къ лицамъ, которыя насъ любятъ, благодѣтельствуютъ и покровительствуютъ намъ. Напоминаніе и даже самое имя ихъ насъ уже радуетъ, утѣшаетъ. Въ безконечно большемъ видѣ это нужно представить относительно Сладчайшаго Имени Господа нашего Іисуса Христа.

Намъ одна достопочтенная игуменія І. говорила, что она съ юныхъ лѣтъ такъ возлюбила святителя Іоанна Златоуста за его духовную мощь и творенія, что уже самое имя „Іоаннъ“, когда бы и гдѣ бы оно не произносилось и встрѣчалось, умиляло ее. „Читають, напр., въ церкви помянникъ и поминають Іоанна, Іоанна... сердце мое, говорила она, уже трогается. Случится мнѣ встрѣтить на бумагѣ, письмѣ, конвертѣ это имя,—тоже самое: я умиляюсь“. Вотъ какъ могутъ добрыя души любить угодниковъ Божіихъ и соединять свое сердце съ ихъ свѣтлымъ образомъ.

Для сосредоточеннаго и проникновеннаго служенія Божественной Литургіи большое значеніе имѣетъ подготовка къ службѣ, вычитка положеннаго предъ служеніемъ правила. Чѣмъ внимательнѣе и воодушевленнѣе мы его читаемъ, тѣмъ проникновеннѣе служимъ Божественную Литургію.

Если ты дерзаешь принимать Св. Тайны на Литургіи, то подумай, какъ тебѣ слѣдуетъ подготовить домъ души своей для этого. Онъ долженъ быть у тебя пометенъ и убѣленъ. Вспомни, какъ ты готовишься къ встрѣчѣ высокаго гостя? Ты суетишься, волнуешься, убираешься, ожидаешь, одѣваешься. Живо представляй себѣ предъ св. Причащеніемъ, что ты долженъ принять Самого Господа, и ужъ постарайся все усердіе употребить къ достойной встрѣчѣ Его.

Если мы обратимъ вниманіе на свое сердце, то увидимъ, что въ немъ нѣтъ теплой, умилительной, чистой любви къ Господу. Проблески этой любви, по временамъ, пожалуй, и бываютъ, но общее расположеніе сердца нашего холодное. И нужно знать, что полная любовь къ Господу есть даръ, который пріобрѣтается долгимъ молитвеннымъ подвигомъ. Одинъ, напр., старецъ стяжалъ этотъ даръ только послѣ тридцатилѣтняго усиленнаго исканія его. Сей старецъ постоянно молился, чтобы Господь далъ ему хотя одну минуту насладиться этою любовью. И вотъ, однажды, во время болѣзни, послѣ св. Причащенія объялъ его пламень сей любви къ Господу, и явилось въ сердцѣ у него такое расположеніе, что онъ готовъ былъ уже на всякую болѣзнь, скорбь и страданіе, только бы не лишиться этой любви. Кто имѣетъ сей даръ любви къ Господу, тотъ благодушенъ, спокоенъ, миренъ, добръ, кротокъ, назидателенъ и пріятенъ.

Архимандритъ Арсеній.

Свѣточи Православной Христовой Церкви *).

Авва Аммонъ.

1) Одинъ братъ просилъ авву Аммона: „скажи мнѣ что-нибудь въ наставленіе“. Старецъ отвѣчаетъ ему: „поди, имѣй такія мысли, какія имѣютъ преступники, находясь въ тюрьмѣ. Они всегда спрашиваютъ другихъ: „гдѣ судія? когда онъ придетъ?—и плачутъ отъ ожиданія. Такъ долженъ и монахъ непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: „увы мнѣ, какъ я предстану на судъ Христовъ, и чѣмъ буду оправдываться передъ Нимъ?—Если всегда будешь такъ размышлять, можешь спастись“.

2) Авва Аммонъ говорилъ: „четырнадцать лѣтъ провелъ я въ скитѣ и молился Богу днемъ и ночью о томъ, чтобы даровалъ мнѣ силу побѣдить гнѣвъ“.

3) Однажды братія потерпѣли оскорбленіе на мѣстѣ своего пребыванія, и, желая оставить сіе мѣсто, пошли къ аввѣ Аммону; а старецъ въ это время плылъ куда-то по рѣкѣ. Увидѣвъ, что они идутъ по берегу рѣки, онъ сказалъ корабельщикамъ: „высадите меня на берегъ“, и, подозвавъ братій, сказалъ имъ: „я Аммонъ, къ которому вы идете“. Утѣшивъ сердца ихъ, онъ уговорилъ ихъ воротиться на мѣсто, изъ котораго вышли, ибо случившееся съ ними не вредило душѣ ихъ, но было оскорбленіе человѣческое.

*) См. „Гол. Церкв.“ м. Ноябрь.

4) Нѣкогда авва Аммонъ пришелъ въ одно мѣсто обѣдать. Тамъ былъ челоуѣкъ, о коемъ носилась худая молва. Случилось, что шла одна женщина и зашла въ келью брата, о которомъ была худая молва. Жители мѣста того, узнавъ объ этомъ, произвели тревогу и собрались выгнать его изъ кельи. Но, узнавъ, что епископъ Аммонъ находится тутъ, пришли и просили его пойти съ ними. Братъ, какъ скоро узналъ объ этомъ, скрылъ женщину въ большую бочку. Когда народъ пришелъ, авва Аммонъ узналъ тутъ бывшее; но для Бога скрылъ дѣло, и, вошедши, сѣлъ на бочку, и велѣлъ обыскать келью. Когда же обыскали и не нашли женщины, авва Аммонъ сказалъ: „Что это значить? Богъ да проститъ вамъ“. И, помолившись, велѣлъ всѣмъ выйти, а брата, взявъ за руку, сказалъ ему: „братъ, внимай себѣ“, и, сказавъ сіе, удалился.

5) Авву Аммона спросили; „какой путь есть путь тѣсный и прискорбный?“ Онъ отвѣчалъ: „путь тѣсный и прискорбный есть обузданіе своихъ помысловъ и отсѣченіе собственныхъ пожеланій для Бога. Сіе-то значитъ: се мы оставихомъ вся, и вслѣдъ Тебѣ идехомъ“ (Матѣ. 19, 27).

Авва Аммонъ Нитрійскій.

1) Рассказывали объ аввѣ Аммонѣ: малою мѣрою ячменя онъ проживалъ два мѣсяца. Однажды пришелъ онъ къ аввѣ Пимену и говоритъ ему: „если я прихожу въ келью сосѣда, или онъ приходитъ ко мнѣ по какой-либо нуждѣ, то мы опасаемся разговаривать другъ съ другомъ, чтобы не вкрался какой-либо посторонній разговоръ“. Старецъ отвѣчаетъ ему: „хорошо ты дѣлаешь, ибо молодость имѣетъ нужду въ бдѣніи“. Авва Аммонъ спрашиваетъ: „что же дѣлали старцы?“ Авва Пименъ отвѣчалъ: „старцы усовершенствовавшіеся не имѣли

въ душѣ чего-нибудь иного, и на устахъ посторонняго, о чемъ могли бы разговаривать“.—„Итакъ, сказалъ авва Аммонъ, если будетъ необходимость говорить съ сосѣдомъ о св. Писаніи или объ изреченіяхъ старцевъ, присовѣтуешь ли говорить?“ Старецъ отвѣчалъ: „если ужъ не можемъ молчать, то лучше говорить объ изреченіяхъ старцевъ, нежели о Писаніи, ибо въ послѣднемъ случаѣ—немалая опасность“.

Авва Авраамъ.

1) Разсказывали объ одномъ старцѣ, что онъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, и во все это время едва ли ѣлъ хлѣбъ и пилъ вино. Говорилъ онъ: „я умертвилъ въ себѣ блудъ, сребролюбіе и тщеславіе“. И пришелъ къ нему авва Авраамъ, услышавъ слова сіи, и говоритъ ему: „ты говорилъ это?—Да“, отвѣчалъ старецъ. Авва Авраамъ сказалъ ему: „вотъ тыходишь въ келью свою, и находишь на рогожѣ своей женщину: можешь ли не думать, что у тебя женщина?“—Нѣтъ, отвѣчалъ старецъ, „но я борюсь съ помысломъ, чтобы не прикасаться къ ней“. Тогда сказалъ авва Авраамъ: „итакъ, ты не умертвилъ страсти, но она живетъ, хотя и обуздана. Далѣе, когда ты идешь и видишь камни и черепки, а посреди нихъ золото: можетъ ли умъ твой мыслить о золотѣ, какъ о камняхъ и черепкахъ?“—Нѣтъ, отвѣчалъ старецъ,—но я борюсь съ помысломъ, чтобы не взять золота“. Старецъ Авраамъ опять говоритъ: „итакъ страсть жива, только обуздана“. Наконецъ, сказалъ авва Авраамъ: „вотъ ты мыслишь о двухъ братіяхъ, что одинъ любитъ тебя, а другой ненавидитъ тебя и злословитъ; если они придутъ къ тебѣ, равно ли ты примешь ихъ обоихъ?“—Нѣтъ, отвѣчалъ старецъ,—„но я борюсь съ помысломъ, чтобы благотворить ненавидящему меня такъ же, какъ и любящему“. И го-

ворить ему авва Авраамъ: „итакъ страсти живутъ и въ святыхъ; только онѣ ими обуздываются“.

Авва Апфій.

1) Разсказывали объ епископѣ Оксиринхскомъ, по имени аввѣ Апфій: „Когда онъ былъ монахомъ, вель весьма строгую жизнь, а когда сдѣлался епископомъ, хотѣлъ вести такую же строгую жизнь и среди міра, но не могъ. Повергаясь предъ Богомъ, говорилъ онъ: „неужели по причинѣ епископства отступила отъ меня благодать?“ И было ему открыто: „нѣтъ, но тогда ты былъ въ пустынѣ. Тамъ не было ни одного человѣка, и Богъ помогалъ тебѣ, а нынѣ ты въ мірѣ, и люди помогаютъ тебѣ“.

Авва Аполлонъ.

1) Былъ одинъ старецъ въ Келліяхъ, по имени Аполлонъ. Если кто приходилъ звать его на какую-нибудь работу, онъ шелъ съ радостью, говоря: „со Христомъ я нынѣ буду работать ради души моей, ибо она получитъ награду“.

2) Авва Аполлонъ говорилъ о принятіи братіи: „должно кланяться приходящимъ братіямъ, ибо не имъ кланяемся, а Богу. Видя брата твоего, видишь Господа Бога твоего, и это, говоритъ онъ, приняли мы отъ Авраама (Быт. 18, 2). Принявъ братій, убѣждайте ихъ къ успокоенію; сему научились мы у Лота, который *принуди* (Быт. 19, 3) Ангеловъ.

Авва Андрей.

1) Авва Андрей говорилъ: „монаху приличны сіи три подвига: странничество, бѣдность и молчаніе въ терпѣніи“.

Авва Аіо.

1) Разсказывали объ одномъ старцѣ Ѣиваидскомъ, аввѣ Антіанѣ: „въ юности своей онъ много подвизался, но въ старости ослабѣлъ и ослѣпъ. По причинѣ его болѣзни, братія много доставляли ему утѣшенія, и даже клали ему въ ротъ пищу. Однажды спросили они авву Аіо: „что будетъ за это многое утѣшеніе?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „увѣряю васъ, что если сердце его желаетъ сего утѣшенія и охотно принимаетъ его, то, если онъ съѣстъ и одинъ финикъ, Богъ уменьшаетъ за оный награду за трудъ его. Если же сердце его не желаетъ утѣшенія, то Богъ сохраняетъ трудъ его цѣлымъ, потому что его принуждаютъ противъ воли. А братія получаютъ награду“.

Авва Аммонаѳа.

1) Однажды пришелъ въ Пелузію какой-то правитель, и хотѣлъ требовать съ монаховъ такъ же, какъ и съ мірянъ, поголовной дани. По этому случаю всѣ братія собрались къ аввѣ Аммонаѳѣ, и рѣшили, чтобы нѣкоторые отцы шли къ Императору. Авва Аммонаѳа говоритъ имъ: „нѣтъ нужды въ такомъ трудѣ, а лучше сохраняйте безмолвіе въ своихъ кельяхъ, и поститесь двѣ седмицы, и по благодати Христа я одинъ сдѣлаю сіе дѣло. Братія разошлись по своимъ кельямъ, и старецъ сохранялъ безмолвіе въ своей кельѣ. Когда прошло четырнадцать дней, братія сѣтовали на старца, ибо они не видали, чтобы онъ когда-нибудь выходилъ. Они говорили: „старецъ оставилъ безъ вниманія наше дѣло“. Въ пятнадцатый день братія собрались вмѣстѣ, какъ прежде условились. И старецъ пришелъ къ нимъ, имѣя въ рукахъ грамоту за царской печатью. Видя сіе, братія изумились и спросили старца: „когда ты

принесъ ее, авва?“ Старець отвѣчалъ; „Повѣрьте мнѣ, братія, что въ сію ночь ходилъ я къ царю, и онъ написалъ мнѣ сію грамоту. Отъ него пошелъ я въ Александрію и записалъ ее у правителей, и потомъ возвратился къ вамъ“. Выслушавъ это, братія объаты были страхомъ, и поклонились ему. Такъ дѣло ихъ было сдѣлано, и правитель болѣе не тревожилъ ихъ.

Василій Великій.

1) Одинъ старецъ разсказывалъ о Василии Великомъ: „Посѣтивъ однажды киновію, послѣ приличнаго наставленія, онъ спросилъ настоятеля: „есть ли у тебя здѣсь братъ, который бы отличался послушаніемъ?—Владыка, отвѣчалъ настоятель,—всѣ рабы твои и ищутъ спасенія“. Св. Василій опять спросилъ его: „есть ли кто у тебя, имѣющій истинное послушаніе?“ Тогда настоятель привелъ къ нему одного брата. Св. Василій велѣлъ ему служить при столѣ. Послѣ принятія пищи, братъ подалъ ему воды умыться, а св. Василій говоритъ ему: „пойди, и я подамъ тебѣ умыться“. Братъ допустилъ Василию подать себѣ воды. Св. Василій сказалъ ему: „когда пойду въ храмъ, приходи и ты,—я сдѣлаю тебя діакономъ. Послѣ сего св. Василій сдѣлалъ его пресвитеромъ, и за его послушаніе взялъ съ собою въ епископію“.

Избралъ **М. Новоселовъ.**

Послушаніе.

Въ убогой кельѣ, одинокой,
На хладныхъ каменныхъ плитахъ,
Въ тиши обители далекой
Молился пламенно монахъ.

Просиль у Господа прощенья,
Самоотверженности, силъ,
Чтобъ побороть тѣ искушенья,
Что онъ съ трудомъ переносилъ.

На немъ лежало послушанье:
Пришельцевъ, бѣдняковъ кормить,—
Но къ нимъ святого состраданья
Не могъ въ себѣ онъ возбудить.

Былъ полдень. Въ кельѣ полутемной
Вдругъ свѣтъ лучистый возсіялъ
И уголокъ молитвы скромный
Струею теплою обдалъ.

И инокъ увидалъ въ смятении
Христа въ хитонѣ предъ собой,
Онъ палъ на землю въ восхищеньи,
Исполненъ радости святой.

То былъ Господь не въ часъ страданья,
Не въ часъ распятія на крестѣ,
Не въ часъ молитвы въ Геѣсиманьи
Съ слѣдами крови на Лицѣ,—

То былъ Господь, какъ Онъ являлся
Путь жизни людямъ указать,
Когда на гору поднимался
Святую проповѣдь сказать;

То былъ Господь, когда полями
На Пасху въ градъ Іерусалимъ
Спокойно шелъ съ учениками,
Съ толпой, грядущею за Нимъ.

Изъ глубины души смиренной
Въ восторгѣ инокъ возгласилъ:

„Кто-жъ я, что Ты, Господь вселенной,
„Меня сегодня посѣтилъ?“

„О, дай всѣмъ сердцемъ помолиться,
„Упавши ницъ передъ Тобой,
„И дай мнѣ счастьемъ насладиться,
„Молитвой чистою,—святой“.

„Но вдругъ протяжный звонъ раздался,
Несясь далеко по полямъ,
Имъ часъ полдневный возвѣщался—
Раздачи хлѣба бѣднякамъ.

Тотъ звонъ внезапное страданье
Въ душѣ монаха возбудилъ:

„Ужель идти на послушанье?..—
„Оставить Господа нѣтъ силъ!..“

Но голосъ совѣсти, смиренья
Шепталъ: „Ты долгъ свой исполняй,
„А всѣ тревожныя сомнѣнья
„На волю Господа отдай“.

И онъ пошелъ туда, гдѣ ждали
Тѣ, кто такъ часто голодалъ,
Кого мученья такъ терзали,
Что запахъ хлѣба убивалъ.

Имъ нынѣ монастырь казался
Звѣздою райской, золотой,

А хлѣбъ, что щедро раздавался,
Казался Трапезой Святой.

Окончилъ инокъ послушанье;
Обратно въ келлію спѣшить,
Въ душѣ тревога, ожиданье...

И сердце трепетно стучить:
Ушелъ ли Гость неоцѣненный,
Иль ждетъ его Онъ, можетъ быть...
Съ надеждой тайною, священной
Спѣшитъ онъ дверь пріотворить.

И что-же? дивное сіянье
Онъ снова въ кельѣ увидалъ,
И оправдалось ожиданье,—

Господь опять предъ нимъ стоялъ.
И Гласъ Божественный раздался:
„Зачѣмъ ты возропталъ тогда?..—
„И еслибъ въ кельѣ ты остался,
„То Я ушелъ бы навсегда“.

В. Г.

*Мароо-Маріинская Обитель Милосердія
въ Москвѣ.*

У Пречистой въ Ченстоховѣ и Вильнѣ.

I.

Возвращаясь въ августъ 1911 г. изъ заграничной поѣздки, я, по данному заранѣе обѣщанію, заѣхалъ сперва въ Ченстоховъ, а затѣмъ въ Вильно. Въ обоихъ городахъ мое вниманіе привлекли двѣ древнія чудотворныя иконы Б. Матери, извѣстныя среди вѣрующихъ по именамъ городовъ, гдѣ онѣ, въ разное время появившись въ Россіи, оказались съ теченіемъ своей долгой исторіи. Еще будучи студентомъ въ Петерб. Университетѣ я занялся вопросомъ, который быстро и разрѣшился: „имѣются ли въ католичествѣ, какъ находящемся внѣ Православной Восточной, по мѣсту своего главнаго распространенія, но Вселенской по существу, Церкви,—видимые знаки божественной благодати, какъ, напримѣръ, чудотворныя иконы? Появлялись ли онѣ въ католичествѣ послѣ его отдѣленія отъ православія, въ которомъ оно (католичество) до той поры открыто находилось (исповѣданіе папы Льва, современника Карла Великаго); появлялись-ли такія чудотворныя иконы, чтобы своею благодатною силою поражали бы всѣхъ христіанъ?“. — Легко доставъ сырой историческій матеріалъ, безъ всякаго освѣщенія, лѣтописныя цитаты, я узналъ то, что давно извѣстно специалистамъ богословамъ. Мнѣ достаточно указать, на такіе общедоступные источники, какъ Энциклопед. Сло-

варь Брокгауза и Эфрона, гдѣ желающіе могутъ узнать краткія свѣдѣнія по этому вопросу. („Остробрамская или Островратная икона“, томъ XXII, полутомъ 43, стр. 346, Ченстоховская икона, томъ XXXVIII, полутомъ 76, стр. 499). Читатель узнаетъ, что обѣ эти иконы по своему историческому происхожденію *православныя*. Одна прославилась сперва на св. горѣ Аѳонѣ, а обѣ въ Россіи появились въ разное время. Иконы были привезены на нашу родину среди тѣхъ непрекращавшихся сношеній со св. Горой, которыя выразились; главнымъ образомъ, въ постоянномъ массовомъ приливѣ богомольцевъ изъ Россіи. Эти безвѣстные богомольцы поддерживали ту связь, которая должна постоянно существовать среди отдѣльныхъ частей Единой спасающей Христовой Церкви. Эта связь то ослабѣвала, то усиливалась во внѣшнихъ признакахъ. Извѣстно, что эти паломники приносили домой иконы, книжные списки и оригиналы. У Пыпина въ его „Исторіи русской литературы“, т. I,—сообщается, что и на Аѳонѣ и въ Константинополѣ жили въ монастыряхъ постоянно переписчики книгъ, а также и иконописцы изъ числа русскихъ, какъ и изъ грековъ. Этимъ путемъ пришли многія иконы въ Россію, вступая въ предѣлы тогдашней русской страны черезъ г. Корсунь въ Крыму, почему нѣкоторыя изъ нихъ и называются Корсунскими. Иконы передвигались постепенно въ глубь страны, или въ центръ, или на наши окраины въ Зап. Россіи.

Съ такими воспоминаніями я ѣхалъ въ Ченстоховъ. Утромъ я уже шагаль по улицѣ Дѣвы Маріи, въ концѣ которой возвышается знаменитая Ясная Гора. Здѣсь прославился монастырь-крѣпость тяжелою осадой 1665 г., когда шведы долго и безуспѣшно старались взять приступомъ стѣны, находившіяся подъ защитой неравныхъ силъ; это талантливо изобразилъ Генрихъ Сенкевичъ

въ одномъ изъ своихъ историческихъ („Потопъ“) романовъ. Въ этихъ же стѣнахъ нашлись такіе насельники, среди которыхъ разыгралась всѣмъ отнынѣ извѣстная драма, поколебавшая устои католицизма своею неслыханною преступностью. И это рядомъ съ такой святынею, которую многіе поляки, не зная историческихъ фактовъ, считаютъ ошибочно—національной. Нѣкоторые называютъ Ченстоховъ — польскимъ Іерусалимомъ.

Мнѣ пришлось подыматься на гору сперва по тѣнистой аллеѣ, а выше по сыпучему песку. Эта упраздненная въ 1813 г. крѣпость находится въ весьма выгодномъ военномъ положеніи. Съ вершины горы открывается видъ, какъ говорятъ, верстъ на 60 въ окружности. За своими рвами и стѣнами она скрываетъ монастырь Паулинскаго ордена. У входа толпа разносчиковъ, которые предлагаютъ народу неприхотливый съѣстной товаръ. Въ сторонѣ рядъ лавокъ, гдѣ продаются четки, молитвенники, и типичные по своей сентиментальности католическія священныя изображенія. Нищіе самаго ужаснаго вида стараются всякими возгласами привлечь вниманіе богомольца и за мелкую монету провожаютъ громкимъ призываніемъ благословенія на его главу. Одинъ подростокъ, полузакрывъ глаза и нервно передергиваясь, кричалъ „o! rapowe“; его сосѣди, сидя на землѣ, подобравъ ноги, унылыми голосами просили милостыню, сливая просьбы и молитвы въ одну тягучую речитативную мелодію. Монастырскія стѣны окружаютъ нѣсколькими концентрическими рядами внутренній дворъ, гдѣ находится старинный костелъ съ двумя башнями надъ входомъ. Подъ куполомъ этого храма находится древняя святыня, столь почитаемая народомъ, незнакомымъ съ ея православнымъ происхожденіемъ.

Я у входа. Отъ наружной стѣны до внутренней идутъ перекинутые черезъ рвы каменные мосты. Въ каждой стѣнѣ ворота съ гербами разныхъ знаменитыхъ родовъ, когда-то потрясавшихъ Рѣчь Посполитую своею междоусобною борьбою. Хвастливые гербы, урны на стѣнахъ, по мнѣнію многихъ, очень безвкусныя, лѣпныя украшенія въ стилѣ Возрожденія,—все это носитъ на себѣ печать постигшаго политическаго упадка и кажется какъ-то неумѣстнымъ. Надъ воротами иконы; одна изъ нихъ — копія Ченстоховской, находящейся внутри костела. Послѣдній обращаетъ вниманіе своимъ богатымъ внѣшнимъ видомъ и внутреннею отдѣлкою; но, какъ и всегда это наблюдается въ католическихъ храмахъ,—поражаетъ запущенностью и неопрятностью, допускаемой въ столь чтимомъ мѣстѣ. Быстро миновавъ вереницу исповѣдниковъ, стоявшую у исповѣдальни, гдѣ тяжело дышалъ отъ августовской жары полный ксендзъ, накрывъ платкомъ свое лицо и прислонившись ухомъ къ окошечку исповѣдальни, гдѣ что-то шептала ему бѣдная крестьянка, — я вышелъ въ средній нефъ. Передо мною открывался алтарь, который бываетъ у католиковъ, какъ извѣстно, безъ иконостаса. Надъ алтаремъ наклонился ксендзъ, совершая такъ называемую „нѣмую“ мессу. Рядомъ съ нимъ стоялъ, опустившись на колѣни, пожилой лысый причетникъ, въ какомъ-то фантастическомъ бѣломъ одѣяніи, которое ему спускалось ниже пояса. Онъ поглядывалъ апатично по сторонамъ и изрѣдка вскидывалъ дребезжащимъ колокольчикомъ, когда это полагалось по ходу молчаливаго чина. Дамы, крестьяне, крестьянки, всѣ стояли на колѣняхъ. Нѣкоторыя женщины, павъ на лицо, шептали про себя. Другія быстро скользили взоромъ по молитвеннику. Я не сталъ на колѣни, а, сдѣлавъ земной поклонъ Пречистой Владычицѣ, началъ изучать икону;

и здѣсь воочію я могъ убѣдиться въ совершенно православномъ письмѣ иконы.

Типическіе признаки православной живописи сразу давали себя знать; несмотря на позднѣйшія попытки измѣнить подробности въ рисунокѣ металлической ризы, св. Ликъ глядѣлъ на зрителя, являя всѣ правила византійскаго канона въ письмѣ. Темный Ликъ съ строгими чертами; платъ на головѣ, какой у собственно католическихъ иконъ рѣдко можно видѣть; складки, условнаго типа и въ большемъ изобиліи: вотъ нѣкоторыя наблюденія, которыя сразу намѣчаются.

На головѣ у Пречистой корона. Правая рука положена на грудь,—знакъ смиренія, отличительная черта Божіей Матери, по свидѣтельству св. Діонисія Ареопгита, который сподобился ее видѣть при жизни. Лѣвая рука держитъ Божественнаго Младенца, сидящаго на ней. У Младенца правая рука благословляющая, а лѣвая держитъ дощечку. На головѣ у него также корона. Лики у Пречистой и Ея Сына окружены нимбомъ. Св. икона была принесена изъ Константинополя въ Галицію русскимъ вел. княземъ Львомъ, основателемъ гор. Львова (XIV вѣк.), въ Белзскій замокъ. При Владиславѣ Польскомъ татары осадили замокъ. По приказанію Владислава икона была поставлена на стѣнахъ, согласно извѣстному обычаю. Враги попали стрѣлою въ Ликъ Пречистой, и изъ язвины истекла кровь, какъ это и сейчасъ замѣтно. Въ то же время на враговъ опустилась вредоносная мгла, отъ которой они погибли во множествѣ. Послѣ ихъ отступленія Владиславъ принесъ икону, согласно указанію, полученному во снѣ, на Ясную Гору въ Ченстоховѣ, гдѣ и основалъ, монастырь помѣстивъ въ немъ икону.

Это было въ 1382 г. Монастырь сталъ принадлежать Паулинскому ордену. Въ 1430 г. на обитель напали

представители одной изъ реформаціонныхъ сектъ, чешскіе гусситы, и желали увезти икону. Возокъ, въ которомъ была помѣщена икона, не трогался; тогда одинъ изъ гусситовъ ударилъ мечемъ по Лику Пречистой. Его тутъ же разорвало, а его спутники получили чудесное наказаніе. Въ 1813 г. списокъ съ иконы былъ поднесенъ братіей монастыря нашему генералу Сакену. Императоръ Александръ I украсилъ икону ризою съ драгоценными камнями и приказалъ поставить ее въ правомъ (южномъ) придѣлѣ Пет. Казанскаго собора, гдѣ эту икону-списокъ можно видѣть и сейчасъ. На этомъ спискѣ имѣется соотвѣтствующая надпись.

Мнѣ не пришлось долго оставаться въ костелѣ. Поклонившись еще нѣсколько разъ св. чудотворной *нашей* иконѣ, я долженъ былъ уже уйти къ близкому отходу Варшавскаго поѣзда. Опять промелькнули мимо меня фигуры крестьянокъ, когда я проходилъ черезъ ихъ толпу по костелу. Съ тупымъ взоромъ бродили онѣ отъ алтаря къ алтарю. Быстро миновавъ монастырскіе корридоры, неширокій дворъ и цѣлый рядъ воротъ, я вышелъ на вольный просторъ. Былъ какъ разъ полдень, и подымавшіеся съ земли испаренія заставляли колебаться линію горизонта. Съ этой Ясной Горы такъ далеко и хорошо видно. Впереди разстилались поля съ пожелтѣвшими хлѣбами, а здѣсь—крикъ нищихъ, споры торговцевъ, озабоченныя лица богомольцевъ. „Не вѣдять, не разумѣють, во тьмѣ ходять“, вспоминаются слова псалма, глядя на эти лица. Люди стремятся къ Той, икону Которой они чтутъ съ пламенной вѣрой; но эта вѣра слѣпа, ничего не знающая; ей запрещено читать Слово Божіе, чтобы она не научилась думать, умѣя теперь только чувствовать. Вѣра приводитъ ихъ къ этому св. дару Православной Церкви, которая, благодаря Пречистой, имѣетъ многія сотни Ея прослав-

ленныхъ чудесами изображеній; а мощей, а живыхъ „угодниковъ“ вѣдомыхъ и неизвѣстныхъ? Нѣтъ у католиковъ преп. Серафима, св. Іоасафа, чтобы назвать примѣры почти нашей эпохи. Вѣра есть? Но и бѣсы вѣрують и трепещуть, по слову ап. Іакова. Знають эти факты руководители этой народной толпы, которая вѣками льется волной во дворъ Ченстоховскаго монастыря. Знають, что обѣ эти иконы, Ченстоховская и Виленская Остробрамская — православныя. Но развѣ пожелають они разглашать эти свѣдѣнія; не постараются ли, что они и дѣлають, давать народу изображенія этихъ св. иконъ въ католической трактовкѣ, съ польскими стихами и надписями, желая воспитывать ту мысль, что будто бы обѣ иконы являются національными польскими святынями. Вѣдь только такія изображенія и можно достать, и на нихъ сразу видишь, какъ далека строгій православный Ликъ иконы отъ этихъ едва узнаваемыхъ католическихъ передѣлокъ, гдѣ почему-то придѣланы на рисунокѣ гирлянды безвкусныхъ цвѣтовъ. Бѣдный и несчастный въ своемъ религіозномъ невѣжествѣ народъ, принужденный пользоваться такими и подобными передѣлками!

II.

На другой день въ 3 часа пополудни я былъ уже въ Вильнѣ. Остробрамская или Островратная икона (brama по-польски—ворота) находится недалеко отъ вокзала. Она помѣщается надъ Острыми Воротами, которыя съ давнихъ поръ (XIV, XV вв.) были воздвигнуты на „остромъ“, т. е., возвышенномъ концѣ города, тогда заселенномъ преимущественно русскими. Касательно долгой и сложной исторіи св. иконы имѣется специальная литература на русскомъ и польскомъ языкахъ.

Населеніе Зап. Россіи относится съ великимъ уваженіемъ къ св. иконѣ. Цѣлыя толпы крестьянъ приходятъ ежедневно на поклоненіе; многіе пріѣзжаютъ изъ отдаленныхъ мѣстностей. И православные русскіе, и католики-литовцы и поляки вполнѣ сходятся въ своемъ религіозномъ уваженіи къ св. иконѣ. Мѣстные обыватели прекрасно помнятъ, что икона по своему происхожденію—православная или „русская“, какъ они ее называютъ. Въ этомъ я живо убѣдился путемъ собственныхъ разспросовъ на мѣстѣ.

Самые разнообразныя представители труда, умственнаго и физическаго, утвердительно отвѣчали на мой вопросъ: „Вы знаете что икона не католическая?“— Такое наблюденіе показываетъ, что до сихъ поръ сохраняется преданіе о православномъ происхожденіи св. иконы, которая оказалась, Божиимъ попущеніемъ, въ рукахъ католиковъ въ половинѣ XVI в. Этотъ фактъ имѣетъ громадное принципіальное значеніе какъ для мѣстнаго населенія, такъ и для повсюду происходящей борьбы католицизма съ православіемъ. Только черезъ гордое самовнушеніе и фанатизмъ, черезъ нежеланіе узнать факты изъ исторіи,—станетъ утверждать рядовой католикъ противное вышеизложенному.

Объ этомъ намъ приходится говорить потому, что многіе совершенно не знаютъ всѣхъ преимуществъ православія и ошибокъ католицизма. Между тѣмъ, едва грамотный человѣкъ, и тотъ можетъ научить католика истинѣ, съ которою ознакомиться тому невозможно въ силу запрещенія читать св. Библію. Такіе примѣры блестящей побѣды православія на основаніи одного свящ. Писанія, безъ пользованія другими источниками, подвергались не разъ моему наблюденію. Результаты бывали поразительные. Да и что можетъ сказать такой человѣкъ, который Слова Божія не смѣетъ

читать? Нашимъ дѣломъ остается только учиться во славу Божію и потомъ успѣшно бороться. Религіозное невѣжество католиковъ бываетъ поразительнымъ: на примѣръ, многіе не знаютъ, что апостолъ Павелъ говоритъ о духовенствѣ, состоящемъ въ бракѣ, и думаютъ, что оно должно быть безбрачно, по примѣру католиковъ.

Католики скрываютъ отъ народа многое. Вотъ, возвращаясь къ св. иконѣ, укажемъ на тотъ фактъ, что сіяніе, сдѣланное изъ золотыхъ лучей, а особенно корона, были сильно и намѣренно передѣланы. Корона же получила древній видъ былыхъ польскихъ коронъ. Политическая тенденція, которая вызвала и возстаніе 1863 г. и столько другихъ событій вполне ясна.—Ликъ Пречистой на иконѣ наклоненъ; руки сложены на груди,—знакъ смиренія; такъ изобразилъ Ее въ моментъ Благовѣщенія безыменный благочестивый православный художникъ. Эта дивная икона оказалась въ XVII ст. въ рукахъ католиковъ. Но это случилось не сразу. Православный виленскій монастырь, въ которомъ она находилась, перешелъ въ 1609 г. въ руки униатовъ, а съ тѣхъ поръ онъ подпалъ подъ вліяніе католиковъ, которые поселили въ 1671 г. въ немъ кармелитовъ; до сего дня монастырь остается въ рукахъ католиковъ.

Островратная икона называется также Корсунскою, такъ какъ она появилась въ предѣлахъ Россіи сперва въ г. Корсунѣ, въ Крыму (Херсонесъ Таврическій). Св. икона очень большихъ размѣровъ, написана на двухъ дубовыхъ доскахъ. На головѣ корона, на которой помѣщена другая. Вокругъ Лица вѣнчикъ и золотые лучи. Риза и короны усыпаны камнями. На вѣнчикъ надѣто много бусъ, которые спускаются внизъ. На одной ниткѣ бусъ виситъ крестъ. По сторонамъ св.

иконы поставлены статуи изъ золота, изображающія свв. праведныхъ Іоакима и Анну. Это, конечно, позднѣйшее, католическое измѣненіе. Св. икона празднуется нами 26 Дек. и 14 Апр.¹⁾.

По мѣстному обычаю я прошелъ подъ воротами, снявъ шапку. Передо мною открывалась узкая улица, спускавшаяся внизъ, въ городъ. Обернувшись назадъ, я увидѣлъ святую икону въ часовнѣ, устроенной надъ воротами. Ликъ Пречистой былъ задернутъ занавѣской, по заведенному католиками обыкновенію. Занавѣсъ изрѣдка отодвигается.—Рядомъ со мною стояли на колѣняхъ на панели и посреди улицы, отдѣльно и парами, женщины. Взявъ направо, я вошелъ въ двери этого древняго монастыря. Пройдя мимо католическаго Распятія, занявшаго на Западѣ мѣсто православнаго, съ XII и XIII вв.,—я поднялся по внутреннему ходу въ просторную комнату, гдѣ причетникъ одѣлъ свой фантастическій костюмъ и повелъ меня въ часовню. Сейчасъ же за дверью комнаты я оказался надъ воротами; за католическимъ престоломъ на стѣнѣ была св. икона, еще закрытая бѣлымъ кружевнымъ покрываломъ. Причетникъ потянулъ шнурокъ, и тогда, наконецъ, я увидѣлъ Ликъ Пречистой, къ которому я такъ стремился издалека.

Множество приношеній привѣшено по низу иконы. Я поклонился нѣсколько разъ *нашей* иконѣ и помолился. Кто-то около меня плакалъ; и здѣсь слышалось быстрое монотонное чтеніе молитвенника, и опять четки; всѣ стояли на колѣняхъ; на ихъ лица было тяжело смотрѣть. Всѣ пришли въ движеніе, когда

---

¹⁾ Въ началѣ XIX в. былъ произведенъ ремонтъ ризы, при чемъ она была снята. Внизу иконы обнаружилась надпись съ молитвой на *церк.-слав. яз.*: „*Честнѣйшую Херувимъ*“. Конечно, эту надпись поторопились закрыть.

завѣса открылась и икона стала всѣмъ видна.—Когда я уходилъ отъ этого торжества православія, отъ благодатной, исторически православной святыни, причетникъ опять закрылъ завѣсой Ликъ иконы.

Позднѣе я узналъ, что католики позволяютъ себѣ такъ поступать, когда подъ воротами проходитъ крестный ходъ православныхъ или везутъ покойника.

Еще разъ съ улицы увидѣлъ я уже закрытый Ликъ и покинулъ эти женскія фигуры, молящіяся съ тихимъ шепотомъ на устахъ. Такъ молились ихъ бабушки, не зная, не понимая, только вѣруя. Ихъ не займетъ вопросъ о благодати. Онѣ не станутъ узнавать, кто св. Николай Чудотворецъ, почивающій съ XI в. въ нынѣ католическомъ Бари, когда-то находившемся подъ управленіемъ Константинопольскаго патріарха. Онѣ не знаютъ, что Остробрамская икона также не принадлежитъ католикамъ, какъ Гробъ Господень—туркамъ, такъ какъ обѣ святыни находятся только въ политическомъ, такъ сказать, владѣніи у неправославныхъ людей.

Нѣтъ, зато у насъ въ Православной Церкви „благодать возблагодать“. Нужно только работать, служить Церкви, проповѣдывать Ея непобѣдимость (Мтѣ. 16 гл., ст. 17).

Какое счастье въ этомъ заключается! Въ Церкви люди работаютъ только для Ея разрушенія; внутри Церкви работа созидательная, плоды этой работы вѣчны и спасительны для христіанъ.

Лекторъ СІБ. Дух: Акад. В. Ш.

Душевыя страсти *).

Изъ душевныхъ страстей первое мѣсто въ аскетической схемѣ занимаетъ сребролюбіе (*philarguria*), вслѣдствіе его ближайшей, непосредственной связи (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ) со страстями плотскими ¹⁾. Начало и постепенный ростъ этой страсти весьма подробно описаны у Іоанна Кассіана. Святый отецъ такъ описываетъ ея проявленіе: эта страсть, когда возобладаетъ разслабленною и холодною душою монаха, то сначала побуждаетъ его къ малому стяжанію, представляя ему нѣкоторые справедливые предлоги, по которымъ оно долженъ сберечь или пріобрѣсти нѣсколько денегъ. Монахъ начинаетъ жаловаться на скудость и недостаточность доставляемаго монастыремъ содержанія. Этого содержанія едва хватаетъ и при здоровомъ состояніи тѣла, что же будетъ, если оно впадетъ въ болѣзнь? начинаетъ думать монахъ. Наконецъ, нельзя долго и жить въ одномъ монастырѣ и если не припасти денегъ на путевые расходы, то невозможно будетъ, когда захочется, переселиться и придется вести жизнь наемническую безъ всякаго успѣха. Прельщенный такими мыслями монахъ начинаетъ помышлять, какъ бы ему пріобрѣсти хотя одинъ динарій. И вотъ, чѣмъ больше собирается денегъ, тѣмъ сильнѣе растетъ страсть къ нимъ, Монаху видится впереди долговѣчная жизнь, преклонная старость, различные весьма продолжительные недуги, которые трудно будетъ переносить въ старости, если не заготовить денегъ. Такъ становится жалкой душа, связанная змѣиными узами, и отсюда монахъ и ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о прибыли. Изъ за

---

*) Очеркъ четвертый.—См. „Гол. Цер.“ м. Ноябрь.

¹⁾ Іоан. Кас. Соб. V, 10.

этого онъ не усташится допустить злодѣяніе лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить вѣрность, воспламениться вреднымъ гнѣвомъ. Посему то Апостолъ и называлъ эту страсть не только корнемъ всѣхъ золъ (1 Тим, VI, 10), но и идолослуженіемъ ¹⁾. Изъ представленнаго Препод. Іоанномъ Кассіаномъ хода развитія и роста страсти сребролюбія видно, что она начинается съ простой мысли о необходимости небольшой суммы денегъ, мотивированной кажущейся необходимостью и нуждою ²⁾, а потомъ, постепенно захватывая всѣ стороны человѣческихъ желаній, разрастается въ болѣзненное явленіе воли; послѣ она — настоящая страсть; и дальнѣйшее ея существованіе будетъ всегда характеризоваться явленіемъ ненасытимости. Іоаннъ Кассіанъ, называя сребролюбіе недугомъ, указываетъ на троякое проявленіе его въ монахѣ ³⁾. Во всѣхъ этихъ видахъ общимъ является склонность къ приобрѣтенію денегъ и вообще сокровищъ міра сего. Напряженное, ненасытимое стремленіе къ приобрѣтенію денегъ, имущества и вообще матеріальныхъ благъ является характерной, существенной чертой этой страсти. По словамъ названнаго отца свойство сребролюбія таково, что душѣ, однажды плѣненной этой страстью, оно не позволяетъ соблюдать никакого правила честности и не даетъ насытиться никакимъ увеличеніемъ прибытка. Непствоство этой страсти — не насыщаться никакою громадностью богатства ⁴⁾. Адъ не скажетъ: довлѣетъ (Прит. XXX, 16); и любостыжательный никогда не говоритъ: „довольно“ ⁵⁾. Хорошо нѣкто сравнилъ корыстолюбцевъ со страждущимъ водяною болѣзнію. Какъ тѣ, чѣмъ болѣе имѣютъ воды въ своемъ тѣлѣ, тѣмъ болѣе чувствуютъ жажду; такъ и корыстолюбцы, имѣя много, желаютъ большаго ⁶⁾. Море, говоритъ преп. Нилъ Синайскій, не наполняется, принимая въ себя множество рѣкъ, и похотѣніе сребролюбца не насыщается собраннымъ уже имуществомъ; удвоилъ онъ его — и удвоенное снова удвоитъ желаетъ и никогда не перестаетъ стремиться къ этому, пока

¹⁾ Ин. Кас. кн. VII, 7—11.

²⁾ Ср. Нил. Сип. Доброт. II, 237, 11.

³⁾ Кн. 7, 14.

⁴⁾ Тамъ же, 24 гл.

⁵⁾ Вас. Вел. IV т. бес. 7 98 стр.

⁶⁾ Изъ сл. Іоан. Злат. Цвѣтникъ Духовный, II ч. 121.

смерть не прекратитъ его бесполезнаго труда ¹⁾. Такой характеръ страсти сребролюбія тѣмъ болѣе паразителенъ, что ея сущность — ненасыщаемое желаніе внѣшнихъ благъ — не можетъ быть выведена изъ потребностей (духовныхъ и тѣлесныхъ) природы человѣка, потому что не имѣетъ въ насъ главнаго начала, зачинается не отъ вещества, которое бы относилось къ участию души или плоти или сущности жизни. Опытомъ самой жизни подтверждается, что къ употребленію или потребности природы принадлежать въ собственномъ смыслѣ только ежедневное вкушеніе пищи и питія; всѣ прочія „вещи“ чужды человѣческой потребности. Вотъ почему и сребролюбіе оказывается страстью, чуждой человѣческой природѣ, не имѣющею никакой опоры въ ея натуральныхъ нуждахъ ²⁾. Такимъ образомъ, любостыжательность не изъ природы, а отъ воли имѣетъ свое начало ³⁾ и отъ „злой воли“ ⁴⁾. Слѣдовательно, центръ тяжести и главная причина страсти лежитъ несомнѣнно также въ душѣ человѣка, въ ложномъ пониманіи имъ своего истиннаго, верховнаго, самоцѣннаго блага ⁵⁾, а также въ превратномъ практическомъ отношеніи къ матеріальнымъ благамъ, изъ которыхъ онъ „тѣлаетъ себѣ идола, и полагаетъ его въ сокровеніи“ ⁶⁾. Поэтому сущность сребролюбія, выражающаяся въ порабощеніи всего строя духовной жизни (духа) матеріальнымъ благамъ, является результатомъ разслабленности души ⁷⁾, развращенности воли, и злого порожденія пожеланія ⁸⁾, недостаточности любви къ Богу, вялости непорченнаго, разслабленнаго духа ⁹⁾. Уклоняясь отъ истиннаго и безусловнаго блага къ благу низшему, условному, воля человѣка центръ своихъ стремленій полагаетъ уже не въ невещественномъ, а въ самомъ веществѣ ¹⁰⁾. На богатство человѣкъ воз-

¹⁾ 1 т. Соч. 209, 8.

²⁾ Ин. Кас. Соб. V, 8; кн. 7, 1, 5; ср. Нил. Син. I т. 209, 8; его же II т. 116—123 стр.; Ефр. Сир. III, 396.

³⁾ Григ. Пал. Доброт. V. 265, 16.

⁴⁾ Ин. Кас. кн. VII, 5; Ефр. Сир. Доброт. II, 400, 137.

⁵⁾ Нил. Син. II т. 82, 63.

⁶⁾ Нил. Син. I т. 210, 8; Ин. Л. 16, 2; Добр. II, 124, 129.

⁷⁾ Нилъ Син. I т. 209, 7.

⁸⁾ Ин. Кас. кн. VII, 5; Ефр. Сир. Добр. II, 400, 137.

⁹⁾ Тамъ же, кн. VII, 1.

¹⁰⁾ Нил. Син. Добр. II, 240, 16.

лагаеть всѣ свои надежды и упованія; въ немъ видить единственную опору своей жизни, имъ опредѣляется весь смыслъ его существованія. Самое богатство дѣлается для человѣка кумиромъ ¹⁾. Понятно, конечно, что все дѣло заключается во внутреннемъ отношеніи къ матеріальнымъ благамъ. Внѣшній фактъ обладанія даже и большими имуществами самъ по себѣ еще не говоритъ о присутствіи страсти корыстолюбія въ душѣ обладателя. По словамъ преп. Іоанна Кассіана, возможно и немущему денегъ не быть свободнымъ отъ болѣзни сребролюбія... ибо какъ иныхъ тѣломъ неоскверненныхъ Евангельское слово провозглашаетъ нечистыми сердцемъ (Мѡ. V, 28), такъ и нисколько необремененнымъ тяготою денегъ возможно быть осужденными вмѣстѣ со сребролюбцами по сердцу и уму. Имъ недоставало только случая къ приобрѣтенію, а не воли, которая въ очахъ Божіихъ всегда имѣетъ болѣе вѣса, чѣмъ необходимость ²⁾. Не думай, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, что приобрѣтеніе золота и серебра есть любостыжательность; она есть приобрѣтеніе чего бы то ни было такого, къ чему привязана воля ³⁾. Препод. Іоаннъ Кассіанъ изъ жизни иноковъ приводитъ дѣйствительные, нерѣдкіе случаи пристрастія ихъ къ маловажнымъ и малоцѣннымъ вещамъ. Онъ свидѣтельствуешь, что многіе со всѣмъ усердіемъ отрелись отъ міра, охотно оставили множество житейскихъ вещей, большія стяжанія и сокровища мірскія, чтобы вступить въ монастырь, но потомъ здѣсь они такъ пристрастились къ немногимъ и малоцѣннымъ вещамъ, что забота о нихъ значительно превышала ихъ страсть ко всѣмъ прежнимъ богатствамъ. Такимъ монахамъ, по словамъ св. отца, безъ сомнѣнія мало принесетъ пользы то, что они оставили большія богатства и имущества, потому что тѣ страсти, для искорененія которыхъ и надлежало оставить ихъ, они принесли на другія, немногія и ничтожныя. Не имѣя возможности питать страсть любостыжанія и скупости вещами драгоцѣнными, они сосредоточиваютъ ее на вещахъ болѣе дешевыхъ и, такимъ образомъ, очевидно, не отсѣкають прежней страсти, а лишь придаютъ ей другой видъ пере-

¹⁾ См. у Е. Ѳ. толк. на п. къ Ефес. (V, 5) 381.

²⁾ Кн. VII, 22.

³⁾ Сл. 56, 277.

несеніємъ на другіе объекты,—какъ будто все дѣло здѣсь въ различіи металловъ, а не въ самой страсти. Напротивъ тотъ, кто презрѣвъ большее, привязывается къ меньшему, достоинъ тѣмъ большаго осужденія ¹⁾. Возможны поэтому, и дѣйствительно бываютъ случаи обладанія богатствами и употребленія ихъ, чуждые страсти сребролюбія. По словамъ Максима Исповѣдника, изъ приобретающихъ имѣніе нѣкоторые приобретаютъ его безстрастно, почему и лишаясь не скорбятъ ²⁾. Итакъ—не деньги рожаютъ сребролюбіе, а любовь къ деньгамъ.

Нравственной вмѣняемости въ страсти сребролюбія подлежить не обладаніе имуществомъ, а губительное порабощеніе воли матеріальнымъ благамъ, сообщающее всей жизни чловѣка грубо эгоистическій характеръ, поскольку центромъ его жизнедѣятельности является „мамона“—сребро ³⁾. Корыстолюбецъ стремится къ приобретенію земныхъ благъ, видя въ нихъ не потребность, а источникъ и средство самоуслажденія и самовозвышенія ⁴⁾. Три причины любви, говоритъ св. Максимъ Исповѣдникъ, бываетъ у людей къ богатству: сластолюбіе, тщеславіе и невѣріе. Сластолюбивый любитъ сребро, чтобы съ помощью его наслаждаться, тщеславный—чтобы прославиться, а невѣрующій, чтобы скрыть и хранить его, боясь голода или старости или болѣзни изгнанія, и болѣе надѣясь на него, нежели на Бога Создателя и Промыслителя всякой твари ⁵⁾. Страдающій корыстолюбіемъ, такимъ образомъ, не возвышается надъ внѣшними матеріальными благами, а, напротивъ, онъ нераздѣльно и исключительно, „какъ цѣпью“, связываетъ благосостояніе собственной личности съ ними; и лишеніе ихъ, причиняя великое огорченіе, отнимаетъ у жизни смыслъ и отраду ⁶⁾. Ихъ онъ дѣлаетъ для себя Богомъ и любитъ паче Бога ⁷⁾. „Богъ забытъ: бо-

¹⁾ Соб. IV, 21; ср. Ефр. Сир. Добр. II, 400, 137.

²⁾ Добр. III, 194, 89; ср. тамъ же 227, 91; 191, 75; Мак. Вел. V, 13; Нил. Син. I, 209, 7.

³⁾ Нил. Син. II т., 210, 8.

⁴⁾ Макс. Исп. Добр. III, 198, 16—18; Ефр. Сир. III, 395.

⁵⁾ Тамъ же; ср. Ефр. Сир. Добр. II, 399, 135; Нил. Син. I т. 9, 7—8; Ин. Лѣст. 16, 2; Добр. II, 237, 11.

⁶⁾ Нил. Син. I, 209, 7.

⁷⁾ Тамъ же II т. 141—142; Никита Ство. Добр. V, 128, 57.

гомъ для него стало любостяжаніе“ ¹⁾, и человѣкъ сдѣлался „добровольнымъ отступникомъ“ отъ Него, такъ какъ сребролюбіе есть идолослуженіе ²⁾. Вотъ почему отцы-аскеты и называютъ страсть сребролюбія „гнуснымъ и безчестнымъ порокомъ“ ³⁾, гибельнѣйшею болѣзнію души, которая врагуется съ трудомъ ⁴⁾, такъ какъ „она есть вмѣстѣлище пороковъ, корень всѣхъ золъ и становится неистребимымъ подстрекателемъ ко злу, какъ Апостоль говоритъ: корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе, т. е. любовь къ деньгамъ (1 Тим. 6, 10) ⁵⁾. Сребролюбіе чрезъ ненасытную жадность и привязанность къ деньгамъ, легко можетъ, подобно примѣру Іуды, довести корыстолюбца до отчаянія ⁶⁾; подобно Гіезію, оно поражаетъ духовной проказой умъ и сердце и, всю душу дѣлая нечистой предъ Господомъ, подвергаетъ ее вѣчному проклятію ⁷⁾, осужденію и наказанію чрезъ смерть, подобно Ананіи и Сапфирѣ ⁸⁾.

Слѣдующая по порядку за сребролюбіемъ страсть называется у отцовъ-аскетовъ гнѣвомъ (*δργή*). На этомъ мѣстѣ она ставится не случайно, а по связи съ первымъ (сребролюбіемъ) ⁹⁾. Общею, сродняющею между собою эти двѣ страсти основою является грубо-эгоистическое начало, такъ замѣтно проявляющееся въ нихъ обоихъ ¹⁰⁾, и выражающееся въ скрытомъ тяготѣніи къ удовольствію ¹¹⁾. Состояніе гнѣва съ точки зрѣнія корыстолюбія является вполне объяснимымъ. Первое вызывается всякими внѣшними препятствіями, которыя встрѣчаются у человѣка на пути осуществленія его личныхъ цѣлей, стремленій,—когда воля его приходитъ въ столкновеніе съ другой волей, не желающей ей подчиниться, когда онъ

¹⁾ Добр. II, 246, 35.

²⁾ Ин. Лѣств. 16, 3; Ин. Кас. кн. VII, 7.

³⁾ Ин. Кас. кн. VII, 3—6; 20.

⁴⁾ Тамъ же, VII, 20; Соб. V, 8.

⁵⁾ Тамъ же, кн. VII, 6; Ефр. Сир. II т. 206; III т. 272—273; Нил. Син. 1, 208, 7; Иоан. Лѣств. 17, 14.

⁶⁾ Иоан. Кас. кн. VII. 23.

⁷⁾ Тамъ же, 26 гл.

⁸⁾ Тамъ же, 25 гл. Ефр. Сир. III, 273.

⁹⁾ Ин. Кас. Соб. V, 10; ср. Ин. Лѣств. 17, 10.

¹⁰⁾ Евагріи м. Доброт. 1, 604, 6.

¹¹⁾ Тамъ же 573, 15, 589, 99; Авва Дороее. п. 12, 142.

встрѣчасть со стороны людей—дѣйствительно или мнимо-несправедливое къ себѣ отношеніе и т. под. Поэтому аскеты и предупреждаютъ: „не настаивай ни въ коемъ случаѣ, чтобы было по твоей волѣ, ибо отъ сего рождается гнѣвъ¹⁾. Болѣзненная настроенность воли сребролюбца въ данномъ случаѣ является болѣе удобной почвой для возникновенія страсти гнѣва. Это чувство (гнѣва), говоритъ Епископъ Теофанъ, возникаетъ отъ всего, что какимъ-нибудь образомъ тревожитъ наше самолюбіе; но самое широкое поле для расположенія сего зелія представляетъ любоиманіе. Не тронь, это мое. Таковъ законъ любостыжанія. Тронетъ кто,—и пошли неудовольствія, серчаніе, гнѣвъ, вражда, ненависть²⁾. Поэтому основная причина гнѣва заключается въ насъ самихъ, это—наша нетерпѣливость³⁾; и поскольку причину нашего исправленія и спокойствія надо искать въ самихъ себѣ, въ своей собственной добродѣтели,—постольку и гнѣвное неспокойное настроеніе—есть проявленіе нашей воли⁴⁾. При этомъ условіи поводы гнѣва могутъ быть чисто внутренніе. Преп. Іоаннъ Лѣстничникъ говоритъ, что гнѣвъ можетъ возникнуть по поводу „воспоминанія сокровенной ненависти“⁵⁾, т. е. на почвѣ памятозлобія. Подъ вліяніемъ навѣянныхъ раньше демонами помысловъ памятозлобія⁶⁾, самые помыслы весьма быстро переходятъ въ область сердца, и гнѣвъ дѣлается желаніемъ зла огорчившему⁷⁾. При воспоминаніи о тѣхъ или другихъ непріязненныхъ чувствахъ, сердце приходитъ въ огорченіе, а огорченіе вызываетъ раздражительность, эта послѣдняя, обладая удобопреклонностью движенія, скоро охватываетъ всю душу человѣка, и воля, парализованная неожиданно внутреннимъ состояніемъ, готова бываетъ обрушиться на тѣ или другіе объекты⁸⁾. Родительницы гнѣва могутъ быть и другія многія, какъ то: тщеславіе, обьяденіе,

¹⁾ Варс. и Іоанн. 495 отв.

²⁾ Толк. на Паст. посл. 1 Тим. (VI, 12) 441.

³⁾ Іоан. Кас. кн. VIII, 15.

⁴⁾ Тамъ же, 16 г. ср. 18 гл.

⁵⁾ Сл. 8, 5.

⁶⁾ Нил. Син. Добр. II, 235, 43.

⁷⁾ Іоан. Лѣств. Тамъ же.

⁸⁾ Тамъ же.

а иногда и блудная страсть¹⁾; даже удовольствія могутъ послужить поводомъ къ гнѣву²⁾; отъ горделиваго о себѣ и презрительнаго о другихъ мудрованія можетъ явиться гнѣвъ³⁾; чаще же всего гнѣвъ бываетъ дѣйствіемъ діавольскимъ⁴⁾.

Отъ какихъ бы внѣшнихъ причинъ и поводовъ не происходилъ гнѣвъ, и въ какихъ бы внѣшнихъ формахъ онъ не выражался, по мнѣнію отцовъ, онъ всегда сохраняетъ за собой свойства состоянія чисто психическаго. Въ аскетической литературѣ въ качествѣ основной, характерной черты гнѣва выдвигается—желаніе отомстить обидчику⁵⁾. Это желаніе мести, вдохновляемое и поддерживаемое чувствами ненависти, неудержимо стремясь къ внѣшнему обнаруженію въ соответствующихъ словахъ, дѣйствіяхъ и поступкахъ, дѣлаетъ гнѣвъ явленіемъ разрушительнаго характера⁶⁾. Гнѣвъ, являясь бурнымъ, стремительнымъ, легко возбудимымъ, всякій разъ при своемъ возникновеніи, колебля душевную устойчивость, нарушая психическое равновѣсіе,—вноситъ въ духовную жизнь беспорядочность, полную расшатанность, неупорядоченную стихійность⁷⁾. Въ этомъ отношеніи страсти гнѣва, по сравненію съ другими страстями, должна быть отдана пальма первенства⁸⁾. Тѣдкій дымъ этой страсти помрачаетъ умъ, такъ что онъ теряетъ всякую разсудительность и лишается вѣдѣнія⁹⁾; почему у одного отца по справедливости эта страсть сравнивается съ гангреней, и называется „кратковременнымъ бѣшенствомъ¹⁰⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ такъ говоритъ объ этой страсти: „ничто такъ не помрачаетъ чистоту души и ясность мысли, какъ гнѣвъ необузданный и выражающійся съ великой силой. Гнѣвъ губитъ и разумныя, говоритъ Премудрый (Притч. XV, 1).

1) Тамъ же 8, 28, 29; ср. Авва Дороо. п. 12, 142.

2) Евагріи м. Доброт. I, 589, 99.

3) Феод. Студ. Доброт. IV, 502, 266.

4) Варс. Іоан. Отв. 486.

5) Евагріи м. Добр. 1, 604, 6.

6) Евагр. м. Добр. 1. 572, 11; 604, 6; Исих. преп. Добр. II, 164. 31.

7) Нил. Син. I т. 210, 9.

8) Евагр. м. Добр. 1, 604, 6; Варс. Іоан. Отв. 486.

9) Тамъ же 572, 14; Нил. Син. I, 210, 9; ср. Іоан. Лѣств. 26, 216; Ефр. Сир. Добр. II, 402, 156; Ин. Кас. кн. VIII, 6.

10) Тамъ же 599, 3.

Помраченное имъ око души, какъ бы въ ночномъ сраженіи, не можетъ отличить друзей отъ непріятелей и честныхъ отъ безчестныхъ... пылкость гнѣва заключаетъ въ себѣ нѣкоторое удовольствіе, и даже сильнѣе всякаго удовольствія овладѣваетъ душою, низвращая все ея здоровое состояніе. Онъ производитъ гордость, несправедливыя вражды, безразсудную ненависть, часто принуждаетъ безъ разбора и безъ причины наносить оскорбленія и заставляетъ говорить и дѣлать много другого подобнаго, такъ какъ душа увлекается сильнымъ напоромъ страсти и не можетъ собраться съ силами, чтобы противостать ея стремленію¹⁾.

Печальными послѣдствіями содержащагося въ нашей душѣ смертоноснаго яда гнѣва является, по мысли преп. Іоанна Кассіана, то, что мы не можемъ ни стяжать правильнаго различенія добра и зла, ни обладать зрѣлостью совѣта, ни быть причастниками жизни безсмертной, ни держаться правды неуклонно, ни даже воспринимать истинный духовный свѣтъ,—такъ какъ, омрачившись тьмою его (гнѣва), мы не можемъ быть храмомъ Св. Духа, пока будетъ обитать въ насъ духъ гнѣва. Удерживаемый въ сердцѣ гнѣвъ хотя присутствующихъ людей не оскорбляетъ, но исключаетъ свѣтлое сіяніе Св. Духа, все равно какъ и обнаруженный на дѣлѣ²⁾. Въ религіозномъ отношеніи эта страсть удаляетъ и искореняетъ изъ сердца главнѣйшія христіанскія добродѣтели: любовь къ Богу и ближнимъ, терпѣніе, кротость, смиренномудріе, милосердіе и подобныя другія³⁾. Молитву къ Богу дѣлаетъ совершенно безплодной и лишаетъ гнѣвающагося всякаго „милосердія Божія“, чрезъ что и губитъ самую душу⁴⁾.

Въ аскетической литературѣ отмѣчается еще особый видъ гнѣва—добрый, согласный съ разумомъ. Похвальный гнѣвъ бываетъ, когда мы гнѣваемся на самихъ себя, т. е. на приходящіе на насъ худыя помыслы; или-же мы гнѣваемся на

¹⁾ Твор. I т. 432 стр.

²⁾ Кн. VIII, 1, 12; ср. 6 гл.; Ефр. Сир. Добр. II, 400, 138, Іоан. Лѣст. 8, 14.

³⁾ Евагріій м. Добр. I. 575, 26, 48; 571, 6; Іоан. Кас. Соб. 16, 27; Нилъ Син. 1, 210, 9—10; Ефр. Сир. Добр. II, 405, 186.

⁴⁾ Ін. Кас. кн. VIII, 12; Добр. II, 253, 20, 21; 17, 18; Евагр. м. Добр. I, 604, 6; Ін. Лѣст. 9, 14.

худые поступки ближняго нашего¹⁾. Но не всѣ отцы-аскеты признають этотъ, такъ называемый, праведный гнѣвъ. Нилъ Синайскій говоритъ: „нѣтъ совѣсѣмъ гнѣва на ближняго, который былъ бы праведенъ“²⁾; Антоній Великій поясняетъ, почему не должно и справедливо гнѣваться на согрѣшающихъ: „потому что гнѣвъ дѣйствуетъ только по страсти, а не по суду и правдѣ“³⁾. Такъ опасна страсть сама по себѣ какъ болѣзненный порокъ, что праведный гнѣвъ, повидному безгрѣшное явленіе обращаетъ въ грѣховное; изъ состоянія естественнаго — она дѣлаетъ его противоестественнымъ⁴⁾, и ставитъ его въ ряду другихъ порочныхъ страстей, приобретаая всѣ ихъ дурныя свойства,—и вотъ предъ нами является новая „неразумная страсть“⁵⁾.

Поэтому всякій гнѣвъ, какими бы мотивами не прикрывался, сознаниемъ ли недостатка ближнихъ, стремленіемъ ли къ ихъ исправленію, или, наконецъ, обидой за несправедливость людей,—все равно онъ не можетъ имѣть оправданія съ нравственной точки зрѣнія—какъ страсть. Какъ страсть, съ присущимъ ему свойствомъ стремительности, гнѣвъ не можетъ имѣть духовной устойчивости, и, быстро переходя границы должныхъ предѣловъ, онъ впадаетъ въ гибельную крайность. Въ данномъ случаѣ справедливый гнѣвъ на ближнихъ въ своей рѣзкой формѣ проявляется нерѣдко въ формѣ лжи и осужденія, а ложь, по общему мнѣнію отцовъ-аскетовъ, есть уже—уничтоженіе любви⁶⁾; осужденіе есть похищеніе Божія достоинства и губительство своей души⁷⁾. При дальнѣйшемъ своемъ существованіи эта страсть производитъ и другихъ своихъ дѣтей: зависть, соперничество, вражду⁸⁾. Она дѣлаетъ человѣка клеветливымъ, и доводитъ его до „духовнаго братоубійства“⁹⁾. Часто повторяемый гнѣвъ рождаетъ въ душѣ человѣка злопамятство („памятозлобіе“).

¹⁾ Ефр. Сир. 1, 10.

²⁾ Ин. Кас. кн. VIII, 8; ср. Добр. II, 210, 24; Блаж. Діалохъ. Добр. III, 40, 62.

³⁾ Добр. I, 76, 69; ср. Авва Дорое. п. 17, 182.

⁴⁾ Добр. II, 166, 34.

⁵⁾ Маркъ Подвиж. Добр. I, 474, 8.

⁶⁾ Іоан. Лѣств. Сл. 12, 2; ср. Добр. II, 403, 161, 163.

⁷⁾ Тамъ же 10, 14.

⁸⁾ Ефр. Сир. Добр. II, 401, 140—141, 161.

⁹⁾ Тамъ же 143 гл.; Ин. Лѣств. 8, 29; Добр. II, 252, 37.

которое не менѣе самой страсти грѣшно и ненавистно для Бога¹⁾. Памятозлobie есть исполненіе гнѣва, ненависть къ правдѣ, пагуба добродѣтелей, ржавчина души, червь ума, законопреступленіе неусыпающее, злоба повсечастная²⁾,—такъ характеризуетъ это состояніе одинъ св. отецъ. Такая злоба, по словамъ Антонія Великаго, поселившаяся въ сердцѣ чловѣка, является несомнѣнной смертью для души³⁾, ибо часто вмѣстѣ со страстію гнѣва она переходитъ въ хуленіе на Бога⁴⁾. Поэтому страсть гнѣва за свои гибельныя послѣдствія отцами-аскетами считается гораздо болѣе важнымъ, серьезнымъ и опаснымъ порокомъ, чѣмъ предыдущія страсти⁵⁾.

Въ порядкѣ слѣдованія у отцовъ-аскетовъ помѣщаются двѣ—сродныя по характеру обнаруженія и разныя по названію—страсти: *Печаль* и *Уныніе*.

Какъ по законамъ психологій вслѣдъ за бурными порывами какой-либо страсти должна послѣдовать реакція въ видѣ ослабленія и упадка душевной энергій, и выразиться въ новыхъ аффективныхъ состояніяхъ, — такъ и по ученію отцовъ-аскетовъ: вслѣдъ за бурными состояніями гнѣва, какъ-бы нѣкоторая духовная реакція, наступаетъ состояніе печали⁶⁾. Помимо этого психологическаго основанія отцы-аскеты прямо и ясно указываютъ на тѣсную, взаимную связь печали и страсти гнѣва. Препод. Іоаннъ Кассіанъ указываетъ и самый моментъ, когда наступаетъ состояніе печали — „по прекращеніи гнѣва“⁷⁾. Преп. Нилъ Синайскій говоритъ: „печаль бываетъ слѣдствіемъ гнѣвныхъ помысловъ; ибо гнѣвъ желаетъ отмщенія; неуспѣхъ въ отмщеніи рождаетъ печаль“⁸⁾. Предшествующая печали страсть постепенно ослабляя повышенное настроеніе духа и волю—тѣмъ самымъ въ душѣ создавала для насажденія новыхъ страстей (т. е. унынія и пе-

¹⁾ Ин. Лѣст. 9, 14, 18; Авва Дороѣ. 8, 101; Добр. II, 250, 15. 18. 46.

²⁾ Іоан. Лѣств. 9, 2.

³⁾ Добр. I, 58, 71.

⁴⁾ Варс. Іоан. Отв. 226.

⁵⁾ Добр. I, 574, 26.

⁶⁾ Ин. Кас. кн. IX, 1, Соб. V, 10; Добр. II, 377, I; Добр. I, 603, 1.

⁷⁾ Соб. V, 11.

⁸⁾ I т. 212, 11.

чали) удобную почву съ готовыми сѣменами пороковъ, которыя, какъ только прольется на нашу душу дождь искушеній, тотчасъ производятъ ростки и плоды ¹⁾. И, дѣйствительно, по аскетическому ученію, печаль не можетъ найти себѣ доступа въ ту душу, въ которой ранѣе не свили себѣ прочнаго гнѣзда какія либо другія страсти ²⁾. Такимъ образомъ, печаль является не только, какъ слѣдствіе гнѣва, но и прочія другія страсти могутъ оставить ее въ качествѣ наслѣдницы.

Конечно, печаль можетъ раждаться отъ многихъ причинъ. Эта страсть, говоритъ преп. І. Кассіанъ, иногда происходитъ отъ порока предшествующаго, — гнѣва или раждается отъ неудовлетворенія желанія какой нибудь корысти, или отъ понесенія убытка, или отъ нанесенія намъ обиды; печаль рождается отъ всего того, что намъ противно (непріятно, противорѣчитъ ³⁾). Проще сказать, печаль возникаетъ вслѣдствіе неудовлетворенности нашихъ страстныхъ желаній, или удовлетворенія ихъ неполнаго, недоставляющаго удовольствія: ⁴⁾ „желающій себѣ чести не можетъ имѣть недостатка въ печали ⁵⁾. Иногда печаль, утверждаютъ отцы-аскеты, рождается и безъ видимой вѣншией причины. — Отъ причинъ внутреннихъ: „одна (печаль) происходитъ въ сердцѣ безъ видимой причины (къ печали), отъ неразумной скорби сердца, или отчаянія—(Ин. Кас. Соб. V, 11), другая же рождается и вторгается отъ причинъ странныхъ“, говоритъ преп. Нилъ Синайскій ⁶⁾. Отсюда существуютъ два вида печали грѣховной ⁷⁾. Есть еще особый видъ печали, именуемой „печалью по Богу“. Такая печаль, имѣющая своимъ центромъ Бога, возникающая отъ покаянія о грѣхахъ, или отъ желанія совершенства, или отъ созерцанія будущаго блаженства — признается печалью полезной ⁸⁾. Печаль эта по характеру и свойствамъ своимъ далеко не похожа на печаль грѣховную — „бѣсовскую“: она бываетъ послушна, привѣтлива, смиренна,

¹⁾ Ин. Кас. кн. 9. 5.

²⁾ Нилъ Син. 1, 213, 11 гл.

³⁾ Кн. 9, 4 и Соб. V, 11; ср. Нил. Син. I. т. 214, 12 и 232.

⁴⁾ Добр. I, 604 5; Ин. Кас. V, 11; ср. Ис. Сир. 30, 143.

⁵⁾ Ис. Сир. I, сл. 11, ср. Евагр. м. Добр. 1, 571, 9, 1.

⁶⁾ Нил. Син. 1, 232.

⁷⁾ Тамъ же; Ин. Кас. Соб. V, 11.

⁸⁾ Ин. Кас. кн. 9, 10; Варс. Ин. 737 Отв.

кротка, пріятна, терпѣлива, какъ происходящая отъ любви къ Богу ¹⁾. Печаль по Богу подкрѣпляетъ душу слезами... зоботится о приближающейся смерти и судѣ, и ожидаетъ сего съ терпѣніемъ и любовію ²⁾. Въ такомъ смыслѣ эта печаль („печаль ума“) является драгоцѣннымъ Божіимъ даяніемъ ³⁾. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ печаль, когда человѣкъ не Бога, а себя самого, свою „самость“, свои удовольствія ставитъ центромъ своей жизни. Тогда печаль имѣетъ характеръ мрачной, безнадежной тоски, приводящей человѣка къ апатіи, къ бездѣятельности въ духовно-нравственномъ отношеніи. Такая печаль, являясь болѣзнію души и плоти, парализуетъ первую и какъ бы связываетъ, „плѣняетъ“ дѣятельныя силы и способности человѣка ⁴⁾. Печаль эта бываетъ очень сурова, нетерпѣлива, жестока, строптива, соединена съ безплодною грустію и мучительнымъ отчаяніемъ; подвергшагося ей расслабляя отвлекаетъ отъ усердія и спасительной скорби, какъ безразсудная, прерываетъ не только дѣйственность молитвъ, но упраздняетъ и всѣ духовныя плоды, которые печаль ради Бога доставляетъ ⁵⁾. Изъ приведенныхъ мѣстъ уже съ очевидностію открываются губельныя свойства этой страсти. Печаль не позволяетъ, охваченному ею человѣку, ни совершать молитвы съ обычною ревностію сердца, ни съ пользою заниматься священнымъ чтеніемъ; не попускаетъ быть спокойнымъ и кроткимъ съ братіями; ко всѣмъ обязанностямъ трудовъ или богослуженія дѣлаетъ нетерпѣливымъ и неспособнымъ ⁶⁾.

Душа, съѣдаемая ѣдкой печалію, какъ одежда молю, настолько портится, что дѣлается безплодною и не пригодной на построеніе и украшеніе того духовнаго храма, основаніе котораго положили мудрый строитель Павелъ, говоря: „вы есте храмъ Божій, и Духъ Божій живетъ въ васъ“ (1 Кор. 3, 16 ⁷⁾). Человѣкъ, преданный долго глубокой печали, настолько ослабляетъ свои духовныя силы, что лишаетъ себя

¹⁾ Тамъ же 11 гл.

²⁾ Нил. Син. 1, 232.

³⁾ Ис. Сир. 89, 411.

⁴⁾ Нилъ Син. 1, 232, 214, 11.

⁵⁾ Ил. Кас. кн. 9, 11; 9, 1.

⁶⁾ Тамъ же 9, 1; 4; Нил. Син. 1, 213.

⁷⁾ Тамъ же 9, 3.

всякой возможности идти по пути нравственного своего совершенства; и самое спасение ему часто начинается казаться недостижимымъ, подвиги — напрасными, труды, надежды — бесполезными. И такъ доходитъ печалью снѣдаемый или до полного *унынія*, или до *отчаянія*. Это особый родъ печали, гораздо худшій, ибо ведетъ душу не къ исправленію жизни, не къ очищенію пороковъ, а прямо — къ смерти ¹⁾. Такое состояніе можетъ легко привести къ примѣру Іуды. Ничто такъ не сильно и не губительно для души человѣка, какъ отчаяніе, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ. Оно не знаетъ, чтобы кто его побѣдилъ тѣмъ или инымъ способомъ и средствами. Никто изъ враговъ не можетъ противостоять ему. И человѣкъ, предавшійся ему, подклонилъ свою главу, чтобы принять на себя смерть ²⁾.

Уныніе, хотя не такъ опасно для души человѣка, какъ полное отчаяніе, но, какъ страсть, по своимъ свойствамъ оно является для нея губительнымъ ядомъ. Страсть унынія обычно у отцовъ-аскетовъ встрѣчается на ряду съ печалію. Даже часто одинъ терминъ („печаль“) ставится вмѣсто другого („уныніе“); и это, конечно, потому, что симптомы той и другой страсти выражаются очень часто почти въ одинаковыхъ формахъ, выступая нѣсколько интенсивнѣе въ страсти унынія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ уныніе и опредѣляется какъ окончательное, полное развитіе предшествующей страсти (печали), ³⁾, на общей психологической почвѣ. Дѣйствительно, всѣ, характеризующіе печаль, симптомы, выражаясь въ страсти унынія въ болѣе рѣзкихъ формахъ, захватываютъ, овладѣваютъ въ человѣкѣ болѣе широкой областью — всѣми его душевными силами; почему страсть унынія у преп. Нила Синайскаго называется не только болѣзнію души (какъ печаль), а „изнеможеніемъ души“ ⁴⁾; и это такъ потому, что въ то время какъ другія страсти касаются только или раздражительной части души, или вождѣлвательной, или же мыслительной,—а уныніе, охватывая всѣ силы души, вдругъ, за однимъ духомъ, приводитъ въ движеніе почти всѣ страсти,

¹⁾ Ин. Кас. кн. 9, 9.

²⁾ Доброт. II, 685, 124.

³⁾ Ин. Кас. кн. X, 1; ср. Нил. Син. 212, 1.

⁴⁾ I. т. 215, 13; 232.

почему оно и тяжелѣе всѣхъ другихъ страстей¹⁾. Страсть эта поэтому характеризуется какъ „слабость души“, „разслабленіе души“,²⁾ „изнеможеніе души“³⁾, какъ общее душевно-подавленное состояніе⁴⁾. Душа человѣка, подверженнаго унынію, съ утратой въ силу этого разумомъ всякой власти надъ ходомъ душевной жизни, представляется какъ бы вовсе бездѣйствующею въ отношеніи религіозно-нравственнаго подвига, разслабленною, какъ бы „дремлющею“⁵⁾. Всѣ прочія страсти, при условіи общей разслабленности душевнаго состоянія, нападая на человѣка сущаго въ уныніи, дѣйствуютъ съ полной силой, не встрѣчая себѣ надлежащаго отпора со стороны нерѣшительной воли; душа такого человѣка представляетъ собою поприще ихъ полнаго надъ нею господства. Поэтому человѣка, впавшаго въ уныніе, узнаютъ по многимъ характернымъ чертамъ, каковы: лѣньность, ропотливость, негодность къ дѣлу⁶⁾, отсутствіе терпѣнія, безцѣльный переходъ съ мѣста на мѣсто, бездѣліе и праздность, суетность въ мысляхъ⁷⁾. Лѣньность и разслабленіе въ молитвенномъ подвигѣ, скука при чтеніи и слушаніи слова Божія, нерадѣніе при отправленіи Божественныхъ службъ, малодушіе, приводящее иногда до полной потери надежды на Бога⁸⁾, — все это несомнѣнно признаки страсти Унынія. О томъ, какъ уныніе вкрадывается въ сердце, и какой вредъ оно причиняетъ духу, — ясно и характерно изобразилъ преп. Іоаннъ Кассіадъ, представивъ картину нападенія страсти унынія на монаха. Этотъ отецъ говоритъ: „когда уныніе нападаетъ на жалкую душу, то производитъ страхъ мѣста, омерзеніе въ кельѣ, также и къ братіямъ, которые живутъ съ нимъ или вдали, пораждаетъ презрѣніе, отвращеніе, какъ къ нерадивымъ и менѣе духовнымъ. Также и ко всякому дѣлу внутри келліи дѣлаетъ лѣнливимъ, нерадивимъ. Не

1) Макс. Исп. Добр. II, 171, 67; Добр. I, 574, 25; Добр. II, 416, 239.

2) Иоан. Лѣств. 13, 2.

3) Нил. Син. I, 215, 13; 217.

4) Ис. Сир. 78 с.

5) Нил. Син. тамъ же; Ин. Кас. 10, 4; Иоан. Лѣств. 13, 2.

6) Добр. II, 232, 244; 229 гл.; 415, 226 - 227.

7) Тамъ же 249, 230; 232—234; 236, 234.

8) Нил. Син. I, 217, 214; Ин. Лѣств. 13, 7; Добр. I, 572, 14; Ин. Кас. X, 2; Добр. II, 458, 16; Мак. Вел. Всл. 450.

попускаетъ ему ни основаться въ кельѣ, ни прилежать чтенію, и онъ часто стонетъ, что пребывая столько времени въ той же кельѣ, ничего не успѣваетъ, ропщетъ и вздыхаетъ, что не имѣетъ никакого духовнаго плода, пока будетъ связанъ съ этимъ обществомъ, скорбитъ, что не имѣетъ духовной пользы и напрасно живетъ въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ, имѣя возможность управлять другими и приносить пользу очень многимъ, онъ никого не назидаетъ и никому не доставляетъ пользы своимъ наставленіемъ и ученіемъ. Другіе отдаленные монастыри хвалятъ, и мѣста тѣ считаетъ болѣе полезными къ преспѣванію, и болѣе способствующими опасенію; также общество братій представляетъ пріятнымъ духовной жизни. Напротивъ, что находится подъ руками, то все худо, не только нѣтъ никакого назиданія между братіями, но и самое тѣлесное содержаніе пріобрѣтается не безъ большого труда. Наконецъ думаетъ, что, пребывая въ этомъ мѣстѣ, онъ не можетъ спастись; нужно оставить келлію, въ которой ему придется погибнуть, если еще будетъ оставаться въ ней, и потому, какъ можно скорѣе переселяется въ другое мѣсто. Потомъ уныніе производитъ также расслабленіе тѣла и голодъ въ пятомъ и шестомъ (по нашему счисленію въ 11 и 12) часу, какъ будто онъ утомленъ и расслабленъ былъ долгимъ путемъ и самымъ тяжелымъ трудомъ, или будто проводилъ два или три дня въ постѣ, безъ подкрѣпленія пищею. Потому тогда безпокойно озирается туда и сюда, вздыхаетъ, что никто изъ братій не идетъ къ нему, часто то выходитъ, то входитъ въ келью и часто взглядываетъ на солнце, какъ будто оно медленно идетъ къ западу. Такимъ образомъ въ такомъ неразумномъ смущеніи духа, какъ бы земля покрылась мракомъ, пребываетъ празднымъ, не занятымъ никакимъ духовнымъ дѣломъ, и думаетъ, что ничто другое не можетъ быть средствомъ противъ такой брани, какъ посѣщеніе какого-либо брата, или утѣшеніе отъ одного сна. Потому этотъ недугъ внушаетъ, что нужно дѣлать приличныя поздравленія и посѣщенія недужныхъ вблизи или вдали находящихся. Также внушаетъ какъ какія нибудь благочестивыя набожныя обязанности, что надобно найти родителей и чаще ходить для поздравленія ихъ; считаетъ великимъ дѣломъ благочестія чаще посѣщать какую нибудь благочестивую, посвятившую себя Богу жен-

щину, особенно не имѣющую никакого пособія отъ родителей, и если что ей необходимо, чего не даютъ ей родители, и небрегутъ, о томъ заботиться есть дѣло самое святое, и больше надобно къ этому прилагать благочестивый трудъ, нежели безплодно, безъ всякаго преспѣянія сидѣть въ кельѣ. Итакъ несчастная душа, опутанная такими хитростями враговъ, разслабленная духомъ унынія, какъ сильнымъ тираномъ, впадаетъ въ сонъ, или выгнанная изъ затвора кельи своей начинаетъ искать въ этой брани утѣшеній въ постѣщеніи брата; и этимъ средствомъ, отъ котораго въ настоящее время какъ будто получаетъ облегченіе, не много послѣ этого больше бываетъ разслаблена. Такимъ образомъ воинъ Христовъ, сдѣлавшись бѣглецомъ изъ своей военной службы и измѣнникомъ, связываетъ себя житейскими дѣлами и становится неугоднымъ военачальнику (2 Тим. 2, 4) ¹⁾.

Что касается того — откуда происходитъ уныніе, отцы-аскеты даютъ такой отвѣтъ: уныніе происходитъ или отъ естественныхъ причинъ — „переутомленія“, или же отъ бѣса ²⁾. Есть уныніе естественное отъ безсилія, и есть уныніе отъ бѣса. Естественное уныніе наступаетъ тогда, когда человѣкъ трудится выше силы своей и понуждаетъ себя еще на большіе труды ³⁾. Отъ бѣса происходитъ уныніе тогда, когда врагъ, видя человѣка въ лѣнности (въ этомъ предвѣстникъ уклоненія въ худое), или праздности — нападаетъ на душу слабую, не вооруженную, и еще болѣе ослабляетъ ее и окончательно связываетъ своими оковами ⁴⁾. Такимъ образомъ, причины, производящія страсть унынія, заключаются въ насъ самихъ, это: лѣнность, праздность вообще, безпечность и отсутствіе въ насъ сердечнаго дѣланія ⁵⁾. Наша слабость душевная служить только почвой для сѣянія врага, а самое разслабленіе есть отраженіе состоянія нашей воли ⁶⁾. Страсть унынія прежде всего характеризуется какъ болѣзненное со-

¹⁾ Кн. 16, 2—3 гл. Евагр. м. Добр. 1, 604, 7; Добр. II, 419, 257; Нилъ Син. 1, 215 и 233, не менѣе картинно состояніе человѣка унылаго изображено у преп. Нила Син. См. I т. 216, 14 гл.

²⁾ Евагр. м. Добр. I, 630, 16; Ин. Кас. Соб. V, 11; Ин. Лѣст. 13, 15 гл.

³⁾ Варс. Іоан. Отв. 559.

⁴⁾ Нилъ Син. 214; Ефр. Сир. III, 412; Добр. 1, 595, 8; ср. Ин. Кас. X, 21 гл.

⁵⁾ Варс. Ин. 470 Отв; и прежняя цит. Ин. Кас. Соб. V, 3; 9 гл.

⁶⁾ Варс. Ин. 497 и 13 Отв.

стояніе нашей разслабленной воли, почему всѣ отцы-аскеты для укрѣпленія послѣдней настойчиво совѣтуютъ — трудъ, рукодѣліе и под. рода занятія ¹⁾. Страсть унынія, подобно какъ и сродная съ нею печаль, составляя „болѣзнь души“, сами являются несомнѣнно состояніями слабой и болѣзненной воли ²⁾. Отсюда понятны тѣ основанія, по которымъ отцы-аскеты, оцѣнивая значеніе унынія въ духовной жизни, считаютъ эту страсть въ высшей степени опаснымъ, злымъ и тяжкимъ врагомъ для подвиговъ спасенія ³⁾. Уныніе,—ослабляя умъ человѣческій, дѣластъ его неспособнымъ къ созерцанію истины добродѣтелей; уничтожаетъ самыхъ добродѣтели терпѣнія, смиренія и любви, на которыхъ утверждается наше спасеніе; и, ослабляя нашу душу и волю (и безъ того слабую),—является, по выраженію отцовъ-аскетовъ, „всепожирающею смертію“ для человѣка христіанина ⁴⁾.

Итакъ, Печаль и Уныніе, а равно Сребролюбіе и Гнѣвъ, по ученію отцовъ, суть расположенія нашей грѣховной души, внутреннія психофизическія явленія, наиболѣе отчетливо собою выражающія состояніе нашей болѣзненной воли.

Что касается послѣдней пары страстей—Тщеславія и Гордости, то онѣ между собою связаны такой тѣсной связью, что нѣтъ возможности сдѣлать точныя разграниченія. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ, что между ними нѣтъ различія, ибо кто, побѣдивъ тщеславіе, можетъ быть обладаемъ гордостью. Между сими страстями такое различіе, какое между отрокомъ и мужемъ, между пшеницею и хлѣбомъ; ибо тщеславіе есть начало, а гордость—конецъ ⁵⁾.

Эти двѣ,—связанныя между собою генетическимъ родствомъ и непосредственной преемственностью,—страсти, заканчивая собою рядъ главнѣйшихъ пороковъ, достигаютъ высшей степени губельности для религіозно-нравственной жизни человѣка какъ по своей сущности, такъ особенно по той тон-

¹⁾ Нилъ Сип. 1, 217; Ин. Кас. X, 8, 14 и др.

²⁾ Нилъ Сип. 1, 232; 213—217.

³⁾ Ин. Кас. 10, 1; Евагр. м. Добр. 1, 573, 19; Ср. Макс. Исп. Добр. III, 171, 67.

⁴⁾ Тамъ же, 10, 4, 6; Добр. II, 239, 254 и Ин. Лѣст. 13, 6.

⁵⁾ Сл. 22, 1; ср. Ин. Кас. Соб. V, 10.

кой, трудно уловимой формѣ своего проявленія въ душѣ. Въ то время какъ прочія страсти, по ученію отцовъ-аскетовъ, истребляются соотвѣтствующими добродѣтелями, напр. чревоугодіе—постомъ, блудъ—воздержаніемъ, сребролюбіе—милосердіемъ къ бѣднымъ и т. п.,—страсти тщеславія и гордости сопровождаютъ самыя добродѣтели и губятъ ихъ ¹⁾). Это обусловливается тѣмъ, что названныя страсти проявляются при замѣтныхъ успѣхахъ по пути осуществленія подвижничества, вслѣдствіе пріобрѣтенія и развитія въ себѣ нѣкоторыхъ добродѣтелей ²⁾), такъ какъ тщеславіе примѣшивается ко всякому добродѣтельному дѣлу ³⁾). Оно возбуждается и возбуждается не инымъ чѣмъ, какъ успѣхами въ добродѣтеляхъ того, на кого оно нападаетъ ⁴⁾). Наоборотъ, всякая добродѣтель, направленная на умерщвленіе тщеславія, легко можетъ способствовать развитію послѣдняго, такъ какъ, говоритъ Евагрій монахъ, что ни сдѣлаешь къ прогнанію его, то становится началомъ новаго движенія тщеславія ⁵⁾). Поэтому эти страсти (тщеславіе и гордость) даже противнымъ образомъ и порядкомъ возбуждаются, чѣмъ всѣ шесть остальныхъ, ибо по истребленіи тѣхъ—эти сильнѣе плодятся, и по умерщвленіи тѣхъ—живѣе возникаютъ и возрастаютъ ⁶⁾). Этимъ отчасти обусловливается то, что нападеніе этихъ страстей на человѣка бываетъ болѣе сильно и тонко, нежели первыхъ ⁷⁾). Тщеславіе многообразно, разнообразно и тонко, такъ что едва ли можно самыми прозорливыми глазами предвидѣть его ⁸⁾). Оно нападаетъ на подвижника съ правой и съ лѣвой стороны: ибо діаволь въ комъ не могъ породить тщеславія видомъ хорошо сшитой одежды, того запинаетъ убогою; кого не могъ низвергнуть честію, того запинаетъ смиреніемъ, кого не могъ заставить превозноситься знаніемъ и краснорѣчіемъ, того обольщаетъ важностью молчанія, если кто будетъ явно поститься, то искушается суетною славою.

¹⁾ Евагрій м. Доброт. I, 605, 8; Ин. Кас. XI кн. 9 гл.

²⁾ Ант. Вел. Добр. I, 60, 77.

³⁾ Нилъ Син. I, 217.

⁴⁾ Ин. Кас. кн. XI, 8.

⁵⁾ Добр. I, 573, 20.

⁶⁾ Ин. Кас. Соб. V, 10.

⁷⁾ Тамъ же, 4 и 5 гл.

⁸⁾ Тамъ же, гл. 1.

Старцы хорошо представляют, говорить преп. Іоаннъ Касіанъ, свойство этой страсти подь видомъ лука и чеснока, которые, по снятіи одного покрова, оказываются покрытыми другими ¹⁾. Прочія страсти на тѣхъ только нападаютъ, кого побѣдили и, будучи побѣждаемы, увядаютъ и слабѣютъ, а эта страсть еще жесточе преслѣдуетъ своихъ побѣдителей ²⁾. Иныя страсти иногда при помощи мѣста успокаиваются, и при удаленіи предмета грѣха, или удобства, или повода къ нему, обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и съ бѣгушимъ въ пустыню проникаетъ, и мѣсто не можетъ исключить ее“, но изнемогаетъ и отъ удаленія внѣшняго предмета. Ибо она воодушевляется не инымъ чѣмъ, какъ успѣхами добродѣтелей того, на кого нападаетъ ³⁾. Прочія страсти съ теченіемъ времени, иногда ослабѣваютъ и прекращаются; а этой страсти долгое время не только не подавляетъ, но придаетъ ей еще болынее поощреніе ⁴⁾. Въ томъ и состоитъ опасность тщеславія, что въ то время, какъ прочія страсти, при противоборствѣ противоположныхъ имъ добродѣтелей, открыто, какъ бы яснымъ днемъ воюющія, удобнѣе можно побѣдить и предостеречь ихъ; а эта, прильнувши къ добродѣтели, вмѣстившись въ строй войска, сражается какъ въ темную ночь и потому коварнѣе обманываетъ неожиданныхъ и не остерегавшихся ея ⁵⁾. Все сказанное здѣсь о тщеславіи съ большимъ правомъ можно относить и къ гордости.

Что касается въ частности тщеславія (*κενοδοξία*), то оно несомнѣнно предполагаетъ въ человѣкѣ наличность нѣкоторыхъ добродѣтелей, достигнутыхъ успѣшнымъ прохожденіемъ подвижничества ⁶⁾. Начинается оно съ самаго повидимому ничтожнаго: только еще начинающихся (подвижниковъ) и мало преуспѣвшихъ въ добродѣтели тщеславіе обыкновенно превозноситъ за звуки голоса, т. е. что они пріятно поютъ, или что у нихъ плоть истощена постомъ, или что они красивы. Потомъ тщеславіе внушаетъ монаху искать

¹⁾ Кн. XI, 4, 5; ср. 2 гл.

²⁾ Тамъ же, 7, 8.

³⁾ Тамъ же—8 гл.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, 9 гл. ср. Іоан. Лѣст. 22, 5.

⁶⁾ Добр. 1, 605, 8.

степени клирика, пресвитера съ цѣлью учить другихъ и давать имъ образецъ святости; такъ постепенно страсть опьяняетъ умъ монаха ¹⁾).

Характернымъ здѣсь является то, что средствомъ для достиженія почести и славы человѣкъ избираетъ труды, подвиги, совершеніе добродѣтелей ²⁾. Это же самое является и выразителемъ самой сущности разбираемой страсти. Избирая подвижничество средствомъ достиженія собственной славы, тщеславный извращаетъ въ корнѣ, какъ цѣль христіанскаго подвижничества, такъ и — самое понятіе о христіанскихъ добродѣтеляхъ. Цѣль подвиговъ ложная и, какъ таковая, не можетъ имѣть цѣны съ нравственной точки зрѣнія ³⁾. Обращая цѣль въ средство тщеславія, тщеславный чрезъ глубокое извращеніе понятія подвижничества несомнѣнно встаетъ на гибельный путь самолюбія. Истинный Христовъ подвижникъ непрестанно пребываетъ въ такомъ горячемъ желаніи, чтобы Богъ славился въ немъ, самъ же онъ остается какъ бы несуществующимъ. Такой человѣкъ и не знаетъ, что онъ такое, и не чувствуетъ наслажденія въ самыхъ похвалахъ словесныхъ; но при сильномъ желаніи смиренія онъ не думаетъ о своемъ достоинствѣ ⁴⁾. Не то мы видимъ у человѣка, увлеченнаго духомъ тщеславія: всѣ его подвиги и добродѣланія являютъ въ немъ стремленіе не къ славѣ Господа, по побужденіямъ чистой любви къ Богу, — а стремленіе къ славѣ собственной (славѣ человѣческой), т. е. къ удовлетворенію личному своему себялюбію ⁵⁾. Тщеславіе (а съ нимъ и гордость) основаніемъ своимъ имѣетъ „себялюбіе“, постоянно сопровождаясь памятованіемъ о своемъ собственномъ достоинствѣ ⁶⁾. Центръ такой (по страсти) дѣятельности полагается не въ Богѣ, а въ самомъ человѣкѣ. Поэтому препод. Антоній Великій, поставляя тщеславіе наряду съ Богозабвеніемъ, считаетъ его самою большею и неисцѣльною болѣзнію души ⁷⁾.

¹⁾ Ин. Кас. XI кн., 13—15; ср. Ин. Лѣст. 22, 26, 31.

²⁾ Добр. 1, 604, 8.

³⁾ Добр. 1, 60, 77.

⁴⁾ Діадохъ. Добр. III, 13.

⁵⁾ См. Твор. Василия В. т. V, 202; 52 втор.

⁶⁾ Діадохъ — прежняя цитата

⁷⁾ Добр. 1, 92, 158.

Точное и глубокое опредѣленіе тщеславія съ этой именно точки зрѣнія мы находимъ у преп. Максима Исповѣдника. По его словамъ, тщеславіе есть отступленіе отъ цѣли, которая по Богу, и преступленіе къ другой цѣли, которая не по Богу. Ибо тщеславенъ тотъ, кто для своей, а не для Божіей славы заботится о добродѣтели, и трудами своими имѣеть въ виду накупить лишь человѣческихъ непостоянныхъ похвалъ ¹⁾. Такая человѣческая слава, по сравненію съ славой Божественной, является напрасною, суетною, ложно-тщетною, — почему и самое состояніе это называется „тщеславіемъ“.

Совершая подвиги добродѣланія ради пріобрѣтенія славы людской, съ надеждой получить человѣческую похвалу, человѣкъ естественно все свое вниманіе обращаетъ не на суть подвиговъ, а на внѣшнюю только ихъ сторону ²⁾. И, конечно, внѣшняя благовидность поступковъ и дѣйствій является „пустоцвѣтомъ“, прикрывающимъ серьезные внутренніе пороки, такъ какъ человѣкъ, обманывая себя внѣшними своими дѣланіями, внутреннее свое дѣланіе разоряетъ и губитъ ³⁾. Опьяняя умъ подвижника и представляя мечтательно такіа положенія, о которыхъ нѣтъ основанія умно разсуждать ⁴⁾, тщеславіе тѣмъ самымъ препятствуетъ ему (уму) предстать предъ Бога, и стяжать вѣнецъ истинной праведности ⁵⁾. Правда, оно побуждаетъ подвижника на многіе труды, посты, молитвы, милостыни и т. п.—но этимъ всѣмъ, по слову Антонія Вел., человѣкъ ничего другого не достигаетъ, кромѣ стыда и поношенія ⁶⁾, такъ какъ тщеславіе губитъ всѣ ранѣе пріобрѣтенныя человѣкомъ добродѣтели и здѣсь иногда (подверженнаго этой болѣзни) наказываетъ по суду правды Божіей ⁷⁾. Одно тщеславное превозношеніе сносно, но погубить такіа великіа добродѣтели каковы были добродѣтели и вѣра, и праведность царя Езекин, набожность ко-

¹⁾ Добр. III, 279, 193.

²⁾ Нил. Син. I, 218. 16; Макс. Исп. тамъ же; Авв. Фалассій Добр. III, 312, 29.

³⁾ Тамъ же, 15 гл.

⁴⁾ Иоан. Касс. кн. XI, 15.

⁵⁾ Евагр. м. Добр. I, 581, 64.

⁶⁾ Добр. I, 60, 77.

⁷⁾ Иоан. Лѣст. Сл. 22, 7, 8, 31; 29; Добр. II, 564, 19.

тораго заслужила того, что могли измѣнить самую природу и законы всего міра (разумѣя возвращеніе солнца на 10 ступеней назадъ и возвращеніе дней жизни на 15 лѣтъ), и однако все это погнбло чрезъ одно превозношеніе тщеславія; такъ что всѣ добродѣтели преданы забвенію, какъ бы ихъ и не было ¹⁾, Чрезъ страсть тщеславія человѣкъ для жизни духовной дѣлается безплоднымъ; душа его часто по сравненію называется „ямой безводной“ ²⁾, а самъ онъ идолопоклонникомъ, хотя бы онъ былъ и вѣрующимъ ³⁾.

Кромѣ этого у человѣка тщеславнаго на почвѣ видимой благовидности развиваются неизбѣжные пороки: двойственность, лицемеріе, ложь, зависть, ненависть ⁴⁾ и др. А главнымъ здѣсь является то, что тщеславіе, достигающее полного своего возраста, переходитъ въ самую гибельную и бѣсовскую страсть—„гордость“.

Всѣ характерныя, наиболѣе выражающіе, какъ страсть, черты—являются рѣзче, выпуклѣе и болѣе выраженными въ страсти гордости. Если человѣкъ тщеславный услаждается своими подвигами и достоинствами, видя въ нихъ средство достиженія извѣстности, славы, почета отъ людей, то гордый уже прямо и неприкровенно усваиваетъ ихъ себѣ. Вознося свою собственную личность, онъ утверждаетъ свою полную независимость не только отъ кого бы то ни было, но даже и отъ Бога ⁵⁾. Свое назначеніе такой надѣется осуществить безъ Божественной помощи ⁶⁾, признавая совершенно достаточно своихъ силъ для осуществленія добродѣтелей ⁷⁾. Если въ тщеславіи чувствуется недостатокъ любви къ Богу, забвеніе о славѣ Божіей,—то въ гордости проявляется прямое, рѣшительное, сознательное пренебреженіе къ Божественной славѣ, явное нежеланіе „воздать славу Богу“. Поэтому гор-

¹⁾ Ин. Кас. кн. XI. 10. Въ II гл. приведенъ другой примѣръ наказанія царя Озіи проказою за тщеславіе. Ср. Нил. Син. 1, 217, 13; Іоан. Лѣст. 2^о, 7—8.

²⁾ Добр. 1, 602; II; Ср. 625, 10.

³⁾ Ин. Лѣств. 22, 6.

⁴⁾ Тамъ же; Добр. III, 291. 19; Древн. Пат. 132 гл. 8, 5; Ефр. Сир. 1, 255; Нил. Син. 1, 228.

⁵⁾ Добр. 1, 605, 9.

⁶⁾ Ин. Лѣст. 23, 1.

⁷⁾ Нил. Син. 1, 221 18.

дый не сознаетъ немощей своей падшей природы ¹⁾—и, видя въ себѣ самомъ источникъ силъ, онъ смѣло отвергаетъ „благодать“, „промыслъ“ ²⁾. Иногда даже онъ открываетъ хульные свои уста на небо ³⁾ и бываетъ „чуждъ всякихъ добродѣтелей“ ⁴⁾.

Основой для гордости служить общее и всѣмъ прочимъ страстямъ себялюбіе, которое здѣсь проявляется въ болѣе замѣтной формѣ, достигая часто явнаго, сознательнаго и упорнаго сопротивленія Богу,—почему гордость, по ученію отцовъ-аскетовъ, тяжелѣе и пагубнѣе всѣхъ прочихъ пороковъ ⁵⁾, а человѣкъ гордый имѣетъ „общую часть съ бѣсами“ ⁶⁾. Гордость, по мнѣнію отцовъ, есть „древнее зло“ ⁷⁾, „первое зло и послѣднее“ ⁸⁾ и источникъ зла, ибо гордостію палъ первый изъ Ангеловъ, гордостію же падаютъ и всѣ люди ⁹⁾. Гордость это „самый лютый и свирѣпый звѣрь“ ¹⁰⁾; „изъ нея, какъ изъ какого корня, произросли міріады лозъ грѣховныхъ“ ¹¹⁾. Она поэтому всего болѣе ненавистна Богу—„мерзость предъ Господомъ“ ¹²⁾. Она настолько велика и сильна, что гордаго можетъ исправить только „Самъ Богъ“ ¹³⁾.

Гордости, по мнѣнію отцовъ-аскетовъ два рода: первый плотской, второй духовный. Первый искушаетъ новоначальныхъ и плотскихъ; а другой—мужей духовныхъ и высокихъ (по жизни), которые, побѣдивъ предыдущіе пороки, находятся уже почти на верху добродѣтелей. „Первая гордость есть та, когда кто укоряетъ брата, когда осуждаетъ и безчеститъ его, какъ ничего не значущаго, а себя считаетъ выше его, таковой, если не опомнится вскорѣ, и не постарается исправиться, то, мало-по-малу, приходитъ и во вто-

¹⁾ Ефр. Сир. III, 98; Авв. Дорош. II, 2, 42.

²⁾ Добр. I, 574, 22.

³⁾ Ефр. Сир. III, 98; Іоан. Лѣст. 23, 34.

⁴⁾ Іоан. Лѣст. 23, 33.

⁵⁾ Добр. I, 605, 9; Нил. Син. I, 220, 17; Ін. Кас. XII, кн. I.

⁶⁾ Ін. Кас. кн. XII, 7; Добр. II, 424, 290.

⁷⁾ Добр. II, 303, 6.

⁸⁾ Θεод. Студ. Добр. IV, 327, 2.

⁹⁾ Ін. Кас. кн. XII, I, 4.

¹⁰⁾ Тамъ же.

¹¹⁾ Θεод. Студ. Добр. IV, 327, 2.

¹²⁾ Добр. II, 303, 6.

¹³⁾ Ін. Лѣств. 23, 180.

рую гордость, такъ что возгордится и противъ Самого Бога, и подвиги свои и добродѣтели свои приписываетъ себѣ, а не Богу, какъ будто самъ собою совершилъ ихъ, своимъ разумомъ и тщаніемъ, а не помощію Божіею ¹⁾). Хотя тотъ и другой родъ гордости вдыхается вреднымъ возношеніемъ какъ на Бога, такъ и на людей; однако-жъ, тотъ первый касается отношенія къ людямъ, выражаясь въ разрывѣ союза съ ближними, оскудѣнія къ нимъ любви, превозношеній надъ ними съ намѣреннымъ желаніемъ обратить ихъ въ средство своего эгоизма,—а второй составляетъ скорѣе гордость на самого Бога ²⁾ *).

Такимъ образомъ, начинается страсть гордости съ мнимосправедливаго предпочтенія себя другому, а послѣ, путемъ незамѣтнаго возвышенія своего „я“, доходитъ до сопоставленія себя съ своимъ Творцомъ, сознательнаго противленія Его промыслу и удаленія отъ Него. Тщеславіе обозначаетъ собою первый періодъ горделивой страсти, когда Божественная благодать стоитъ еще при дверяхъ нашего сердца, ожидая отъ насъ покаянія и смиренія,—гордость обозначаетъ второй періодъ этой—духовной болѣзни, когда наклонъ къ духовной смерти становится замѣтнѣе въ виду того, что дѣйствіе благодати все болѣе и болѣе парализуется возрастающимъ самолюбіемъ; въ этотъ же періодъ, наконецъ, наступаетъ и самая смерть духовная: когда человѣкъ весь погрузится въ свой собственный эгоизмъ и чрезъ это выразитъ полный протестъ противъ благодати Божественной ³⁾). Поэтому „гордость есть отверженіе Бога“, „противница Богу, корень хулы“ ⁴⁾). Начало гордости—корень тщеславія; середина — уничиженіе ближняго; безстыдное проповѣданіе своихъ трудовъ, самохвальство въ сердцѣ, ненависть обличенія; а конецъ—отверженіе Божіей помощи, упованіе на свое тщаніе, бѣсовскій нравъ ⁵⁾). Будучи первоисточникомъ

¹⁾ Авва Дороо. П. 11, 41—42; ср. Ин. Кас. кн. 12, 29.

²⁾ Ин. Кас. кн. XII, 2, 24; Соб. V; 12; ср. Авва Дороо. П. 11, 43 стр.

^{*)} Прекрасную психологическую характеристику развитія духовной гордости изъ гордости перваго рода даетъ намъ Авва Дорофей на призывѣ брата во 11-мъ поученіи своемъ, стр. 42.

³⁾ См. Ин. Лѣст. 22, 2.

⁴⁾ Тамъ же, 23, 1.

⁵⁾ Тамъ же гл. 2; Ср. Макс. Исп. Добр. III, 279. 192.

всякаго зла ибо чрезъ гордость діавола вошелъ грѣхъ въ міръ ¹⁾, эта страсть составляетъ сущность грѣховной проказы человѣка; ибо она (совмѣстна со страстію тщеславія) сопровождаетъ и наши добродѣтели и наши пороки, и каждый случай нашей жизни обращаетъ въ поводъ для своего проявленія и усиленія ²⁾, и тѣмъ самымъ ведетъ человѣка къ неминуемой смерти духовной, чрезъ отчужденіе его отъ Бога, подобно ниспавшему съ неба ангелу ³⁾.

Тщеславіе, особенно гордость, имѣя общей своей основой себялюбіе, суть по преимуществу акты нашей воли. Право оцѣнки поступковъ нашихъ ближнихъ, возвышеніе собственныхъ своихъ достоинствъ, посягательство на право Божественнаго суда надъ нравственною личностію человѣка—все это—смѣлое обнаруженіе дѣйствій воли, покоящихся на глубокихъ основаніяхъ испорченности нашей природы. Свобода перваго падшаго ангела родила гордость, какъ и воля перваго человѣка родила гордость—гордость сдѣлала всѣхъ дерзкими. Человѣкъ по своей волѣ отпадаетъ отъ Бога; добровольно подвергаетъ себя опасности и—отдается въ руки вѣчной смерти по той же злой волѣ ⁴⁾. Поэтому, гордость есть столь великое зло, что заслуживаетъ имѣть противникомъ не ангела, не другія противныя ей силы, но самого Бога ⁵⁾, Котораго она отвергаетъ.

Окидывая ретроспективнымъ взглядомъ сказанное о страстяхъ, мы можемъ въ краткихъ чертахъ сдѣлать маленькое обобщеніе. Изъ разсмотрѣнія послѣднихъ двухъ страстей мы видимъ, что общей ихъ основой служатъ самолюбіе и эгоизмъ, въ ихъ наивысшей степени развитія и интенсивности. Это же самое основаніе (т. е. самолюбіе и эгоизмъ, но въ менѣе рѣзкой степени выраженные) является общимъ и для всѣхъ страстей прочихъ. По ученію Исаака Сиріина „прежде всѣхъ страстей самолюбіе“ ⁶⁾, отъ котораго, „какъ вѣтви какія отраждаются всѣ страсти“ ⁷⁾. Отсюда мы приходимъ къ такому

¹⁾ Ин. Кас. кн. XII, 5; Ин. Лѣст. 23, 4.

²⁾ Евагр. м. Добр. 1, 573, 20.

³⁾ Ин. Лѣств. 23, 10; Ефр. Сир. Добр. II, 305.

⁴⁾ См. у Іоан. Лѣств. 23, 4, 10; Ин. Лѣст. XII, кн. 5.

⁵⁾ Ин. Кас. кн. 12, 7.

⁶⁾ 51 сл. 228.

⁷⁾ Добр. II, 450, 71. Ср. Е. О. Толк. Паст. п. 11, Тим. III, 2, 580.

выводу: каждая страсть есть прежде всего порожденіе самолюбія, которое является необходимой психологической почвой, на которой и изъ которой вырастають всѣ страсти, занимствуя у нея свои соки и всецѣло опредѣляясь ею въ своихъ характерныхъ особенностяхъ. Этимъ, конечно, оправдывается и то мнѣніе отцовъ-аскетовъ, что всѣ страсти психологически сродны между собою, и, нося на себѣ характеръ общаго всѣмъ имъ себялюбія, являются по существу своему однородными актами: будь то страсть плотская или душевная.

Какъ выросшія на такой почвѣ, всѣ страсти суть явленія психологическія. Нравственному вмѣненію онѣ подлежатъ не за самые по себѣ факты, а за то грѣховное настроеніе, которое сопровождаетъ тотъ или другой нашъ поступокъ. Точка опоры вмѣняемости страстей покоится на томъ основаніи, что душа есть начало свободное и господственное, а тѣло находится у нея въ подчиненіи. По тѣсной связи души и тѣла и внѣшнія проявленія послѣдняго носятъ на себѣ отраженіе первой, и оцѣниваются какъ акты свободного выраженія нашей души. Поэтому всѣ наши страсти по преимуществу суть акты волевые. Бсѣ помыслы, всѣваемые въ насъ врагомъ, дѣлаются въ насъ грѣховными въ зависимости отъ нашего произволенія; въ страсть они переходятъ послѣ того, какъ въ нихъ помимо ума и сердца приметъ участіе и воля человѣка. Главная роль остается въ данномъ случаѣ за волей, отъ которой зависитъ и самое существованіе той или иной страсти, и нравственная за нее отвѣтственность предъ судомъ Божественной правды. „Грѣхъ“, говоритъ преп. Ефремъ Сиринъ, вмѣняется не какъ вѣдѣніе, а какъ рѣшимость ⁴⁾).

Итакъ, результатомъ нашего анализа страстей являются слѣдующія три положенія: 1) всѣ страсти имѣють одну *общую основу*—*самолюбіе*; 2) всѣ страсти—явленія психофизическія и 3) всѣ страсти суть акты волевые (по преимуществу).

Общее понятіе страсти.

Что же касается самаго понятія страсти, то отцы-аскеты въ существенномъ пониманіи и опредѣленіи ея въ общемъ

⁴⁾ 1 т. 23—25. Ср. Соб. VII, 8. Ин. Кас.

согласны. Преп. Ефремъ Сиринъ такъ опредѣляетъ страсть: „страсть есть грѣховное движеніе, расположеніе ко грѣху и усиленіе, и какъ бы пожеланіе сдѣлать грѣхъ¹⁾. Болѣе точно опредѣляетъ страсть преп. Іоаннъ Лѣствицникъ; онъ говоритъ: „страсть есть злое и неудобноискоренимое сложеніе помысла и хотѣніе сердца, стремящагося къ душевреднымъ пожеланіямъ и грѣховнымъ дѣламъ²⁾. Здѣсь страсть опредѣляется въ моментъ ея образованія изъ помысла, и—понимается какъ отдѣльный, единичный моментъ общаго духовнаго состоянія человѣка. Такъ какъ далѣе эти отдѣльныя страсти часто повторяются въ одной и той же по существу формѣ, и этимъ создаютъ навыкъ, ибо отъ частаго въ оныхъ упражненія душа получаетъ нѣкоторый навыкъ³⁾),—то страсть у отцовъ мыслится уже какъ „грѣховное настроеніе“, созданное тѣмъ же навыкомъ. „Страсти не суть какія либо легкія помышленія или пожеланія, которыя являются и потомъ исчезаютъ, не оставляя по себѣ слѣда: это сильныя стремленія, внутреннѣйшія настроенія порочнаго сердца. Онѣ глубоко входятъ въ естество души, и долгимъ властвованіемъ надъ нами и привычнымъ удовлетвореніемъ ихъ до такой степени сродняются съ нею, что составляютъ, наконецъ, какъ бы ея природу“. Такъ опредѣляетъ великій знатокъ аскетической литературы и носитель отеческаго духа нашъ русскій богословъ-подвижникъ, преосвященный Епископъ Теофанъ⁴⁾. Пользуясь всѣмъ сказаннымъ, мы можемъ дать страсти, приблизительно, такое опредѣленіе: страсти—это суть коренящіеся на началахъ эгоизма и самолюбія психическія явленія, обнимающія собою всѣ стороны нашей души, и характеризующіяся сознательно-свободной ко грѣху склонностью, которая чрезъ частое свое повтореніе переходитъ въ постоянное грѣховное настроеніе души и становится какъ бы второй природой человѣка.

Теперь намъ необходимо кратко указать на отношеніе страсти и грѣха между собою. Отцы-аскеты даютъ намъ основаніе говорить объ этихъ двухъ понятіяхъ, какъ о срод-

---

¹⁾ III т. 412.

²⁾ См. добав. къ „Лѣствицѣ“ 22 стр. Сл. 26, 94.

³⁾ Авва Дорош., II, XI, 133.

⁴⁾ См. Дом. Бес. за 1873 г., стр. 996.

ныхъ между собою и находящихся во взаимоотношеніи¹⁾. Изъ разсмотрѣнія нами (въ началѣ сочиненія) грѣхопаденія и его послѣдствій, мы видѣли, что грѣхъ, не вытекая изъ естества нашей природы, явился, какъ послѣдствіе „развращенной воли“. Начало его кроется въ существѣ человѣческой свободы. Основой грѣха была человѣческая „самость“. Переходя преемственно въ родъ человѣческій, онъ сохраняетъ за собой и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ всѣ свои существенные признаки, ибо источникъ и сущность его скрываются въ нашей душѣ: въ мысляхъ и чувствахъ. Образованіе грѣха въ душѣ каждаго человѣка происходитъ общимъ (со страстями) путемъ и порядкомъ. Грѣхъ входитъ „въ дверь сердца мечтаніемъ лукаваго прилога“. Поводомъ ко грѣху всегда служить тотъ или иной помыслъ. Если помыслу удастся остановить вниманіе ума, то наступаетъ состояніе извѣстное у отцовъ подъ именемъ „сочетанія“, когда наши помыслы и помыслы лукавыхъ демоновъ смѣшиваются; далѣе наступаетъ моментъ третій—„сосложенія“, и, наконецъ, четвертый—чувственное дѣяніе или полный грѣхъ²⁾. Всякій грѣхъ совершается ради удовольствія. Можно поэтому сдѣлать такое заключеніе, что грѣхъ и по существу своему, и по образованію весьма имѣетъ много общаго съ явленіемъ „страсти“. Всякій отдѣльный грѣхъ называется грѣхомъ случайнымъ. Но существуетъ еще грѣхъ страсти и страсть грѣха. Отцы-аскеты, не разграничивая строго этихъ двухъ понятій, часто одинъ терминъ „грѣха“ ставили вмѣсто другого „страсти“. Все же они не отождествляли ихъ между собою. Преп. Исаакъ Сиринъ говоритъ: совершеніе грѣха не бываетъ безъ собесѣдованія со страстями³⁾. Преп. Іоаннъ Кассіанъ страсть называетъ „членомъ грѣха“, который по существу своему есть то-же, что и страсть⁴⁾, только съ той разницей, что грѣхи суть самыя дѣйствія страстей, когда кто приводитъ ихъ въ исполненіе⁵⁾. Очевидно грѣхъ, какъ дѣло, какъ внѣшнее обнаруженіе страсти, т. е. извѣстнаго

¹⁾ Ис. Сир. 85, 403; Ин. Кас. Соб. 19, 12; Авв. Дороо. п. 1, 23; Добр. II, 373, 9; 360, 7.

²⁾ См. Преп. Исихій Добр. II, 168, 45—46; ср. Мак. Вел. 43, 6, 9.

³⁾ Ис. Сир. Сл. 85, 403.

⁴⁾ Соб. 12, 19, 12.

⁵⁾ Авва Дороо. п. 1, 23.

ему присущи до своего во внѣ обнаруженія. Въ данномъ случаѣ грѣхъ является какъ частичное выраженіе отдѣльнаго момента страсти—какъ настроенія. Тотъ же самый грѣхъ, будучи выраженіемъ извѣстной страсти, если кто его часто совершаетъ, обращается въ злой навѣкъ и дѣлается „страстью грѣха“¹⁾. Такимъ образомъ, страсть переходитъ въ грѣхъ, а грѣхъ дѣлается страстью; такое взаимосообщеніе и возможно только при пониманіи этихъ двухъ явленій какъ однородныхъ по существу. И грѣхъ и страсть мыслятся одинаково, какъ грѣховныя настроенія: первый—какъ отдѣльный моментъ въ настроеніи, а вторая—какъ цѣльное настроеніе, ставшее постояннымъ навѣкомъ души. Грѣхъ внутри человѣка безъ своего проявленія составляетъ по существу одно и то же со страстью, а совершенный во внѣ есть только обнаруженіе ея²⁾.

Какъ частичное выраженіе настроенія нашей грѣховной воли (такъ какъ грѣхъ происходитъ отъ воли³⁾), фактъ частнаго грѣха подлежитъ меньшей нравственной отвѣтственности по сравненію съ грѣхомъ по страсти. Человѣкъ, совершающій грѣхъ не по страсти, обнаруживаетъ „беззаконіе“, т. е. уклоненіе въ сторону отъ закона, выражающаго волю Божию; а совершающій грѣхъ по страсти (въ силу навѣка) обнаруживаетъ кромѣ этого (и больше этого) наклонъ ко грѣху. Впавшій въ грѣхъ можетъ скоро покаяться, ибо палъ на ровномъ мѣстѣ, гдѣ подняться легко; а павшій по страсти палъ на уклонѣ, гдѣ трудно бываетъ удержаться, чтобы не скатиться въ самый низъ. Грѣхъ есть обнаруженіе „извращенной воли“, а страсть—„болѣзненной воли“ съ внутреннимъ содержаніемъ наклона въ сторону грѣха. Внутреннее всегдашнее влеченіе ко грѣху дѣлаетъ болѣе отвѣтственнымъ человѣка предъ закономъ правды, ибо человѣкъ и до грѣха не переставалъ грѣшить мысленно и по совершеніи его остается въ томъ же расположеніи⁴⁾. Однако этой нравственной отвѣтственности, только развѣ въ сравнитель-

¹⁾ Авв. Дорое. II, XI, 134; Ин. Кас. Соб. 23, 14.

²⁾ Ефр. Сир. Добр. II, 360, 7; 373, 9; III т. 330; I. Лѣст. 26, 40—48.

³⁾ I. Касс. Соб. 23, 1.

⁴⁾ Макс. Исп. Добр. III, 208, 74.

настроенія души, носить на себѣ всѣ тѣ черты, какія были нои мѣрѣ, подлежитъ и всякій частный грѣхъ. И на сколько оба они, т. е. грѣхъ и страсть являются отвѣтственными въ такой степени, можно сказать, опредѣляется и ихъ гибельность въ дѣлѣ спасенія души. Оба они, а особенно, конечно, страсти, являются весьма гибельными для души и вредящими дѣлу спасенія¹⁾; это—новое свойство, которое также сродняетъ между собою страсть и грѣхъ. Отцы-аскеты представляютъ намъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ того, что дѣйствіе страстей (и пороковъ) всѣхъ и каждой порознь настолько разрушительно, что всякую страсть они уподобляютъ „губительному недугу“²⁾, который, по словамъ Исаака Сиррина, „мучая душу умерщвляетъ ее“³⁾. И дѣйствительно, страсти являются смертію для души⁴⁾; съ одной стороны—они препятствуютъ душѣ—этой своей рабѣ—созерцать Бога, Который не можетъ быть видимъ тѣмъ, въ комъ хоть нѣсколько живутъ страсти, а Богъ только чрезъ созерцаніе и можетъ быть видимъ и уразумѣваемъ⁵⁾; съ другой—они чрезъ это мѣшаютъ душѣ, невѣстѣ Христовой, сочетаться съ Чистымъ Небеснымъ Царемъ⁶⁾ и такъ удаляютъ ее отъ Христа, Который „есть жизнь всѣхъ разумныхъ тварей, созданныхъ по подобію Его“⁷⁾. Удаленіе души отъ Бога, какъ источника жизни, есть несомнѣнная для нея смерть⁸⁾.

Резюмируя все сказанное нами на основаніи данныхъ аскетической литературы, мы должны отмѣтить, что страсти, не составляя нашего естества, являются случайными, временными болѣзненными наростами на нашей душѣ⁹⁾, которую они, если не будутъ удалены, могутъ подвергнуть вѣчной смерти. Удалить эти болѣзненные явленія зависитъ отъ нашей воли. „Страсти суть дверь, заключенная предъ лицомъ

¹⁾ Добр. I, 65, 8; Ил. Кас. Соб. 23, 14.

²⁾ Авв. Дороо. п. XI, 134.

³⁾ 85 сл. 403.

⁴⁾ Ефр. Сир. III, 286.

⁵⁾ Ефр. Сир. II, 115; I. Кас. Соб. 1, 15; Ефр. С. IV, 41; Добр. I, 33, 35.

⁶⁾ Добр. II, 360, 6.

⁷⁾ Антоній В. Доброт. I, 33, 35.

⁸⁾ I. Кас. Соб. 23, 19.

⁹⁾ Ис. Сир. 28.

чистоты. Если кто не отворить этой двери, то не войдетъ онъ въ непорочную и чистую область сердца; просвѣтитъ же свою душу невозможно тому, кто предварительно не очистилъ себя отъ страстей. Слѣдовательно, для того, кто хочетъ спастись, а спасеніе есть цѣль истинно-христіанской жизни, борьба со страстями является неизбѣжной.

Іеромонахъ Николай.

Сергіевъ Посадъ,
Московская Дух. Академія.

Мысли мірянина о современномъ исполненіи церковныхъ службъ *).

V. Чѣмъ у насъ стараются оправдать небреженіе о церковной службѣ.

Теперь нужно разсмотрѣть слышанныя мною возраженія со стороны многихъ духовныхъ лицъ.

А) „Что же, говорятъ: неужели Вы хотите, чтобы все совершалось безъ пропусковъ, по монастырски?“—Отвѣчаемъ: „А какъ же совершалось богослуженіе 50 лѣтъ назадъ,—словомъ до 1869 года, т. е. до сокращенія штатовъ, при прежнихъ священникахъ, и причетникахъ (дьячкахъ)? Тогда не только въ большіе праздники, но и во всѣ воскресные дни, стихиры на „Господи возвахъ“, на литіи, на стиховни и на хвалитѣхъ, не только не пропускались, но даже не читались, а всегда пѣлись; тогда литія на всѣхъ всенощныхъ бдѣніяхъ, величаніе и избранный псаломъ, не пропускались; праздничный тропарь предъ благословеніемъ хлѣбовъ, и на „Богъ Господь“ повторялся три раза; тогда молящихся было больше, и священники ходили по храму, кадрили икону и народъ, не жалуясь на *тѣсноту* и *невозможность*. Шестопсалміе и кафизмы читались среди храма; оба канона въ большіе праздники не пропускались; ирмосы пѣлись по дважды и съ катавасіями; антифоны на литургіи не пропускались. Въ великій постъ полунощница, тропари троицные, сѣдальны осмогласника, канѣизмы на утрени и на часахъ, пѣсни на трипѣсницахъ исполнялись по уставу; 12 малыхъ поклоновъ, при молитвѣ Св. Ефрема Сирина, и повторная

---

*) Окончаніе.—См. „Г. Ц.“ м. Ноябрь.

молитва съ однимъ великимъ поклономъ, исполнялась какъ должно; „*Помяни насъ Господи!.. Владыко!.. Святый!.. егда приидеши во царствіи Твоемъ*“ исполнялись причетниками, въ великій постъ предъ царскими вратами „*со сладкопѣніемъ*“ и земными поклонами; рядовой канонъ на повечеріяхъ вычитывался; „*Господи силъ съ нами буди*“ пѣлось полностью со стихами изъ псалма 150, послѣ чего причетники предъ царскими вратами пѣли: „*Господи аще не быхомъ святыхъ Твоя имѣли молитвенники*“ и проч. съ земными поклонами; на повечеріяхъ и на преждеосвященныхъ литургіяхъ предстоящіе „*повергались долу*“ и „*падали ницъ*“, несмотря на званіе, возрастъ, и полъ. На страстной недѣлѣ „*Се женихъ грядетъ*“ и „*Чертсгъ Твой...*“ пѣлись трижды *косо и со сладкопѣніемъ*; св. Евангеліе читалось по 13 главу Іоанна включительно; стихиры въ великій четвергъ, пятницу и субботу и антифоны на страстяхъ не сокращались, какъ теперь, почти до нуля; на пасхальной утрени два сосуда съ фиміамомъ ставились, и ни священники ни публика „*не жаловались на угаръ...*“ На пасху канонъ пѣлся полностью; послѣ каждой пѣсни причетники сходились на катавасію; священники ходили съ крестомъ и трехсвѣчникомъ по храму, кадили и привѣтствовали предстоящихъ (несмотря на дѣйствительную тѣсноту, которая бываетъ на пасху), не прекращали христосованье съ народомъ до тѣхъ поръ, пока не похристосуются всѣ находящіеся во храмѣ, а такъ какъ причетники тоже христосовались и на клиросѣ ихъ не было, то въ храмѣ господствовало „*велие молчаніе*“, только изрѣдка прерываемое любителями, которые пѣли „*Христосъ воскресъ*“; стихиры пасхѣ на вечернѣ пѣлись среди храма, и проч. и проч. Никто не жаловался „*на переутомленіе*“, и не называлъ приходскія мірскія церкви монастырями;—я, бывши гимназистомъ, и восемь лѣтъ, безъ пропуска, бывая въ Новочеркасской Николаевской Церкви, съ клятвою могу подтвердить, что это было такъ; иначе откуда же бы я зналъ такіа подробности, которыя здѣсь излагаю? —Разставшись въ десять лѣтъ окончательно со „старообрядцами“, я въ знаніи церковнаго устава могъ усовершенствоваться только при посредствѣ причетниковъ. Да и въ монастыряхъ продолжительность богослуженія зависить не отъ того, что тамъ нѣтъ пропусковъ, а главнымъ образомъ отъ канонарховъ, и отъ праздничныхъ

чтеній между каѳизмами на сѣдальнахъ; я очень хорошо помню, что праздничныя утрени: рождественская, крещенская, благовѣщенская, крестовоздвиженская, совершаемая въ приходскихъ церквахъ г. Новочеркасска, безъ всякихъ пропусковъ, продолжались не болѣе трехъ часовъ. Литургія вмѣстѣ съ проскомидією и часами занимала не больше двухъ часовъ; что же, неужели это утомительно, когда на 365 дней въ году такихъ службъ придется не болѣе семи (25 Декабря, 6 Января, 25 Марта, 15 Августа, 14 Сентября, Входъ Господень въ Иерусалимъ, Сошествіе Св. Духа)? Въ остальные дванадесятые праздники, утрени и литургія вмѣстѣ продолжались не свыше 3½ часовъ. Неужели же, ради страшныхъ созерцаній, истинно-православный человѣкъ будетъ жаловаться на усталость?—И дѣйствительно прежде не жаловались.

Б) Говорятъ священнослужители въ свое оправданіе, что сокращеніе необходимо потому, что публика утомляется продолжительностію службъ и что число интеллигентныхъ лицъ, посѣщающихъ храмы, съ каждымъ годомъ уменьшается. На этомъ возраженіи нужно остановиться подробнѣе. Прежде всего, кого подразумѣваютъ подъ именемъ публики?—Если крестьянство и мѣщанство, мелкое чиновничество, и купечество, составляющія болѣе 90 процентовъ всего населенія, то нечего и доказывать, что эти сословія не только не тягостятся продолжительностію богослуженія, но наоборотъ,—не любятъ тѣхъ священниковъ, которые служатъ „не истово“; а если разумѣть интеллигенцію, въ тѣсномъ смыслѣ, то вѣдь она составляетъ менѣе десяти процентовъ населенія. Съ какою же цифрою нужно согласовать богослуженіе?—Конечно не со второю.

Далѣе: несмотря на уступки со стороны Церкви, число интеллигентовъ, посѣщающихъ храмы, все равно уменьшается „*crescendo*“.—Въ самомъ дѣлѣ, 50 лѣтъ тому назадъ, всенощныя совершались только отъ Өоминой недѣли до 14 Сентября, а съ 14 Сентября до Өоминой совершались утрени. Такой порядокъ существовалъ повсемѣстно (кромѣ домовыхъ Церквей) до конца шестидесятыхъ годовъ, а между тѣмъ на утреню въ нашей Донской епархіи приходили генералы и полковники, чиновники и офицеры нижнихъ ранговъ, барыни и барышни, въ бурнусахъ, *кацовейкахъ*, мантиліяхъ и шляпахъ, не говоря уже о купцахъ, казакахъ, и прочихъ

разночинцахъ. Въ праздничные дни въ Церкви негдѣ было яблоку упасть; мы гимназисты также вставали рано (см. выше); утренняя тогда начиналась въ 4 часа ночи, и непосредственно за нею совершалась ранняя обѣдня; всѣ, приходившіе на утреню, оставались и на обѣдню. Теперь же, уступая требованіямъ жизни, круглый годъ совершаются всенощныя бдѣнія, раннія обѣдни начинаются не раньше 7 часовъ утра, позднія въ 9^{1/2} часовъ и даже въ 10^{1/2} часовъ (въ большихъ городахъ, и въ домовыхъ Церквахъ), и все-таки *интеллигенція блистаетъ своимъ отсутствіемъ въ храмахъ...* прежде (въ Новочеркасскѣ) интеллигенція, начиная говѣть въ понедѣльникъ съ вечера, рѣдко со вторника, ходила исправно ко всѣмъ службамъ и приобщалась исключительно въ субботу; а теперь (въ Ю. З. Россіи) утренняя совершается или съ вечера, или же въ 6 часовъ утра (въ деревняхъ) и все таки интеллигенція, если приобщается въ среду на преждеосвященной литургіи, то начинаетъ говѣть съ понедѣльника съ вечера, если же въ субботу, то съ четверга съ вечера, и даже со вторника и съ пятницы утра, и приобщившись уже не идетъ въ тотъ день вечеромъ въ Церковь, а иногда даже не остается до окончанія литургіи.

Интеллигенція давно сама себя исключила изъ нѣдръ Церкви, и причины ея отпаденія отъ Церкви заключаются не въ продолжительности церковныхъ службъ, а идутъ со временъ реформъ Петра Великаго, и подробно изложены въ докладѣ покойнаго столпа Церкви—Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, прочитаннаго имъ на архіерейскомъ съѣздѣ, и напечатаннаго, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, если не ошибаюсь, въ „Вѣрѣ и Разумѣ“. Тамъ читатель можетъ подробно познакомиться съ историческими причинами отпаденія отъ Церкви подавляющаго большинства нашей интеллигенціи.

Нашу интеллигенцію невозможно возвратить въ лоно Церкви такими уступками, какъ сокращеніе благолѣпнаго православнаго богослуженія. Въ самомъ дѣлѣ, если подавляющее большинство нашей интеллигенціи воспитывается такъ, что никогда въ домѣ не видитъ священника, никогда въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни не совершаетъ не только домашнихъ молебновъ, но даже не молится ни утромъ,

ни вечеромъ, ни предъ обѣдомъ и ужиномъ; никогда не принимаетъ священника со крестомъ, или святою водою, никогда не только не читаетъ, но даже не имѣетъ въ домѣ Евангелія, не говоря уже о всей библіи, *не находитъ никакой радости въ чтеніи этой* (по выраженію Гейне) *„Книги книгъ“*, скучаетъ при чтеніи лучшихъ духовныхъ произведеній и въ то же время зачитывается по цѣлымъ ночамъ сочиненіями Эмilia Золя, Декамерономъ, и другими порнографистами, *„на самоѣ дѣлѣ утомляется“* даже отъ такой, сравнительно короткой, торжественной и радостной службы, какъ пасхальная утренняя, и въ то же время подъ новыи годъ *„не утомляясь“* танцуетъ до семи часовъ утра въ клубахъ, въ страстную ночь великаго четверга играетъ въ ресторанахъ (первоклассныхъ) на билліардѣ, или же въ другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ въ карты, далеко за полночь, закусывая при этомъ кровавымъ бифштексомъ съ трюфелями, и запивая кофе со сливками, или шоколадомъ съ ванилью, *24 декабря вечеромъ для милыхъ и благовоспитанныхъ дѣтей устраиваетъ елку съ танцами и костюмами*; послѣ исповѣди, благодаря свободному вечеру, играетъ въ винтъ, закусывая въ 11 часовъ ночи разварною осетриною, приходитъ пріобщаться при пѣніи *„Отче нашъ“* (фактъ) и притомъ... (страшно сказать, но прошу вѣрить 71 лѣтнему старикъ)— *напившись чаю въ постели...* „Еще успѣемъ“, говорятъ такіе субъекты. — Даже на одрѣ смертельной болѣзни, большинство интеллигентовъ (т. е. окружающіе ихъ) *„не посылаютъ за священникомъ съ цѣлію напутствія, чтобы не напугать трудно больного“*. При леченіи трудно больного интеллигента, меня самого однажды замѣнили другимъ врачомъ за то только, что я, видя неминуемый летальный исходъ, предложилъ пригласить священника. *Что это за врачъ, который не надѣется на свои знанія, а советуетъ приглашать попа*“. Такова была моя врачебная аттестація со стороны интеллигентнаго семейства, причемъ и при другомъ врачѣ, больной, послѣ отказа мнѣ, умеръ черезъ два дня.

Коснувшись врачебной стороны, я долженъ упомянуть, что при изслѣдованіи больныхъ интеллигентовъ, обоюго пола, я по крайней мѣрѣ въ 95 случаяхъ изъ 100 не видѣлъ на

груди креста; тоже самое явленіе сплошь и рядомъ наблюдать у интеллигентовъ, опредѣляющихся на военную службу, которые по уставу подвергаются врачебному осмотру, раздѣваясь до нага: этотъ же фактъ является постояннымъ, напр. въ баняхъ, купальняхъ, гдѣ при раздѣваніи я почти не видалъ крестовъ не только у взрослыхъ интеллигентовъ, но даже у ихъ дѣтей, мальчишковъ 3—5 лѣтъ.—Если же сняты крестильные кресты, въ большинствѣ случаевъ золотые, или вызолоченные, а слѣдовательно блестящіе, дѣти же любятъ всѣ блестящіе предметы,—то является вопросъ: *Съ какого момента дѣти сбрасываютъ съ себя этотъ видимый знакъ послѣдователя Христова и кто побуждаетъ ихъ къ этому?*.. Отвѣтъ грустный, но смѣемъ думать—правильный: *побуждаютъ родители и воспитатели*, но ни въ какомъ случаѣ, не няньки,

Вотъ къ такимъ-то субъектамъ можно, безъ грѣха, отнести изреченіе Іисуса Христа: *„Аще кто постыдится Мене и моихъ словесъ, въ родъ семь, прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, Сынъ человеческій постыдится его, егда придетъ во славу Отца своего со ангелы святыми“* (Марк. Гл. VIII—стихъ 38). Къ этой же группѣ можно отнести и тѣхъ (quasi) религіозныхъ интеллигентовъ, которые стыдятся устанавливать иконы въ залахъ и гостинныхъ (хотя бы по одной), а устраняютъ гдѣ нибудь въ уголкѣ дома, такъ называемую, *„образную комнату“*. Объ этихъ господахъ точно также Архіепископъ Амвросій упоминаетъ въ своемъ докладѣ, и также далеко не съ положительной стороны.—Но лучше всего обрисовано религіозное міросозерцаніе нашей интеллигенціи въ статьѣ А. Введенскаго: *„Причины невѣрія по даннымъ религіозной анкеты“*... напечатанной въ книжкахъ журнала *„Странникъ“* за истекшій 1911 годъ.

Исчисленные выше факты даютъ намъ полное право заключить, что подавляющее большинство нашей интеллигенціи давно *„истлѣло страстями“*, и только подъ тяжкой карой Промысла Божія *„способно своей падшій обновити образъ“* (Догматикъ, Богородичень, 4-го гласа).—И такую-то интеллигенцію надѣются возвратить въ лоно Церкви такими мѣрами, какъ сокращеніе богослуженія; постигнѣ печальное заблужденіе. Такая интеллигенція не заслуживаетъ ни малѣйшихъ уступокъ со стороны Церкви еще и потому, что, по мѣрѣ уступокъ, она будетъ предъявлять новыя требованія...

VI. Проектъ сокращенія церковной службы.

На основаніи изложеннаго, трудно согласиться съ проектомъ предполагаемыхъ дальнѣйшихъ сокращеній нашего православнаго богослуженія, выработанныхъ напр. на епархіальномъ съѣздѣ Рижскаго духовенства; конечно, не наше дѣло давать совѣты нашимъ духовнымъ наставникамъ, но *если дальнѣйшее сокращеніе будетъ, такъ сказать, санкціонировано начальствомъ, то можно ли поручиться за то, что лучшая часть общества не отпадетъ отъ Церкви, и не образуются новыя секты на почвѣ недовольства новыми порядками богослуженія, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи своего вѣроученія, неизбежно коснутся догматической и нравственной стороны православнаго ученія.* Вотъ гдѣ опасность для Православной Церкви; опасность серьезная, съ которой необходимо считаться.

Вѣдь если Церковь молится „о миръ всего міра, и о соединеніи всѣхъ“, то, значить, она скорбитъ объ отпавшихъ членахъ своихъ, и желаетъ возвратить ихъ въ свое лоно; „старообрядцы“, приѣмлющіе священство, ближе всѣхъ сектантовъ стоятъ къ Церкви, и по численности превосходятъ другія общины; хорошо зная духъ „старообрядчества“, я готовъ утверждать, что хотя не единственною, но одною изъ главныхъ причинъ упорства „старообрядцевъ“ служитъ слишкомъ сокращенное, и часто до крайности невнимательное исполненіе православнаго богослуженія.

Обыкновенно говорятъ, что „сокращеніемъ богослуженія православіе нисколько не нарушается“.—Да, скажемъ и мы, православное вѣроученіе не нарушается, но не надо забывать, что для выраженія почтенія и благоговѣнія, не только царю земному, но и постановленнымъ отъ него вельможамъ, и нашимъ ближайшимъ начальникамъ, установлены извѣстныя формы выраженія этого почтенія, и мы всѣ чрезвычайно боимся нарушить эти формы и отступить отъ такъ называемаго этикета — боимся потому, чтобы не потерять расположенія земныхъ владыкъ. А если такъ, то не тѣмъ ли больше мы должны заботиться о соблюденіи извѣстныхъ, издавна церковью установленныхъ формъ для выраженія почтенія и благоговѣнія къ Царю царей? Мы должны рев-

постно охранять весь церковный ритуаль и выражать служеніе небесному Царю „*благообразно и по чину*“.

VII. Дальнѣйшія оправданія богослужебныхъ опущеній.

В) Третье возраженіе заключается въ томъ, что при сохраненіи штатовъ, въ 1869 году, когда оставлены въ Церкви только священникъ и псаломщикъ, исполнять богослуженіе по уставу просто некому; это возраженіе, по нашему мнѣнію, самое серьезное, но о немъ подробно скажемъ ниже, когда будемъ говорить о практическихъ мѣрахъ къ устраненію нарушеній устава.

Такъ какъ всякому явленію и факту, какъ въ физической, ви́шней, такъ и во внутренней, нравственной, духовной жизни общества и народа предшествуетъ какая либо причина, то и намъ, хотя приблизительно, необходимо опредѣлить причины упадка нашего благолѣпнаго богослуженія, о которомъ даже инославные отзываются съ восторгомъ и говорятъ, что напр. православная литургія не имѣетъ себѣ подобной ни въ одномъ христіанскомъ вѣроисповѣданіи. Я еще разъ оговариваюсь, что, не будучи спеціалистомъ, не претендую на непогрѣшимость моего мнѣнія, хотя всегда основываю его на фактахъ; итакъ, причины заключаются въ слѣдующемъ:

1) Небрежность нѣкоторой части самихъ священниковъ, въ исполненіи богослуженія; въ одномъ изъ губернскихъ городовъ однажды я былъ на всенощной подъ Рождество Христово; совершалъ богослуженіе настоятель, мой знакомый священникъ, магистръ богословія, соборнѣ съ другимъ священникомъ и дьякономъ; всенощная вмѣстѣ съ повечеріемъ продолжалась часъ и двадцать минутъ, и когда окончилась, мы пошли вмѣстѣ по домамъ по одной дорогѣ; на пути я спросилъ: „Вы, кажется, отецъ N, таки порядочно сократили всенощную?“—„Да что жъ напрасно калякать-то“, послѣдовалъ отвѣтъ.—Судите читатель сами, каково мнѣ было слышать выраженіе „*напрасно калякать*“ изъ устъ образованнаго, пожилаго магистра, находившаго превосходныя пѣснопѣнія, составленныя въ честь родившагося Бога Младенца „*напрасными каляканьемъ!*“

Другой фактъ. Въ Харьковѣ есть богатая Воскресенская церковь, построенная въ купеческой части города, недалеко отъ единовѣрческой церкви; храмъ въ ней всегда праздновался на второй день пасхи и утренняя совершалась „*благообразно и по чину*“ съ вечера на первый день; для меня, когда я былъ студентомъ, всегда доставляло высокое наслажденіе ходить на храмовой праздникъ въ эту церковь. Въ 1882 году я случайно былъ въ Харьковѣ на пасху, и на первый день въ 5 часовъ по полудни отправился въ названную церковь на храмъ; и что же? Пропустили совершенно повечеріе, полунощницу; вечерню же и утреню такъ сократили, что я не узналъ того богослуженія, которымъ наслаждался въ юности; стихиры на „Господи воззвахъ“ и на „Хвалитѣхъ“ пропѣли по одной; стихиры пасхѣ на вечерни совсѣмъ пропустили, а на утрени только пропѣли первую стихирю: „*Пасха священная намъ днесь показалася*“, потомъ Слава и нынѣ: „*Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ*“. Изъ пасхальнаго канона въ каждой пѣснѣ пропѣли по одному ирмосу, и по одному тропарю и затѣмъ малая ектенія, а канонъ Богородицѣ: „*Умерщвленія предѣлъ сломила еси*“ пропустили весь цѣликомъ; я думалъ съ болью въ сердцѣ: если такъ совершается богослуженіе въ храмовой праздникъ, и въ день торжества изъ торжествъ, то во что же превращается служба въ другіе дни?

Тоже самое въ Новочеркаскѣ; когда я, послѣ 21 года разлуки съ Новочеркасскомъ, пріѣхалъ туда на пасху въ 1899 году, и пошелъ въ ту же Николаевскую церковь, то сравнивая видимое и слышимое съ тѣмъ, что было въ періодъ времени съ 1850 по 1869 годъ, я просто плакалъ; факты эти доказываютъ, что упадокъ богослуженія идетъ у насъ *crescendo*.

2) Недостаточное знакомство многихъ священниковъ съ церковнымъ уставомъ; опять факты: въ одномъ мѣстечкѣ Гродненской губерніи была расположена Донская артиллерійская конная батарея, въ которой я служилъ младшимъ врачомъ. Пасха въ тотъ годъ 1866 была марта 27; Благовѣщеніе приходилось въ Великую пятницу; и вотъ наканунѣ въ четвергъ страстной недѣли приходилъ ко мнѣ молодой (лѣтъ 32) священникъ съ просьбою посовѣтывать ему (онъ уже зналъ, что я бывший „старообрядецъ“) какъ соединить

утреню великой пятницы (страсти) съ утренею въ честь Благовѣщенія; я отвѣтилъ, что вѣдь есть же въ концѣ великопостной тріоди—главы Марка Монаха;—*„Представьте себѣ“*, наивно отвѣчалъ онъ, *„что я даже и не слыхалъ о нихъ“*, послѣ этого мы пошли къ нему въ домъ, взяли тріодъ, и чтобы во время богослуженія, не перелистывать книгу тріоди, и не дѣлать справокъ, мы выписали на отдѣльной бумажкѣ Маркову главу на данный день, и послѣ вечерняго чаю отправились на страсти, при чемъ священникъ попросилъ меня стать на клиросъ, такъ какъ причетнику трудно слѣдить за ходомъ службы, а тріодъ одна, я согласился, и священникъ остался очень доволенъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ Подольской губерніи, гдѣ я прослужилъ съ полкомъ 9 лѣтъ, да въ отставкѣ прожилъ два года, въ мѣстной церкви, я также былъ пораженъ незнаніемъ устава: случилось навечеріе Р. Хр. въ субботу; по уставу, литургія, въ этомъ случаѣ, совершается отдѣльно отъ вечерни, и на литургіи произносится Евангеліе Луки, Зачало—5; а на вечернѣ Матѳея—Зачало 53; но тамъ читали литургійное евангеліе на вечернѣ (т. е. Луки—Зачал. 5): на литургіи я не былъ; на Благовѣщеніе на литургіи—Луки, Зачал. 3; а дьяконъ читаетъ общее евангеліе Богородицы—Луки Зач. 54; въ недѣлю предъ Рождествомъ, читается евангеліе Матѳея,—Зачал. 1, а рядовое оставляется; тамъ же читаютъ оба евангелія; въ 1905 году—Благовѣщеніе приходилось въ пятницу на 4-й недѣлѣ поста; на утрени я не былъ, но пришелъ къ литургіи; безграмотный (буквально) псаломщикъ прочиталъ часы 3 и 6, но 9 часть и изобразительныя пропустилъ; священникъ, или дьяконъ только по временамъ выглядывали изъ сѣверныхъ дверей алтаря, но никакихъ указаній псаломщику не дѣлали; затѣмъ началась литургія Златоустаго, безъ вечерни, стихирь и паремій. Допустимъ, что этими отступленіями православіе не нарушается, но за то съ ясностію обнаруживается или невѣжество или небрежность священнослужителей, или то и другое вмѣстѣ.

3) Упадку современнаго богослуженія сильно содѣйствуютъ также нынѣшніе псаломщики, замѣнившіе дьячковъ-причетниковъ. Они въ громадномъ, подавляющемъ большинствѣ, не знаютъ устава, не знаютъ пѣнія на 8 гласовъ, нисколько

не интересуясь ни дѣмъ ни другимъ, часто среди нихъ встрѣчаются лица совершенно безграмотныя. Всѣхъ псаломщиковъ можно раздѣлить на три группы: первую группу составляютъ окончившіе курсъ семинаріи, обязанные до рукоположенія во священники прослужить извѣстный срокъ въ должности псаломщика, или учителя; эти лица, большею частію страдаютъ самомнѣніемъ, смотрятъ на свою службу, какъ на переходную ступень, мечтаютъ о священствѣ, ищутъ и высматриваютъ невѣсть, и нечисляютъ дни и часы, когда они развяжутся съ должностью псаломщика. Они не заботятся ни о самоусовершенствованіи, ни объ улучшеніи порядка богослуженія; держать себя на равной ногѣ со священникомъ, который находитъ неудобнымъ проявлять надъ ними свою власть, какъ надъ будущими коллегами, очень часто являются на службу поздно, и поручаютъ исполнять свои обязанности ученикамъ мѣстныхъ школъ, или грамотнымъ крестьянамъ; группа такихъ псаломщиковъ, впрочемъ, невелика.

Ко второй группѣ, большей по численности, нужно отнести псаломщиковъ, неокончившихъ полного курса семинаріи, но за то окончившихъ курсъ духовныхъ училищъ; между ними иногда встрѣчаются прослужившіе нѣсколько лѣтъ учителями, и поступившіе на должность псаломщиковъ, съ цѣлю когда нибудь дослужиться до сана дьякона, и даже, при благопріятныхъ обстоятельствахъ—священника. Псаломщики этой группы отличаются отъ предыдущихъ только тѣмъ, что они болѣе скромны, и менѣе страдаютъ самомнѣніемъ. Хотя служебная дисциплина и этой группы довольно слабая, но въ общемъ этого сорта псаломщики болѣе послушны священнику; псаломщики обѣихъ группъ служатъ обыкновенно въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ, и рѣдко въ крупныхъ селахъ.

Наконецъ третью, самую многочисленную группу составляютъ псаломщики, неокончившіе курса духовныхъ училищъ, и получившіе мѣсто, по снисходительности начальства; они часто поступаютъ на должность, получая ее послѣ отца, тестя, или дяди; между ними, хотя рѣдко, но встрѣчаются и сыновья дьяконовъ, и даже священниковъ,—неудачники духовныхъ школъ; вотъ эти-то лица большею частію не только не знаютъ устава, но даже не умѣютъ читать; въ

великій постъ напр. на пареміяхъ они всегда произносятъ: „*Причтей*“ (вмѣсто причей) чтеніе“; а въ большіе праздники поютъ „*Елицы во креста*“ (вмѣсто во Христа) крестятся“ и никакими казнями нельзя заставить ихъ произносить эти слова правильно; они никогда не заглядываютъ ни въ уставъ, ни въ Марковы главы, ни въ служебникъ; въ 1896 году пасха была Марта 24, а годъ былъ високосный, ключъ границъ былъ В., сыропустъ приходился февраля 4, а праздникъ Срѣтенія приходился въ пятницу на сырной недѣлѣ. Хотя отданіе Срѣтенію полагается 9-го февраля, но такъ какъ съ 5 февраля наступалъ великій постъ, то отданіе, по Марковымъ главамъ, должно совершаться въ недѣлю сырную (4 февраля); между тѣмъ, я, говѣя на первой недѣлѣ поста, слушалъ на утренѣ послѣ аллилуіа тропарь празднику Срѣтенія, а на трипѣснѣ прмосы Срѣтенскаго канона, и все это исполнялось до 9 февраля; ни священникъ, ни дьяконъ не сдѣлали никакихъ указаній псаломщику; псаломщики этой группы не знаютъ также того, что на 5 недѣлѣ великаго поста псалтирь стихословится иначе, нежели на остальныхъ недѣляхъ, и въ среду 5 недѣли на вечерни читается не 18 кафизма, какъ обыкновенно, а 7-я; не знаютъ, что отъ сырной недѣли до отданія праздника Воздвиженія (21 сентября) въ воскресные дни на утренѣ, кромѣ Өоминой недѣли, и недѣли 50-цы или же большихъ праздниковъ, уже не поется поліелей („Хвалите имя Господне“), а вмѣсто него произносится 17 кафизма; не знаютъ что отъ Өоминой недѣли до отданія праздника пасхи, во всѣ воскресные дни, на 9-й пѣсни „*Честнѣйшая*“ не поется; не знаютъ, что во весь годъ на вечернѣ въ воскресные дни псалтирь не произносится; и потому если случится въ попедѣльникъ великій праздникъ, то они на всенощномъ бдѣніи, немедленно послѣ великой ектеніи, поютъ не прямо „*Господи воззвахъ*“, а сначала поютъ „*Блаженъ мужъ*“, „*аллилуія*“ и проч. и проч. Всѣ три группы псаломщиковъ, составляютъ хроническую болѣзнь клира (которую невозможно излечить безъ „*хирургическихъ*“ средствъ) и въ дѣлѣ богослуженія не выдерживаютъ никакого сравненія съ прежними причетниками, проникнутыми настолько духомъ строгой церковности, что имъ невольно прощаешь нѣкоторыя ихъ отрицательныя стороны, чему доказательствомъ служить мое продолжи-

тельное и близкое знакомство съ ними, во время моей гимназической жизни (см. выше).—Если же прибавить къ этому, что третья группа наполняетъ сельскіе и деревенскіе приходы, и что среди этой группы иногда попадаются люди не трезвые, то читатель вполне пойметъ, какой хаосъ можетъ выйти на службѣ, въ особенности весною, когда грамотные крестьяне на полевыхъ работахъ, и замѣнить псаломщика на клиросѣ некому.

Не лишнимъ считаю прибавить, что служба земскимъ врачамъ 4 года въ одной изъ южныхъ губерній, и имѣя разъѣздной участокъ въ 9 волостей, мнѣ при разъѣздахъ приходилось очень часто сталкиваться съ псаломщиками, какъ съ представителями сельской интеллигенціи, приходилось перѣдко останавливаться у нихъ на квартирѣ, во время вьюги, или грязи; и что же? Перѣдко они кушаютъ мясо въ обычные посты, у многихъ я не видѣлъ ни евангелія, ни псалтыри, и только изрѣдка у стариковъ—встрѣчалъ молитвословъ: но за то находилъ сочиненія Толстого, сепаратиста Тараса Шевченко, заклятаго ненавистника Россіи, и даже Эмilia Золя. — Интересно знать, если бы теперь 13—14—15 лѣтній, колеблющійся гимназистъ, подобно мнѣ, попалъ подъ вліяніе такихъ псаломщиковъ, то какими бы книгами снабжали они его; конечно не такими, какія я получалъ отъ Новочеркасскихъ, Николаевскихъ причетниковъ.

4) Четвертую причину упадка богослуженія составляетъ недостатокъ, и даже иногда совершенное отсутствіе, въ нѣкоторыхъ, современныхъ священникахъ, и въ особенности въ псаломщикахъ, того духа церковности, который лѣтъ 40—50 тому назадъ былъ такъ присущъ всему нашему духовенству.—За свою долгую жизнь и сорокалѣтнюю службу въ разныхъ мѣстностяхъ нашего необъятнаго отечества, я паталкивался на массу фактовъ, подтверждающихъ справедливость моихъ словъ.

Мнѣ могутъ возразить, что отрицательные факты, какъ частичные, не даютъ права на обобщеніе; согласенъ и не обобщаю, но все таки утверждаю, что важно не число фактовъ, а самая возможность ихъ появленія среди духовенства, подобно тому какъ важенъ не единичный Гапонъ, а почва, воспитавшая подобную личность.

5) Наконецъ пятою и одною изъ самыхъ серьезныхъ причинъ упадка богослуженія служить сокращеніе штатовъ въ 1869 году.

VIII. Какъ помочь дѣлу церковнаго благолѣпія.

Какія же мѣры можно предложить для устраненія недостатковъ въ нашемъ богослуженіи?—1) Прежде всего нужно возстановить тѣ штаты священно-церковно-служителей, которые были до 1869 года; при сокращеніи штатовъ до такой крайней степени, что въ большинствѣ церквей оставлены только священникъ и псаломщикъ, вѣроятно имѣлось въ виду, что при церковныхъ школахъ образуются пѣвческіе хоры, и что между прихожанами всегда найдутся любители чтенія и пѣнія. Это большая ошибка: въ Великой Россіи, дѣйствительно, можно много найти любителей среди купцовъ, приказчиковъ, мелкихъ чиновниковъ, и сельской интеллигенціи; но какіе любители могутъ быть въ губерніяхъ: Гродненской, Волынской, Подольской, и вообще въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ, гдѣ купцы и приказчики—жиды; чиновники сгруппированы въ городахъ и мѣстечкахъ (почтовые чиновники завалены при этомъ работою), а сельская интеллигенція состоитъ изъ поляковъ и католиковъ, которые буквально чуть не рукоплещутъ, при видѣ всякаго, даже мнимаго неурядка въ православной церкви, и пользуются имъ чтобы лишній разъ превознести похвалами свой костелъ, къ которому всячески стараются склонить православныхъ. Если даже псаломщикъ будетъ обладать первостепеннымъ голосомъ, онъ одинъ положительно измучится отъ чтенія и пѣнія въ воскресные дни и большіе праздники, когда такъ много выпадаетъ на его долю работы по клиросу. Но еще тяжелѣе псаломщику въ великій постъ, и въ особенности на страстной недѣлѣ и въ пасху; въ дни великаго поста и пасхи, чуть не ежедневно, приходится имѣть дѣло съ иными особенностями; и притомъ такими, которыя больше не повторяются за цѣлый годъ; какъ же можно требовать отъ псаломщика, чтобы онъ выполнялъ все, что требуется типикономъ? а если у него къ тому же слабый голосъ, что тогда? Отсюда понятно, почему многіе

изъ православныхъ зажиточныхъ людей въ такіе знаменательные и торжественные дни, какъ страстная недѣля и пасха, уѣзжаютъ въ Кіевъ, Почаевъ и другіе монастыри, съ единственною цѣлію, отдаться всецѣло молитвенному созерцанію священныхъ событій, и насладиться красотою нашего благолѣпнаго богослуженія.

На любителей изъ народа надежда плоха еще и потому, что для нихъ посѣщеніе храма не обязательно, а иногда и совершенно невозможно, какъ напр. весною, при полевыхъ работахъ, въ воскресные дни великаго поста, или на страстной недѣлѣ, когда бываютъ базары и ярмарки, которыми такъ богаты села и мѣстечки западнаго края. Что же касается пѣвческихъ хоровъ при школахъ, то съ ними заниматься некому; учителя школъ не всегда обладаютъ искусствомъ регента, и почти не получаютъ никакого вознагражденія за управленіе хоромъ; родители также не охотно пускаютъ дѣтей въ хоры, потому что занятіе пѣніемъ идетъ, по ихъ мнѣнію, въ ущербъ школьному дѣлу; кромѣ того дѣти нужны для домашнихъ работъ; правда родители, могли-бы освободить дѣтей отъ нихъ, еслибы за пѣвческій трудъ дѣти получали, хотя нѣкоторое, денежное вознагражденіе; но надежды на это очень мало; рѣдко, рѣдко, какой нибудь щедрый староста даетъ на Рождество, или на Пасху, одинъ рубликъ на десятокъ мальчиковъ; развѣ такими средствами можно поддержать хоръ? а взрослые теноры и басы? Гдѣ можно найти такихъ, которые пѣли бы безъ жалованья? Самое же главное—то, что даже и при правильной организаціи сельскіе хоры не замѣняютъ хорошихъ прежнихъ причетниковъ, потому что [хоры поютъ только общія пѣснопѣнія, которыя никогда не мѣняются, и легко могутъ быть изучены; сила же торжествъ въ большіе праздники заключается исключительно въ частныхъ пѣснопѣніяхъ, не повторяющихся въ другіе дни, къ исполненію такихъ пѣснопѣній нужно готовиться отдѣльно на каждый праздникъ; и вотъ почему изъ частныхъ пѣснопѣній сельскіе хоры поютъ только праздничные тропари, они даже ирмосы праздничные поютъ не всегда, и въ нѣкоторые праздники, не успѣвъ разучить праздничныхъ ирмосовъ, замѣняютъ ихъ прежде разученными ирмосами; напр. въ Богородичные праздники: 8 Сентября, 21 Ноября, 25 Марта и 15 Августа, они всегда

поютъ „*Отверзу уста моя*“.—Одинъ разъ я былъ свидѣтелемъ такого случая: на Рождество Христово сельскій хоръ пропѣлъ, какъ и слѣдуетъ, „*Христосъ рождается*“ и всѣ рождественскіе ирмосы; подъ новыи годъ опять поютъ рождественскіе ирмосы, а подъ Крещенье пропѣли ирмосы, по гласу предыдущаго воскреснаго дня; фактъ объясняется очень просто; къ Рождеству ихъ разучали съ 21 Ноября, а къ новому году и Крещенью разучать было некогда; учителя занимались визитами и сельскими вечеринками, а мальчики въ школу, конечно, не ходили, а занимались колядками, и катаньемъ на конькахъ и салазкахъ. Не лишнимъ будетъ прибавить и такой, правда, единственный фактъ: однажды на второй день Р. Хр., 26 Декабря, на литургіи учитель-регентъ пропѣлъ съ хоромъ вмѣсто причастна, тропарь Богородицѣ „*Утоли моя печали*“ („*Утоли болѣзни многовоздыхающія души моя*“).—Гармонировало ли это великопостное пѣніе съ воспоминаніемъ такого радостнаго событія, какъ Рождество Искупителя міра? всего приличнѣе было бы пропѣть „*Слава въ вышнихъ Богу*“.—Таковы у насъ сельскіе хоры, и таковы вкусы у г.г. регентовъ.

Въ великій постъ сельскіе хоры поютъ только на первой недѣлѣ ирмосы великаго канона на повечеріяхъ, и двѣ преждеосвященныхъ литургій; по буднямъ великаго поста, пѣвчіе совсѣмъ не показываются въ церкви до великаго четверга; но и въ великій четвергъ, вечеромъ на страстяхъ, они поютъ только тропарь: „*Егда славнии ученицы*“, „*Господи помилуй*“ на эктеніяхъ; одинъ или два сѣдальна на антифонахъ (преимущественно поютъ сѣдаленъ „*Егда предсталъ еси Каиафѣ Боже, и предался еси Пилату Судіе!*“), иногда ирмосы трипѣснца: „*Къ тебѣ утренню*“ и экзапостиларій „*Разбойника благоразумнаго*“. На другой день въ великую пятницу, на вечерни они поютъ: „*Господи помилуй*“, „*Свѣте тихій*“; прокимень „*Раздѣлиша ризы моя*“, „*Тебе одѣющагося*“ предъ выносомъ плащаницы и затѣмъ „*Благообразный Иосифъ*“. На утрени въ субботу пѣвчіе опять не являются, и только часть мальчиковъ иногда приходитъ въ субботу на литургію, чтобы пропѣть надъ плащаницею: „*Воскресни Боже, Суди земли*“.

На первый день пасхи сельскіе хоры поютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, только литургію, и, крайне

рѣдко, утреню, да и то иногда ограничиваются одними ирмосами канона; вся утренняя поэтому исполняется измученнымъ псаломщикомъ, вмѣстѣ съ любителями крестьянами; часы же пасхальные совѣтъ не поются, а прочитываются.

Послѣ этого не удивительно, что теперь, при свободѣ вѣроисповѣданій, въ Западной Россіи многіе православные переходятъ въ католичество, соблазняясь превосходствомъ пышнаго костельнаго ритуала.

Гдѣ же, спросятъ, найти средства для увеличенія штата? Отвѣчаемъ: тамъ же, гдѣ находились средства и до сокращенія этихъ штатовъ, въ 1869 году. При искреннемъ желаніи, средства всегда найдутся; одно изъ нихъ, пожалуй, могу предложить и я. Сколько напр. находится свободныхъ послушниковъ по большимъ монастырямъ: въ Кіевѣ, Почаевѣ, въ Святогорскомъ монастырѣ Харьковской епархіи и проч. Въ монастырскихъ хорахъ иногда бываетъ на обоихъ клиросахъ по 50 пѣвцовъ (Почаевъ, Печерская лавра). Почему бы ихъ не командировать въ сельскіе приходы, хотя бы на извѣстный срокъ, на мѣсто причетниковъ? Для убѣжденнаго инока все равно, гдѣ не исполнять идею послушанія; но, можетъ быть, послушники не пойдутъ на такой трудъ? Правда,—но этимъ они обнаружатъ только то, что поступили въ монастырь не по идеѣ, а для личныхъ цѣлей; такихъ послушниковъ надо увольнять изъ монастырей; скатертью имъ дорога; попробуй напр. военный офицеръ отказаться отъ командировки во время внутреннихъ безпорядковъ, или врачъ,—во время эпидеміи; ихъ ожидаетъ одинъ исходъ—увольненіе отъ службы, а иногда даже и отдача подъ судъ.—А что моя мысль не противорѣчитъ идеѣ монашества, то это доказывается тѣмъ фактомъ, что во флотѣ всегда служатъ іеромонахи, а не бѣлое духовенство; и если іеромонаху позволительно, по обязанности службы, возвратиться въ міръ (не забудьте, въ міръ морскихъ офицеровъ), то тѣмъ больше это позволительно послушнику, еще не принявшему постриженія.

2) Когда штаты будутъ достаточны, тогда будетъ возможно возстановить и порядокъ богослуженія въ той степени, какъ это было до 1869 года, при прежнихъ причетникахъ; прежде напр. въ Новочеркасской Николаевской Церкви было три священника, два дьякона и шесть причетниковъ,—при каж-

домъ священникѣ по два; они также назывались седмичными, и обязательно посѣщали всѣ службы; въ праздники же, въ воскресные дни, на страстной, и пасхальной седмицѣ приходили на службу всѣ шесть причетниковъ; за этимъ наблюдалъ старшій священникъ; одинъ изъ седмичныхъ причетниковъ въ стихарѣ прислуживалъ въ алтарѣ. Теперешніе же псаломщики, даже въ пасху, буквально стыдятся надѣвать стихарь, вѣроятно боясь, что не будетъ видно крахмальныхъ манжетъ и запонокъ; а въ селахъ въ алтарѣ всегда прислуживаютъ грязные мужики въ дегтярныхъ сапогахъ и порванныхъ свиткахъ и тулупахъ.

Подъ именемъ возстановленія порядка богослуженія нужно разумѣть слѣдующее: На всенощной предначинательный псаломъ слѣдуетъ пѣть въ большемъ размѣрѣ, пока священникъ покадитъ храмъ и народъ; кадитъ нужно не одинъ иконостасъ, а весь храмъ, и при томъ трижды; при началѣ бдѣнія, на поліелеѣ и на 9 пѣснѣ канона стихирѣ на „Господи воззвахъ“, на литіи, стиховнѣ и на хвалитѣхъ, въ особенности въ большіе праздники нужно пѣть, а не читать; необходимо возстановить литію (по Типикону Литія и благословеніе хлѣбовъ составляютъ необходимую принадлежность всенощнаго бдѣнія) и благословеніе хлѣбовъ во всѣ праздничные и воскресные дни; не слѣдуетъ сокращать шестопсалмія послѣ поліелея, ни пропускать воскресныхъ тропарей: „Ангельскій соборъ удивися“ и проч. Необходимо возстановить въ праздники полное пѣніе прмосовъ, а такъ какъ чтеніе тропарей во всѣ праздники почти полагается на 12, то, по крайней мѣрѣ, читать ихъ на 6 въ обоихъ канонахъ; праздничный тропарь, послѣ литіи и на „Богъ Господь“ слѣдуетъ пѣть по три раза; не пропускать антифоновъ, на утренѣ и, по крайней мѣрѣ, по одному изъ трехъ; не пропускать сѣдалей послѣ кафизмъ; въ большіе же праздники не пропускать антифонъ: „отъ юности моя“, какъ не пропускать и антифоновъ на литургіи; не пропускать великихъ вечеренъ съ прокимнами, по воскресеньямъ въ великій постъ; на великопостныхъ вечерняхъ, утреньяхъ, и преждеосвященной литургіи не пропускать стихирѣ на „Господи воззвахъ“, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ; на часахъ въ великій постъ: *Помяни насъ Господи... Владыко... Святый... егда пріидеши во царствіи Твоемъ!* должно пѣть со сладкотпніемъ предъ царскими вратами, и сопровождать пѣніе зем-

ными поклонами; полностью прочитывать великій канонъ въ среду вечеромъ, и акафистъ въ пятницу вечеромъ на пятой недѣлѣ великаго поста; „*Господи силъ съ нами буди*“ на повечеріяхъ, нужно пѣть полностью; а тропари послѣ него: „*Господи аще не быхомъ святыхъ Твоя имѣли молитвенники*“ и проч. нужно пѣть предъ царскими вратами; соблюдать „*паденіе ницъ*“ при перенесеніи Св. Даровъ на преждеосвященной литургіи, и „*поверженіе долу*“ на великихъ повечеріяхъ, при молитвѣ священника „*Владыко многомилостиве*“, возстановить раздаяніе антидора послѣ литургіи, а не высылать на серебряныхъ дискосахъ по цѣлой просфорѣ прихожанамъ—тузамъ, у которыхъ онѣ лежатъ непотребленными на полкахъ шкафовъ до тѣхъ поръ, пока не засохнуть и не заплѣснѣютъ; возстановить коленнопреклоненіе на преждеосвященной литургіи, при пѣніи „*Да исправится молитва моя*“. Начиная же съ Лазарева воскресенья и до пасхи включительно, не слѣдуетъ даже и дерзать думать о сокращеніи, такъ какъ эти дни посвящены исключительно воспоминанію страшныхъ послѣднихъ событій земной жизни Спасителя.

„*Се женихъ грядетъ*“ и „*Чертогъ Твой*“, должно пѣть по три раза. На всѣхъ вечерняхъ, и утреняхъ не слѣдуетъ пропускать стихирь на „*Господи воззвахъ*“, на стиховнѣ и на хвалитѣхъ; прочитывать полностью евангеліе, и вообще исполнять строго по уставу весь дѣсенный матеріалъ страстныхъ службъ, и въ особенности не сокращать антифоновъ и сѣдальновъ на страстяхъ; на утрени великой субботы слѣдуетъ совершать полностью образъ погребенія, и возстановить благословеніе хлѣбовъ, въ концѣ литургіи.

Пасхальное богослуженіе необходимо также возстановить полностью согласно уставу, по крайней мѣрѣ, въ первые три дня пасхи; если уже такъ трудно пѣть тропари канона на 12, то необходимо пѣть ихъ не менѣе какъ на 4; съ ирмосами по дважды и общей катавасіей на амвонѣ; послѣ катавасіи, тропарь „*Христосъ воскресъ!*“ нужно пѣть, хотя бы одинъ разъ; вечерню въ день Сошествія Св. Духа никакъ не должно сокращать, и въ особенности не опускать стихирь на стиховнѣ „*Нынѣ благодать Св. Духа, на всякую плоть изліяся*“ и проч. Эти стихиры поются предъ царскими вратами и посвящены третьему Лицу Пресвятыя Троицы, бого-

служеніе въ честь Котораго совершается „*одинъ разъ въ годъ*“.

Если же уже такъ необходимо сокращать богослуженіе, то можно сократить ектенію объ оглашенныхъ, вмѣстѣ съ повелѣніемъ имъ выйти изъ храма, а на преждеосвященной литургіи ектенію „*о готовящихся къ просвѣщенію*“, которая произносится, начиная со среды 4-й недѣли великаго поста. Если же въ теченіе трехъ первыхъ дней страстной недѣли затруднительно прочитать св. Евангеліе по XIII главу Іоанна включительно, то начинать чтеніе лучше уже съ 6-й недѣли поста, но ни въ какомъ случаѣ не сокращать его, а тѣмъ больше, во время самаго чтенія среди храма, и въ виду молящихся, *не перелистывать листы цѣлыми главами*, какъ это къ сожалѣнію допускается нѣкоторыми священниками.

Если съ мыслию исключенія ектеніи объ оглашенныхъ нѣкоторые литургисты не могутъ согласиться, то позволю себѣ сдѣлать слѣдующее возраженіе. Вѣдь въ настоящее время нѣтъ оглашенныхъ и готовящихся къ просвѣщенію, а слѣдовательно некому и повелѣвать выйти изъ храма, если же соблюдать это установленіе изъ принципа, то значитъ не слѣдуетъ допускать въ храмъ ни евреевъ, ни магометанъ, а тѣмъ больше идолопоклонниковъ, а между прочимъ изъ любопытства многіе евреи и магометане приходятъ въ храмъ и простаиваютъ всю литургію вѣрныхъ; наконецъ эти лица иногда приходятъ въ церковь по обязанности; напр. офицеры-магометане и врачи-евреи, которые еще удержались въ арміи, и согласно приказанію по гарнизону обязаны быть въ церкви въ Рождество, Пасху, на Крещенскомъ парадѣ и во всѣ царскіе дни и на новый годъ. Скажу больше; когда я былъ прикомандированъ къ Военно-Медицинской академіи съ научною цѣлію, то на первый день Пасхи на утрени, въ Исаакіевскомъ Соборѣ, было не только отведено особое мѣсто для послѣдователей Шакъ-ямуни и буддистовъ (Китайское и Японское посольства), но даже я самъ видѣлъ, какъ этимъ лицамъ администраціею Собора были выданы свѣчи, съ которыми они простояли всю свѣтлую утрению и литургію; фактъ этотъ имѣлъ мѣсто въ 1874 году 31 Марта, на первый день св. Пасхи.

А отсюда слѣдуетъ, что ектенія объ оглашенныхъ, и повелѣніе имъ выйти изъ храма совершенно утратили всякое

практическое значеніе, и не только теперь, но даже и тогда, когда наши предки-язычники, по повелѣнію Св. Владиміра, отпѣтались въ Царь-градъ испытывать вѣру и были допущены греками на всѣ православныя службы.

Намъ неизвѣстно, въ какой мѣрѣ будетъ обсуждаться вопросъ о нашемъ богослуженіи на предстоящемъ соборѣ (если онъ состоится), но во всякомъ случаѣ, тотъ уставъ, или же сказать точнѣе, та реформа богослуженія, которая будетъ выработана на соборѣ, или же въ какой нибудь комиссіи изъ духовныхъ лицъ, должна точно исполняться и чтобы у насъ въ церкви все было „*благообразно и по чину*“, и да не падетъ на православныхъ священнослужителей грозный приговоръ пророка: „*Проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ*“.

Къ сказанному необходимо прибавить, чтобы чтеніе разъ навсегда было перенесено съ клироса на средину храма, и по всей Имперіи было введено однообразное пѣніе на 8 гласовъ.

Таковы практическія, по нашему мнѣнію, мѣры къ исправленію недостатковъ нашего богослуженія, прочими мѣрами могутъ служить слѣдующія: 1) Подробное и точное знаніе устава, какъ священниками, такъ и въ особенности, дьяконами и клиромъ. 2) Возстановленіе во всей строгости церковной дисциплины, которую члены клира, въ особенности псаломщики, совершенно игнорируютъ. 3) Исправленіе домашняго образа жизни, и общественнаго поведенія нѣкоторой части духовенства и клира; сюда относятся: карты въ великій постъ, сидѣніе на первой и даже на послѣдней недѣлѣ великаго поста (первые три дня) въ клубахъ за картами вмѣстѣ съ офицерами нѣкоторыхъ полковыхъ священниковъ; преимущественно вдовцовъ; фортепьяно въ неположенное время, скрипки, гитары и танцы, папиросы и сигары на улицахъ и на вокзалахъ; нерѣдко даже открытое употребленіе по постамъ мясной пищи, въ буфетахъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонахъ, на пароходахъ и проч.; очень частыя загородныя гулянья съ барышнями псаломщиковъ (окончившихъ семинарію) въ лѣсъ съ самоварами и гитарами, рыбная ловля и даже охота, то есть пролитіе крови, что возбраняется будущему священнику; наконецъ и самое главное—4) возбужде-

ніе и возстановленіе упавшаго духа церковности въ нашемъ духовенствѣ и клирѣ; такъ напр. теперешніе священики совершенно *стыдятся ходить съ тростями*, составляющими символъ паствырства, а зиму и лѣто ходять съ зонтиками, замѣняющими трости; фактъ этотъ нельзя считать маловажнымъ, такъ какъ онъ указываетъ не на противодѣйствіе, а на совершенное подчиненіе духовенства растлѣвающему духу времени; и если мы стыдимся своего званія, то кто знаетъ, можетъ быть, скоро будемъ стыдиться имени христіанина. Недавно я встрѣтилъ въ Кіевскомъ казначействѣ, получая пенсію, одного старика-протоіерея, дивизіоннаго благочиннаго и Георгіевскаго кавалера, который получалъ пенсію вмѣстѣ со мною; онъ пришелъ съ тростію, и когда я высказалъ ему свое глубочайшее уваженіе, то онъ съ грустью отвѣтилъ, что не только никогда не слышалъ такого мнѣнія отъ свѣтскихъ лицъ, но даже духовенство въ громадномъ большинствѣ упрекаетъ его за *консерватизмъ, отсталость, несовременность, некультурность и анахронизмъ*, причемъ упреки эти всегда сопровождаются злою ироніею.

Такъ какъ эти мѣры составляютъ результатъ нравственнаго воздѣйствія, то я, не будучи компетентнымъ, въ данномъ случаѣ только исчисляю эти мѣры, но не осмѣливаюсь рекомендовать способы для приведенія ихъ въ исполненіе; было бы непростительною дерзостію вторгаться въ область мало знакомую мнѣ.

Какъ бы то ни было, но необходимость, *не говоримъ реформы, но упорядоченія нашего богослуженія* настолько созрѣла, что медлить съ разрѣшеніемъ этого вопроса невозможно; въ противномъ случаѣ въ нашей церковно-общественной жизни могутъ появиться крайне нежелательныя явленія и новыя секты, съ которыми въ будущемъ такъ или иначе, но придется считаться. Необходимость этого упорядоченія проводится во многихъ духовныхъ журналахъ; для примѣра укажемъ на статьи: „*О Богослужебной реформѣ*“, въ № 8 „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1906 годъ; „*Quaedam pia desideria*“, въ №№ 22 и 23 того же журнала за 1907 годъ.

Далѣе: въ хроникѣ епархіальной жизни въ журналѣ *Странникъ* Іюль—Августъ 1911 года, напечатана замѣтка

довольно пространныя, гдѣ прямо сказано, *что намъ нужно не упрощать, но упорядочить наше богослуженіе*; тамъ можно найти такія строки: „Покойный пастырь о. Іоаннъ Кронштадтскій утверждалъ, что онъ воспитался на нашемъ чудномъ и духовно богатомъ богослуженіи; но такъ какъ все богатое и существенное разнообразіе въ этомъ богослуженіи выбро- силн, и по лѣности и по небрежности, а оставили только почти одно постоянное, почти однѣ лишь ектеніи, всѣмъ извѣстныя, то вотъ гдѣ разгадка, почему многіе бѣгутъ отъ нашего богослуженія и вполнѣ довольны сектантскими жал- кими и безсодержательными, безсвязными, малосмысленными и безграмотными стихами—наборомъ умилительныхъ словъ и восклицаній.—Въ Сентябрьской книжкѣ того же журнала Странникъ за 1911 годъ, въ отдѣлѣ Хроника епархіальной жизни, также есть замѣтка, озаглавленная: „Объ упорядоче- ній Богослуженія“. Въ замѣткѣ этой сказано, что въ Геор- гіевской церкви г. Новгорода состоялось собраніе духовен- ства трехъ благочинническихъ округовъ, гдѣ выработаны правила для улучшенія отправленія богослуженія; во главѣ этого улучшенія долженъ стоять самъ настоятель, а псалом- щики должны ему безпрекословно повиноваться. Далѣе на этомъ же съѣздѣ предсѣдатель собранія преосвященный Андроникъ прямо указалъ необходимость пѣть стихиры на „Господи воззвахъ“, по крайней мѣрѣ 6; на стиховнѣ 2, и псаломскій стихъ между ними, чтобы стиховна оправдывала свое названіе, потомъ преосвященный настаивалъ на тща- тельномъ исполненіи канона праздничнаго, составляющаго самую важную часть утренняго богослуженія, и настаивалъ, чтобы тропари каноновъ произносились не менѣе какъ на 6; дальше рекомендуется священнику каноны читать самому, на хвалитѣхъ рекомендуется двѣ первыя стихиры пѣть, и двѣ читать. На возраженіе нѣкоторыхъ членовъ собранія, что удлиненіе церковныхъ службъ можетъ не понравиться прихожанамъ, владыка отвѣтилъ, что этого не можетъ слу- читься, а наоборотъ богомольцамъ несомнѣнно будетъ по душѣ уставность, умиленность, и разнообразная по распѣвамъ подвижность; если и теперь богомольцы не тяготятся про- ставать долгія праздничныя службы, неуставно растяги- ваемыя разными неуставными партесами, и *неумѣстнымъ совершенно чтеніемъ акафистовъ за всенощной*, то вполнѣ можно

ожидать, что удлинёніе службы пѣніемъ глубоко содержа-
тельныхъ и молитвенныхъ стихиръ и назидательнымъ чте-
ніемъ 3—4 лишнихъ тропарей въ канонѣ произведетъ на
молящихся скорѣ пріятное, нежели тягостное впечатлѣніе“.
Замѣтка эта перепечатана въ Странникѣ (Сентябрь 1911 годъ)
изъ Новгородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей.

Съ этимъ мнѣніемъ глубокоуважаемаго архипастыря не-
возможно не согласиться; что же касается акафистовъ, то
въ одномъ большомъ городѣ есть Срѣтенская Церковь, въ
которой находится икона Скорбящей Божіей Матери, и вотъ
въ Храмовой праздникъ Срѣтенія, вмѣсто кафизмъ тамъ чи-
тали (я былъ одинъ разъ) акафистъ Богородицѣ всѣмъ
скорбящимъ радости, но за то величаніе пропѣли одинъ разъ,
праздничный тропарь послѣ благословенія хлѣбовъ, и на
„Богъ Господь“ по одному разу, а праздничный канонъ со-
стоялъ только изъ ирмосовъ по одному разу на каждой пѣ-
снѣ, и по одному тропарю, причемъ послѣ ирмоса третьей
и шестой пѣсенъ, даже не читался тропарь, а дьяконъ про-
износилъ малую ектенію; и это въ храмовой праздникъ!—
Грустно, чтобы не сказать больше.

А если такъ, *если сами духовные журналы ожидаютъ не
реформы, а упрядоченія нашего богослуженія, то значитъ
въ немъ много безпорядковъ*; не будемъ же, подобно
іудеямъ, ожидать новаго Мессіи, Который направитъ ду-
ховно - нравственную и церковно - общественную жизнь, и
Который уничтожитъ непорядки богослуженія (говорю о
временахъ предшествующихъ явленію Іисуса Христа), а сами
постараемся устроить все *благообразно и по чину*, чтобы не
появились у насъ новые штундисты, папиковцы и толстовцы.

Благодареніе Богу, у насъ еще осталась часть интелли-
гентовъ, проникнутыхъ строгою церковностію, и не подходя-
щихъ подъ оцѣнку, описанную мною выше, и потому смѣю
увѣрить духовно просвѣщеннаго читателя, что настоящая
статья не только мои мысли, но мысли многихъ интел-
лигентовъ, солидарныхъ со мною, съ которыми долго я совеща-
вался при составленіи этой статьи, и потому, заканчивая
статью, я отъ лица всѣхъ моихъ единомышленниковъ испра-
шиваю благосклоннаго снисхожденія *не къ моему, а къ на-
шему, хотя и слабому, но общему голосу*, и просимъ всѣхъ,
кого слѣдуетъ, „внять гласу моленія нашего“, прошу вѣрить,

что все написанное здѣсь есть результатъ многолѣтняго наблюденія нѣкогда бывшаго „старообрядца“ и начетчика, а нынѣ покорнаго сына Православной Церкви, глубоко убѣжденнаго въ истинности ея ученія, и ревнующаго о ея благѣ, достоинствѣ, чести и славѣ. Скажу больше, статья эта есть плодъ чувствованій, возбуждаемыхъ во всѣхъ солидарныхъ со мною интеллигентахъ словами псалмопѣвца: „*Ревность по дому Твоему снѣдаетъ меня*“ (точнѣе *снѣдаетъ всѣхъ насъ*).

Докторъ В. Николаевъ.

Критическій обзоръ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ *).

Во всѣхъ религіяхъ можно найти въ тѣхъ или другихъ формахъ ученіе объ откровеніи и пророкахъ. Извѣстныя всѣмъ сивиллы, мантики, полубоги, будды и т. п., пользовавшіеся вездѣ и всегда почетомъ и популярностью въ народѣ, въ сущности представляютъ изъ себя ни что иное, какъ провозвѣстниковъ сверхъестественнаго откровенія. Создавая такой родъ людей, народная религія выражала присущее всѣмъ и каждому стремленіе войти такъ или иначе въ общеніе съ божествомъ. Въ Аравіи этому стремленію обязано возникновеніе сословія такъ называемыхъ „княгиновъ“—прорицателей, которые явились и въ Коранѣ, только подъ другою, болѣе возвышенной формой. Такимъ образомъ, теорія откровенія, принятая Мухаммедомъ, имѣетъ свою исходную точку въ древне-арабской религіи, только развитіе ея совершилось подъ вліяніемъ откровенныхъ религій, хотя и въ искаженной ихъ формѣ.

Ученіе о пророкахъ развивалось у Мухаммеда постепенно. На первыхъ порахъ Мухаммедъ былъ княгиномъ. Затѣмъ онъ увлекся іудейско-христіанскими воззрѣніями на откровеніе и училъ, что пророческое достоинство составляетъ привилегію только потомства Авраама ¹⁾. Наконецъ, мало-по-малу отрѣшился и отъ этихъ воззрѣній, такъ какъ увидѣлъ въ нихъ препятствіе для утвержденія своего пророческаго достоинства, и началъ проповѣдывать, что единственнымъ условіемъ для пророка служить исламъ ²⁾, что пророки яв-

---

*) Окончаніе.—См. „Гол. Ц.“ м. Ноябрь.

¹⁾ Коранъ XXIX, 26; XLV, 15.

²⁾ Коранъ XXI, 92.

лялись между всѣми народами изъ среды ихъ самихъ ¹⁾ и говорили съ ними на ихъ родномъ языкѣ ²⁾).

При такомъ широкомъ взглядѣ на пророчество въ Коранѣ, должно было значительно увеличиться и число пророковъ. Но познанія Мухаммеда были слишкомъ ограниченны и память слишкомъ слаба, такъ что онъ могъ насчитать всѣхъ пророковъ только двадцать восемь, включивъ сюда не только патріарховъ и царей еврейскихъ, но и нѣкоторыхъ лицъ, совсѣмъ не имѣющихъ отношенія къ библейской исторіи и даже совершенно неизвѣстныхъ ни по какимъ документамъ. Всѣ они безразлично называются то посланниками Бога, то пророками.

Мухаммедъ достаточно не зналъ исторіи ни одного пророка, а потому, говоря о разныхъ пророкахъ, онъ всѣхъ ихъ подводитъ подъ одну мѣрку, дѣйствія и слова ихъ передаетъ почти въ однихъ и тѣхъ же чертахъ, дѣлая ихъ по большей части выразителями своихъ собственныхъ воззрѣній и влягая въ ихъ уста свои собственные, по большей части одни и тѣ же выраженія. Ученій и пророчествъ, какія содержатся въ писаніяхъ св. пророковъ іудейскихъ, Коранъ совершенно не знаетъ.

Въ самомъ понятіи о пророкахъ, какъ о сверхъестественныхъ, вдохновенныхъ истолкователяхъ воли Божіей людямъ, вслѣдствіе особаго на то повелѣнія Божія, мухаммеданство не отличается отъ христіанства, у котораго Мухаммедъ заимствовалъ это понятіе, но что касается другихъ чертъ ученія о пророкахъ, то оно значительно разнится отъ христіанскаго богооткровеннаго ученія и тѣмъ ясно свидѣтельствуетъ о своей несостоятельности.

Прежде всего мухаммеданство отлично отъ христіанства учить объ источникѣ вдохновенія пророковъ. Вѣруя въ Бога тріединаго, христіанство исповѣдуетъ, что пророки были вдохновляемы Духомъ Святымъ, третьимъ лицомъ Пресвятой Троицы ³⁾. Мухаммеданство, не признавая троичности лицъ въ Богѣ, учить, что Богъ вдохновляетъ пророковъ

¹⁾ Коранъ X, 48; VII, 33.

²⁾ Коранъ XIV, 4; XIII, 38.

³⁾ I. Корин. — XII, 10—11; Іоан. II, 28; Дѣян. II, 14—21; Ср. VII членъ Символа Вѣры.

при посредствѣ ангела Гаврііла, въ представленіи о которомъ еще самъ Мухаммедъ смѣшалъ два христіанскія понятія: понятіе о Св. Духѣ, третьемъ лицѣ Пресв. Троицы, глаголавшемъ чрезъ пророковъ, и понятіе объ Архангелѣ Гавріілѣ, посылаемомъ иногда Богомъ для возвѣщенія людямъ воли Божіей. Мухаммедъ слышалъ отъ людей, знающихъ писанія, отъ евреевъ, говорившихъ съ Мухаммедомъ о Богѣ словами закона и пророковъ и Евангелія,—слова о духѣ и не понималъ смысла ихъ¹⁾, христіанамъ же смыслъ ихъ вполнѣ извѣстенъ²⁾. Въ словахъ Корана, что духъ святой сообщалъ Мухаммеду откровеніе Божіе, ясно чувствуется, что Мухаммедъ хотѣлъ говорить о себѣ словами, какими указывали на источники своего ученія апостолы и пророки³⁾. Въ словахъ Корана, что ученіе его низведено на сердце Мухаммеда ангеломъ Гавріиломъ, легко усматривается приспособленіе Мухаммеда къ словамъ писанія, гдѣ говорится, что нѣкоторымъ пророкамъ и богоизбраннымъ лицамъ передавалъ откровеніе Божіе ангелъ Гавріілъ⁴⁾. Такимъ образомъ, мухаммеданство существенно отличается отъ христіанства, когда утверждаетъ, что единственнымъ посредникомъ между Богомъ и пророками былъ ангелъ Гавріілъ, который предпочтительно предъ другими ангелами являлся разнымъ пророкамъ. Изъ священныхъ книгъ ветхаго и новаго Завета мы знаемъ, что пророки, вдохновляемые всегда Духомъ Божіимъ, не всегда были вдохновляемы посредствомъ ангеловъ и не всегда именно при посредствѣ ангела Гаврііла. Такъ, христіане знаютъ, что пророки получали вдохновеніе во снѣ или въ видѣніи⁵⁾, посредствомъ символовъ⁶⁾, посредствомъ голоса Божія⁷⁾ и вообще многообразно⁸⁾, смотря по тому, какой способъ вдохновенія былъ болѣе сообразенъ съ обстоятельствами, окружавшими пророка. Поэтому нельзя согласиться съ мухаммеданскимъ ученіемъ, утверждающимъ,

---

¹⁾ I. Коринѣ. 11, 14.

²⁾ I. Коринѣ. 11, 12.

³⁾ 2 Петр. I, 21, Ефес. III, 5; Псал. L, 13; Іезек. XI, 24; XXXVII, 1.

⁴⁾ Дан. IX, 21, 22; VIII, 15—19; Лук. I, II, 19, 23, 26.

⁵⁾ Книга Чисель XII, 6.

⁶⁾ Даниилъ VII, 16; Іезек. XI, II; Исаіа VI, 6; Быт. III, 2 и мн. др.

⁷⁾ Быт. III—IV; Числь XII, 8.

⁸⁾ Евр. I, 1.

что только ангелъ Гавріилъ былъ посылаемъ Богомъ къ пророкамъ съ откровеніемъ имъ божественныхъ вѣщій. Какъ посланникъ, исполнитель воли Божіей, Гавріилъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ ангеловъ и, слѣдовательно, всегда могъ быть замѣненъ другимъ ангеломъ. Предпочтеніе, оказываемое мухаммеданами Гавріилу сравнительно съ другими ангелами, только и можетъ быть объяснено указаннымъ смѣшеніемъ въ головѣ Мухаммеда двухъ понятій—о Духѣ Святомъ и собственно ангелѣ Гавріилѣ, что, очевидно, не можетъ служить доказательствомъ превосходства мухаммеданскаго ученія предъ христіанскимъ.

Далѣе, понятіе о Богѣ — виновникѣ откровенія и пророкахъ—избранникахъ Божіихъ, необходимо требуетъ предполагать, что въ откровеніяхъ своихъ пророкамъ Богъ сообщаетъ только истину, и что эта истина должна быть передана достойнымъ Бога языкомъ, исключаяющимъ всякую умышленную ложь и обманъ, прикрываемые двусмысленными выраженіями. Такъ, мы дѣйствительно, и находимъ въ христіанствѣ, что истинные пророки Божіи говорили только истину и всегда ясно, безъ всякихъ двусмысленныхъ выраженій. Не то мы замѣчаемъ въ мухаммеданствѣ, которое извратило извѣстную намъ изъ Библіи истинную исторію пророковъ и заставило ихъ лгать, говорить загадочно, какъ напр., это видно изъ разсказа о пророкѣ Іовѣ, и прямо умышленно обманывать, какъ это ложно приписано Ап. Павлу и какъ на самомъ дѣлѣ поступалъ Мухаммедъ. Читавшему Коранъ извѣстно, какъ двусмысленно отвѣчалъ Мухаммедъ на предлагаемые ему вопросы, когда не зналъ хорошенько, что нужно было отвѣчать ему. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно говорилъ: „Богъ лучше знаетъ“,—отвѣтъ въ устахъ пророка совершенно неумѣстный ¹⁾.

Кромѣ того, изъ Библіи мы знаемъ, что всѣ истинные пророки Божіи отличались высокимъ нравственнымъ характеромъ, выражавшимся въ совершенномъ ихъ самоотверженіи и безкорыстїи, пламеннѣйшей ревности о славѣ Божіей и счастїи ближнихъ какъ временномъ, такъ и вѣчномъ. Во время своей пророческой дѣятельности пророки какъ бы совершенно забывали о самихъ себѣ и особенно прослави-

¹⁾ Коранъ XVIII, 21—25 и др.

лись своимъ безкорыстіемъ. Никогда лживое слово не выходило изъ устъ пророковъ; никогда не дѣлали они ничего въ угоду своимъ слушателямъ, если это не согласовалось съ ихъ проповѣдью. Истинные пророки Божіи [не боялись никакихъ угрозъ и преслѣдованій со стороны невѣровавшихъ ихъ проповѣди и только силою своего убѣжденія, при содѣйствіи Божіемъ, достигали своей цѣли, не прибѣгая къ насиліямъ.

Сколько мало Мухаммедъ соотвѣтствовалъ въ своей жизни и дѣйствіяхъ высокому пророческому служенію, показываетъ его характеръ, нечистый и мрачный, обнаруживающій рѣзкія черты самыхъ позорныхъ страстей и самыхъ низкихъ пороковъ,—словомъ,—характеръ вовсе не пророческій. Мухаммедъ въ посланничествѣ своемъ, которое выдавалъ за истинно-божественное, имѣлъ цѣлю не славу Божію, а самого себя. Такъ, за проповѣданіе своего Корана онъ именемъ Божіимъ требовалъ любви къ себѣ отъ своихъ соотечественниковъ, любилъ величать себя пророкомъ, апостоломъ Божіимъ и всѣми средствами добивался громкой славы...

Мухаммедъ показывалъ сильную страсть къ преобладанію и корысти. „Они спросятъ тебя о добычѣ; скажи: добыча въ распоряженіи Бога и Его посланника“ ¹⁾. Въ званіи же пророка Мухаммедъ построилъ домъ себѣ въ Мединѣ. И вообще—все онъ обращалъ въ свою пользу и свои частныя выгоды подкрѣплялъ печатію неба: „вы перестали внимать гласу пророковъ, Богъ накажетъ васъ за ваше неповиновеніе“,—говорилъ онъ своимъ не всегда покорливымъ слушателямъ.

Мухаммедъ обнаруживалъ рѣзкія черты фанатизма и безчеловѣчія. Онъ не жалѣлъ опустошать города и веси и нещадно, безжалостно проливалъ кровь человѣческую. По покореніи Мухаммедомъ Мекки силою оружія, а болѣе голодомъ и коварствомъ, вождь корейшитовъ—Абу-Софіанъ, впослѣдствіи тестъ пророка, разъ пришелъ къ нему и сказалъ: „заклинаю тебя Богомъ и родствомъ между нами, скажи мнѣ, ужели дѣйствительно думаешь, что ты милость, ниспосланная намъ отъ Господа? Ибо ты отцовъ нашихъ погубилъ

---

¹⁾ Коранъ VIII, 1.

мечомъ, а дѣтей поморилъ голодомъ“. Жестокость и кровожадность были врождены Мухаммеду, и онъ нисколько почти не старался умѣрять ихъ. Сдѣлавшись чрезъ происки и хитрости предводителемъ толпы суевѣрныхъ фанатиковъ, Мухаммедъ не выпускалъ изъ рукъ своихъ оружія, и послѣднія десять лѣтъ его жизни были, можно сказать, одною непрерывною кровавою бранью. Даже среди жестокихъ мученій, которымъ подвергался предъ своею смертію, онъ мечталъ только о войнѣ. Какъ Мухаммедъ самъ любилъ войну, такъ заповѣдалъ и своимъ послѣдователямъ непримиримую вражду противъ всѣхъ невѣрныхъ, внушая имъ страсть къ ужасамъ опустошенія, кровопролитія и насилія въ самыхъ сильныхъ и энергическихъ стихахъ. Кровавымъ пятномъ на Мухаммедѣ лежатъ его предписанія относительно священной войны и истребленія идолопоклонниковъ. Этого пятна ничѣмъ нельзя смыть съ его памяти.

Мухаммедъ преданъ былъ особенно грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ и не заботился объ ограниченіи своихъ страстей. По словамъ даже своихъ историковъ-панегиристовъ, онъ имѣлъ сильное пристрастіе къ женскому полу — свойство, совершенно недостойное духовнаго законодателя. И до такой степени все болѣе и болѣе разгоралась чувственность Мухаммеда, что онъ для удовлетворенія своего сладострастія не упускалъ ни малѣйшаго случая въ своихъ походахъ и на богомольяхъ вступать въ новыя супружества, нерѣдко родственныя и противозаконныя. Въ то время, какъ Мухаммеду было 50 лѣтъ, онъ имѣлъ одновременно девять женъ, изъ коихъ нѣкоторыя были даже близкія его родственницы. Но что особенно нечестиво,—это то, что Мухаммедъ, въ оправданіе беззаконнаго своего многоженства, кровосмѣсительныхъ браковъ и любострасной жизни, неоднократно объявлялъ своимъ послѣдователямъ, будто бы онъ на все это имѣетъ повелѣніе отъ самого Бога, — и на этомъ основаніи Мухаммедъ разрѣшалъ себѣ въ качествѣ пророка болѣе, чѣмъ другимъ¹⁾. Не грѣшно ли такимъ образомъ играть вдохновеніемъ для своихъ плотскихъ наслажденій?!

---

¹⁾ Мусульманскіе ученые не только не стѣсняются такимъ поведеніемъ своего пророка, но, напротивъ, утверждаютъ, что пророчество столь трудная задача, что Богъ всегда вознаграждаетъ пророка въ любовныхъ на-

Мухаммедъ и самъ чувствовалъ свои недостатки и видѣлъ многіе свои пороки. Потому то во всемъ обнаруживалъ чрезвычайную заботливость о предохраненіи себя отъ порицаній, которыя онъ, по собственному внутреннему сознанию, заслуживалъ за многіе соблазнительные поступки свои.

Все это несомнѣнно показываетъ низкую въ нравственномъ отношеніи личность Мухаммеда и срывааетъ съ него личину пророка, которою онъ такъ недостойно дерзнулъ облечь себя ¹⁾).

Затѣмъ, въ доказательство своего божественнаго посланничества, истинные пророки Божіи творили чудеса ²⁾), которыя, какъ по предмету своему, такъ и по цѣли, всегда были исполнѣ достойны Бога и которыя, по мѣсту, времени и самому способу своего совершенія, исполнѣ отвѣчали понятію о сверхъестественномъ дѣйствіи Божіемъ, направленномъ ко спасенію людей. Чудеса Моисея, Иисуса Навина, Иліи, Елисея, Исаи и др. пророковъ были признаны сверхъестественными дѣйствіями божественнаго всемогущества не только израильскимъ народомъ, на пользу котораго чудеса эти были совершены, но и чужеземными народами, и такимъ образомъ служили неопровержимыми доказательствами божественности вѣры христіанской. Особеннаго вниманія заслуживаютъ чудеса Иисуса Христа, о Которомъ и Коранъ говоритъ, что Онъ былъ посланъ къ людямъ съ разными знаменіями ³⁾), и о чудесахъ Котораго существуетъ много разсказовъ въ мухаммеданскихъ книгахъ. Что же сдѣлало мухаммеданство съ этою чертою христіанскаго ученія о пророкахъ? Сообразно отличительному характеру своей фантазіи, стремящейся все представлять въ чудовищныхъ размѣрахъ, все возводить къ неестественному и подъ вліяніемъ разныхъ чисто человѣче-

---

слажденійхъ, что излишество въ любовныхъ наслажденіяхъ составляетъ такимъ образомъ преимущество пророковъ; при этомъ, безъ всякаго стыда, они добавляютъ, что хотя у Мухаммеда и не было такъ много женъ, какъ, напр., у Соломона, но что пророкъ ихъ не былъ ниже этого царя (М. Машанова—„Мухаммеданскій бракъ“,—Казань, 1876 г. прилож. стр. 6—38).

¹⁾ П. Раева—„Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства“,—стр. 195—197.

²⁾ Коранъ LVII, 25.

³⁾ Коранъ XXI, 91; XXII, 52.

скаго происхожденія источниковъ,—мухаммеданство, съ одной стороны, измыслило много небывалыхъ чудесъ и приписало ихъ пророкамъ, а съ другой—совершенно извратило библейскіе рассказы о чудесахъ древнихъ пророковъ Божіихъ. Вслѣдствіе этого рассказываемыя мухаммеданами чудеса пророковъ являются недостойными божественнаго всемогущества и премудрости и иногда совершенно несогласны съ здравымъ смысломъ. Мухаммеданство какъ бы совершенно умышленно представило пророковъ не чудотворцами, а чародѣями, такъ какъ постоянно заставляетъ невѣрующихъ называть пророковъ волшебниками. Вращаясь въ кругу восточныхъ чувственныхъ представленій объ отношеніяхъ Бога и ангеловъ къ людямъ, мухаммеданство и ангела Гавріила заставляетъ поступать не по ангельски. Являясь постоянно къ пророкамъ, Гавріилъ готовъ всегда исполнить всѣ малѣйшія желанія пророковъ: умерщвляетъ людей, переворачиваетъ землю дномъ вверхъ и при этомъ не даетъ ни одному ребенку выпасть изъ люльки и ни одной каплѣ воды вылиться изъ ея вмѣстилищъ, ѣздитъ верхомъ на кобылицѣ, возитъ Измаила (когда онъ строилъ Каабу) на камнѣ, даетъ безнравственные совѣты, какъ напр., Саррѣ относительно обрѣзанія Агари и Іову относительно желанія родственника его имѣть сына и пр. Вообще, мухаммеданскіе рассказы о чудесахъ пророковъ скорѣе можно считать сказками, способными развлекать неразвитыхъ людей, дѣтей религіи, чѣмъ—священными рассказами, доказывающими божественное посланничество пророковъ. Мухаммеданская фантазія не озаботилась сгладить неестественный тонъ своихъ рассказовъ о мнимыхъ чудесахъ Іисуса Христа и, считая его величайшимъ чудотворцемъ, приписала и Мухаммеду, какъ бы въ противовѣсъ основателю христіанства, безчисленное множество чудесъ. Стремленіе мухаммеданскихъ ученыхъ приписать Мухаммеду какъ можно болѣе чудесъ очень понятно, и въ данномъ случаѣ они поступили совершенно логично, такъ какъ величайшій пророкъ, естественно, долженъ явить міру и чудесъ болѣе другихъ пророковъ. Но только чудеса, рассказываемыя мусульманскими писателями о своемъ пророкѣ, не имѣютъ ни малѣйшаго правдоподобія; они лишены всякаго историческаго значенія и собственно своею нелѣпостію совершенно опровергаютъ себя.

Прежде всего, при разсмотрѣніи подлинности приписываемыхъ Мухаммеду чудесъ, поражаетъ насъ ничѣмъ не примиримое противорѣчіе между собственными словами Мухаммеда и тѣмъ, что ему навязываютъ изъ слѣпой ревности его поклонники. Мухаммедъ никогда не ссыался на чудеса при опроверженіи своихъ противниковъ и, какъ извѣстно, нѣсколько разъ прямо говорилъ, что онъ не имѣетъ дара чудесъ, что онъ не посланъ со властію чудотворца ¹⁾. Какъ же, спрашивается, вопреки собственному отреченію Мухаммеда отъ чудесъ, послѣдователи его приписываютъ ему неисчислимое множество ихъ? Противъ этого послѣдніе говорятъ, что они лучше его знаютъ, сколько онъ совершилъ чудесъ.

Онъ будто такъ окруженъ былъ чудесами и такъ при-смотрѣлся къ нимъ, что какъ бы не замѣчалъ ихъ. Но—очевидно, такое объясненіе странно и нелѣпо до крайности. Далѣе, разсматривая исторически чудеса, приписываемыя мусульманскими историками Мухаммеду, мы видимъ, что они никѣмъ изъ современниковъ не были видимы, никѣмъ не засвидѣтельствованы и объявлены въ свѣтъ спустя цѣлыя столѣтія послѣ смерти мнимаго ихъ виновника. Изъ этого, по справедливости, заключаемъ, что они составляютъ уже позднѣйшій вымыселъ. Что же касается внутренняго достоинства этихъ чудесъ, то и въ этомъ отношеніи они не имѣютъ характера истинныхъ чудесъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены на-ряду съ послѣдними. Чудеса мухаммеданства не имѣютъ, прежде всего, надлежащихъ качествъ истинныхъ чудесъ: каждое чудо, какъ непосредственное дѣйствіе силы Божіей, должно быть всегда достойно Бога; какъ же послѣ этого можно признать за истинныя чудеса нелѣпыя и смѣшныя рассказы арабскихъ писателей, напр., о прохожденіи раздѣленной луны чрезъ рукава Мухаммедова кафтана, объ истеченіи воды изъ промежутковъ пальцевъ Мухаммеда и т. п. Чудеса мухаммеданства не имѣютъ, далѣе, и цѣли истинныхъ, божественныхъ чудесъ. Цѣль послѣднихъ, какъ дѣйствій особенныхъ, сверхъестественныхъ, должна быть также какая либо особенная, благая, которая бы содѣйствовала роду человѣческому и частнымъ

---

¹⁾ Коранъ XXIX, 49 и др.

людямъ въ высокомъ дѣлѣ вѣры и нравственности. Чудеса же, ложно приписываемыя мухаммеданской вѣрѣ ея исповѣдниками, вовсе чужды этой цѣли. И вообще объ этихъ чудесахъ должно сказать, что они не могутъ выдержать и одного какого либо признака истинныхъ чудесъ, а это достаточно показываетъ ихъ ложность и мнимо-божественность ¹⁾.

Другимъ несомнѣннымъ признакомъ божественнаго посланничества истинныхъ пророковъ Божіихъ служили ихъ пророчества, т.-е. предсказанія о будущихъ событіяхъ, возможность происхожденія которыхъ доступна только уму божественному, а не ограниченному человѣческому разуму. По различію времени и окружавшихъ пророковъ разныхъ обстоятельствъ, пророчества ихъ касались разныхъ предметовъ. Прежде всего, всѣ пророки имѣли въ виду ученіе вѣры и нравственности и будущую судьбу этого ученія въ родѣ человѣческомъ. Пророки изъясняли людямъ данный Богомъ законъ и предсказывали людямъ утѣшенія за исполненіе закона и наказаніе за нарушеніе его. Часто пророки касались судьбы израильскаго народа, а также судьбы окружающихъ его язычниковъ. Самымъ же главнымъ предметомъ предсказаній іудейскихъ пророковъ было лицо Мессіи, Господа нашего Іисуса Христа. И новозавѣтный пророкъ, запечатлѣвшій на себѣ предсказанія ветхозавѣтныхъ пророковъ, доказалъ истину своего пророческаго служенія многими предсказаніями о себѣ самомъ, о судьбѣ своихъ учениковъ и своего ученія, о судьбѣ іудеевъ и Іерусалима и о кончинѣ міра. Между тѣмъ въ разсказахъ мухаммеданъ о пророкахъ мы не находимъ многихъ пророчествъ о судьбѣ израильскаго народа и совершенно не видимъ пророчествъ о судьбѣ прочихъ народовъ. Подобный пропускъ составляетъ очень существенный недостатокъ въ представляемой мухаммеданствомъ исторіи божественнаго откровенія, но тѣмъ не менѣе не въ этомъ самое существенное отличіе мухаммеданства отъ христіанства. Существенное отличіе ученія ислама отъ христіанскаго ученія о Божественномъ откровеніи со-

---

¹⁾ П. Раева.—„Признаки истинности христіанства и лживости мухаммеданства“,—стр. 204—206.

стоитъ въ томъ, что главнымъ предметомъ всѣхъ пророчествъ исламъ считаетъ Мухаммеда, а не Иисуса Христа, какъ учить христіанство. Читавшему Коранъ извѣстно, что въ немъ постоянно укоряются іудеи и христіане въ поврежденіи своихъ священныхъ книгъ, которое состояло будто бы въ уничтоженіи находившихся тамъ пророчествъ о Мухаммедѣ, какъ поясняютъ толковники Корана ¹⁾. Въ Коранѣ также говорится прямо, что Мухаммедъ былъ предсказанъ въ священныхъ книгахъ іудеевъ и христіанъ ²⁾ и даже—самимъ Иисусомъ Христомъ ³⁾. По словамъ арабскаго писателя Ахмета Эфендія, рожденіе Мухаммеда и его посланничество въ міръ предвозвѣщено самыми явственными чертами во всѣхъ книгахъ небесныхъ, и въ Библии, и въ Евангеліи. Такъ въ книгѣ Моисеевой читаемъ слова Господни къ Аврааму: „О Измаилѣ же се послушахъ тебѣ: и се благословихъ его, и возвращу его, и умножу его зѣло: дванадесять языки родинъ: и дамъ его въ языкъ велій ⁴⁾. Но ясно, что въ этомъ пророчествѣ нѣтъ и намекъ на рожденіе и посланничество, величіе и славу арабскаго пророка. Тотъ же писатель еще приводитъ слѣдующее мѣсто изъ писанія, какъ пророчество будто о данномъ чрезъ Мухаммеда законѣ: „И рече (Моисей); Господь отъ Синаи пріиде, и явился отъ Сіира намъ, и приспѣ отъ горы Фарани“ и проч. ⁵⁾. По понятію Ахмедъ Эфендія, здѣсь указывается на Библію, врученную Моисею на горѣ Синайской, на Евангеліе, данное на горѣ Сіирской, и Коранъ, ниспосланный при горѣ Фаранской, что близъ Мекки. Но въ приведенныхъ словахъ говорится совершенно не о томъ, что предполагаетъ арабскій историкъ,—говорится не о будущемъ обнародованіи новой вѣры, а, напротивъ, перечисляются событія прошедшаго времени, именно: Моисей, желая привести на память израильтянамъ чудный Промыслъ Божій, которымъ они были водимы и хранимы по выходѣ изъ Египта, въ особенности упоминаетъ о трехъ славныхъ явленіяхъ Божіихъ—на горѣ

¹⁾ Коранъ II, 73. 83—84. 103; W 48; V, 18; IX, 30—33.

²⁾ Коранъ VII, 156; XLVI, 9.

³⁾ Коранъ LXI, 6.

⁴⁾ Быт. XVII, 20.

⁵⁾ Второзак. XXXIII, 2.

Синаѣ, въ гористой странѣ Сіирѣ и въ пустынѣ Фаранѣ ¹⁾, и вообще должно сказать, что слѣпая ревность арабскихъ ученыхъ, писавшихъ о Мухаммедѣ, простирается уже за предѣлы всякой вѣроятности: они относятъ къ нему всѣ пророчества, данныя Богомъ Аврааму о распространеніи его потомства, также большую часть пророчествъ мессіанскихъ и, наконецъ, все то, что въ Новомъ Завѣтѣ говорится о ниспосланіи Духа Святаго.

Какъ нѣтъ въ священннхъ книгахъ ни одного предсказанія, которое бы точно возвѣщало о Мухаммедѣ и его вѣрѣ, такъ равнымъ образомъ и Мухаммедъ съ своей стороны не изрекъ ни одного пророчества, которое бы исполнилось въ свое время. Въ Коранѣ Мухаммедъ самъ выражается о себѣ, какъ о такомъ посланникѣ, которому не было дано знать будущаго. Когда не вѣрующіе проповѣди Мухаммеда возражали противъ божественнаго происхожденія Корана, мнимый пророкъ нашелся сказать только: „Я не говорю вамъ, что у меня сокровища Божіи, ни того, что знаю тайное; не говорю вамъ, что я ангелъ: я слѣдую только тому, что дано мнѣ откровеніемъ“ ²⁾. Если же Мухаммедъ не зналъ будущаго, то онъ не имѣетъ одного изъ самыхъ существенныхъ свойствъ истиннаго пророка ³⁾.

Христіанская церковь учитъ, что для спасенія падшаго человѣка пришелъ въ міръ Господь Іисусъ Христосъ, что безъ него самъ человѣкъ своими собственными силами не могъ бы ни возстать отъ своего грѣховнаго состоянія, ни достигнуть спасенія. Между тѣмъ мухаммеданство, совершенно наоборотъ, утверждаетъ, что человѣкъ самъ можетъ спастись, что для руководства грѣшныхъ людей достаточно однихъ пророковъ. Но такъ какъ всякій человѣкъ, слѣдовательно и пророкъ, во время своей жизни можетъ такъ или иначе падать на пути своего нравственнаго преуспѣянія и согрѣшать малыми или великими грѣхами, то мухаммедане и составили въ своей догматикѣ теорію о томъ, что пророки безгрѣшны, что они или сами устранялись, или самъ Богъ

---

¹⁾ Второзак. 11, 1; Числѣ X, 12.

²⁾ Коранъ — VI, 50.

³⁾ Н. Остроумова. — „Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ“, — стр. 196—218.

предохранялъ ихъ отъ великихъ грѣховъ и гнусныхъ дѣлъ; если же они и не могли въ своей жизни остеречься отъ какихъ либо маловажныхъ ошибокъ, то Богъ прощаетъ имъ таковыя. Ученіе о безгрѣшности пророковъ составляетъ весьма существенный пунктъ мухаммеданской догматики, который противопоставляется христіанскому догмату о гибельности грѣха Адамова для всего человѣческаго рода, вообще, противъ ученія о невозможности спасенія для падшаго человѣка безъ особаго сверхъестественнаго, божественнаго домо-строительства объ этомъ спасеніи (падшаго человѣка), и мухаммедане упорно держатся этого своего ученія, несмотря на очевидную его несостоятельность.

Прежде всего, самое отсутствіе у мухаммеданъ одинаковаго пониманія безгрѣшности пророковъ указываетъ хотя и косвеннымъ образомъ, на произвольность и неосновательность этой теоріи. А затѣмъ и безпристрастный разборъ приводимыхъ ими въ ея защиту основаній говорить далеко не въ пользу ученія о безгрѣшности пророковъ. Такъ, указываемыя мухаммеданами мѣста изъ Корана ¹⁾, какъ мы видѣли, довольно неопредѣленны и общи. Въ нихъ, съ одной стороны, вовсе не упоминается о пророкахъ, съ другой—нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы Богъ устранялъ ихъ или кого бы то ни было отъ великихъ грѣховъ и гнусныхъ дѣлъ; наконецъ, здѣсь идетъ рѣчь вообще о людяхъ вѣрующихъ, надѣющихся на Бога, остерегающихся великихъ грѣховъ и гнусныхъ дѣлъ, и о томъ, что Господь готовъ расширить имъ свое прощеніе. Мало этого. Въ самомъ Коранѣ находится прямое указаніе на то, что нѣкоторые посланники или пророки Божіи поступаютъ несправедливо. Богъ говоритъ пророку Моисею: „брось на землю жезлъ твой“. Когда же онъ увидѣлъ, что онъ извивается, какъ змѣя, то отбѣжалъ назадъ и не оглядывался вспять. „Моисей, не бойся! Посланники при мнѣ ничего не боятся, кромѣ тѣхъ (т.-е. посланниковъ), которые поступаютъ несправедливо“ и пр. ²⁾. Въ Коранѣ же есть свидѣтельство о томъ, что вообще пророки признаютъ себя грѣшными предъ Богомъ и просятъ Бога, чтобы Онъ простилъ имъ грѣхи ихъ, а не просто какія либо неважныя

¹⁾ Коранъ IV, 35; XLII, 34—36; LIII, 33.

²⁾ Коранъ XXVII, 10, 11.

ошибки: „Сколько было пророковъ, съ которыми вступали въ битву тысячи враговъ! но они не изнемогали предъ тѣмъ, что постигло ихъ на пути Божіемъ, не ослабѣвали, не унывали: Богъ любить терпѣливыхъ. У нихъ не было другихъ словъ, кромѣ сихъ словъ: „Господи нашъ! прости намъ грѣхи наши, уклоненія отъ должнаго въ дѣлѣ служенія нашего; утверди стопы наши, защити насъ отъ людей нечестивыхъ“ ¹⁾. Въ Коранѣ даже есть прямое указаніе и на то, что пророки вообще неодинаковы по нравственной своей жизни, что они не безгрѣшны, и одни стоятъ на низшей степени, другіе держатся середины, а третьи опережаютъ другихъ въ добрыхъ дѣлахъ: „мы дали писаніе въ наслѣдіе тѣмъ изъ рабовъ нашихъ, которыхъ избрали (т.-е. избрали въ пророки) мы: изъ нихъ (т.-е. изъ числа избранныхъ, или пророковъ) есть губящіе себя самихъ, изъ нихъ есть держащіеся середины и есть изъ нихъ опережающіе другихъ въ добрыхъ дѣлахъ, по изволенію Божію; это великая щедрота!“ ²⁾.

Наконецъ, есть еще одно отличіе мухаммеданскаго ученія о пророкахъ отъ христіанскаго. Это—происхожденіе пророческихъ писаній. По христіанскому ученію, священныя книги, приписываемыя св. мужамъ Божіимъ, суть произведенія Св. Духа, какъ написанныя пророками по Его вдохновенію. Мухаммеданство учитъ, что свящ. книги пророковъ суть выписки изъ какой то небесной скрижали и всѣ имѣютъ поэтому одинаковое содержаніе по своему существу. Самый способъ происхожденія этихъ книгъ мухаммедане представляютъ въ высшей степени своеобразно. Они заставляютъ ангела Гавріила сообщать пророкамъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, тѣ или другіе отрывки изъ небесной книги, изъ которыхъ и составляется со временемъ цѣлая книга, въ родѣ Закона Моисея, Псалмовъ Давида, Евангелія Іисуса и Корана Мухаммеда. Такое представленіе отнюдь не оправдывается исторіею. Достаточно указать на самое очевидное противорѣчіе этого представленія дѣйствительности во взглядѣ на происхожденіе Евангелія. Мухаммедане не вѣрятъ даже

¹⁾ Коранъ III, 140—141.

²⁾ Коранъ XXXV, 29. Е. Малова.—„Объ Адамѣ по ученію Библии и по ученію Корана“, Казань, 1885 г., стр. 233—235.

и тому, что истинное Евангеліе написано четырьмя учениками Іисуса и существуетъ поэтому въ четырехъ, согласныхъ между собою спискахъ. Ничѣмъ не оправдываютъ мухаммедане своего ученія о свиткахъ, данныхъ будто бы Адаму, Снѣу, Еноху и Аврааму. Въ Коранѣ упоминаются только свитки Авраама и Моисея, а о свиткахъ Адама, Снѣа и Еноха не говорится въ немъ ничего. Какъ мухаммедане объяснять причину, почему эти свитки не сохранились до нашего времени?! Мухаммедане могутъ, конечно, отвѣчать на этотъ вопросъ словами Корана, которыми въ затруднительныхъ обстоятельствахъ пользовался обыкновенно Мухаммедъ: „Богъ знаетъ, что лучше“. Но такой отвѣтъ едва ли можетъ удовлетворить вопрошающаго ¹⁾.

Н. Меркурьевъ.

---

¹⁾ Н. Остроумова.—„Критическій разборъ мухаммед. ученія о пророкахъ“—стр. 231—232.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Плачь на кончину патріарха Іоакима III *).

Прости, Владыко, сокровище вѣры, источникъ любви, носитель огненной ревности, пастырь вселенной! Ты покинулъ насъ, христіанъ всего міра, какъ великій Моисей предъ вступленіемъ своего народа въ Землю Обѣтованную.

Свѣтлый рай принялъ тебя подъ свои священные кущи раньше, чѣмъ Христовъ крестъ возсіалъ на Софіи, раньше, чѣмъ угасло полувѣковое раздѣленіе съ православно-вѣрующими болгарами, раньше, чѣмъ осуществилась твоя молитва и твоя проповѣдь о созваніи вселенскаго собора православныхъ христіанъ.—

---

1) Свят. патр. Іоакимъ III родился въ 1834 г. въ простой греческой семьѣ одного изъ пригородовъ г. Константинополя. 17-ти лѣтъ онъ принялъ званіе діакона. Затѣмъ находился на службѣ въ Валахїи и въ Вѣнѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ университетѣ. Скоро онъ получилъ званіе великаго протосинкелла Константинопольской патріархіи. Въ 1864 г. былъ избранъ на митрополичью кафедру въ Варну, черезъ десять лѣтъ перемѣщенъ на митрополию Тессалоникъ, а 4 Октября 1878 г. единогласно былъ избранъ на вселенскій патріаршій престолъ. По вступленіи на престолъ патріархъ Іоакимъ созвалъ церковно-народное собраніе, предъ которымъ изложилъ программу преобразованій въ церковно-общественной жизни: порядокъ избранія архіереевъ, организація священнаго синода, реорганизація еп. управленія и суда, образованіе особаго двѣнадцатичленнаго народнаго совѣта, упорядоченіе народно-школьнаго дѣла, устройство сѣти духовныхъ школъ, упорядоченіе монастырей и иноческой жизни.

Уже не на дальній Аѳонъ и не на 18 лѣтъ уединился ты отъ своей паствы и отъ руководства вселенскою Церковью, но переселился духомъ на небо и пребудешь тамъ до всеобщаго воскресенія.

Не увижу тебя я на землѣ сей, къ чему стремился уже много лѣтъ! Не на комъ будетъ успокоиться взору христіанина, скорбящаго объ ослабленіи современной жизни церковной и о глубокомъ упадкѣ нравовъ. Тебя нѣтъ среди насъ, великій оплотъ православія! Тебя нѣтъ, и сердца вѣрныхъ погружены въ глубокую печаль. Сокрушенный скорбями и болѣзнями 80-лѣтній старецъ, ты не только былъ сильнѣе всѣхъ своимъ апостольскимъ духомъ, но твое слово или посланіе вливало силу въ душу всякаго, къ кому оно обращалось. Сіяніе Божественной славы блистало на твоємъ челѣ; благодатная сила соединена была съ твоимъ словомъ; твоя молитва, длившаяся непрерывно болѣе половины сутокъ „посредѣ церкви“, одушевляла предстоявшую братію и народъ, и сонъ далеко бѣжалъ отъ ихъ очей, когда они видѣли, какъ твои очи постоянно

Патріархъ пользовался громаднымъ уваженіемъ. Чрезъ его руки прошло много золота, которое жертвовали греческіе банкиры и купцы;—онъ раздавалъ эти деньги благотворительнымъ учрежденіямъ, школамъ, самъ же часто испытывалъ нужду въ удовлетвореніи личныхъ надобностей.

Онъ самоотверженно ограждалъ свободу церкви и внутреннюю независимость народной жизни. Онъ отстаивалъ автономію церкви при Абдуль-Гамидѣ, хотя самъ долженъ былъ уйти въ изгнаніе. 30 Марта 1884 года Іоакимъ III былъ отрѣшенъ отъ вселенскаго престола, но 26 Мая 1901 г. онъ вторично былъ возведенъ на вселенскій престолъ.

На этотъ разъ онъ ознаменовалъ себя самоотверженной борьбой съ масонской и протестантской пропагандой въ патріархатѣ.

Съ провозглашеніемъ въ Турціи конституціи, положеніе патріарха стало крайне труднымъ, такъ какъ новое правительство оказалось болѣе враждебнымъ греческой Церкви, чѣмъ правительство султана, и не разъ возникалъ вопросъ объ отреченіи патріарха Іоакима, который стойко отражалъ покушенія младотурокъ на права греческой Церкви.

наполняются слезами молитвеннаго умиленія.—Такъ пребывалъ ты учителемъ вселенной и на патріаршемъ престолѣ и въ Аѳонской пустынѣ, куда почти чрезъ каждую седмицу приходилъ ты въ качествѣ пѣшаго богомольца на престольные праздники иноческихъ обителей всѣхъ народностей и былъ всѣми встрѣчаемъ съ одинаковымъ восторгомъ, какъ отецъ, учитель и другъ всѣхъ народовъ.

Будучи отцомъ всѣхъ вѣрныхъ человѣковъ, ты теперь будешь нареченъ сыномъ Божиимъ, какъ великій миротворецъ церкви и племенъ. Твоимъ святительскимъ посредствомъ возвращено было церковное общеніе Антиохійской патріархіи съ прочими церквами Востока; твоимъ авторитетомъ была успокоена распря среди іерусалимской іерархіи, возникшая на племенной враждѣ, а послѣдніе два года твоей праведной жизни ты посвятилъ великому дѣлу примѣренія съ Церковью шести-милліоннаго болгарскаго народа и его епископовъ. Поистинѣ ты былъ для православной вселенной вторымъ Моисеемъ, примиряя церкви и народы между собою и всѣхъ примиряя съ Богомъ.—Впрочемъ Архангелу Михаилу не нужно будетъ спорить съ сатаной о твоей праведной душѣ, какъ онъ спорилъ о тѣлѣ Моисея, ибо Моисей воспріялъ смерть до вступленія въ Обѣтованную Землю за то, что однажды прогнѣвалъ Бога малымъ сомнѣніемъ, а тебя отнялъ Богъ отъ вѣрующей вселенной не за твои, а за наши грѣхи, за то, что будучи тепло-хладны, мы, епископы всѣхъ странъ, слишкомъ вяло отзывались на пророческіе призывы въ твоихъ Окружныхъ Посланіяхъ, вмѣсто того, чтобы радостно спѣшить на твой голосъ. Десять лѣтъ почти прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты призывалъ

церкви къ собранію Вселенскаго Собора, но, увы, мы уподобились недостойнымъ гостямъ, званнымъ на евангельскую вечерю! И вотъ заключился чертогъ твоей благодатной души: она перенеслась отъ насъ въ свѣтлый чертогъ небесный. Она тамъ встрѣтитъ болѣе присныя ей души праведныхъ. Она узритъ тамъ умиротворителя церковей Великаго Василия, будетъ бесѣдовать съ изгнанникомъ за правду Аѳанасіемъ Великимъ, утѣшаться слышаніемъ глаголовъ ревности святого Златоуста — *„Блаженъ путь, въ оныя дни идещи душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія“*.

Твой путь блаженъ, но печально пребываніе овецъ, оставшихся безъ пастыря, предъ дверьми церковнаго единенія, предъ освобожденіемъ царствующаго града отъ рукъ невѣрныхъ. Кто соберетъ теперь встрѣтившіеся тамъ народы, *„яко же кокошь собираетъ птенцы своя подъ крыльє своя“* (Мтѣ. 23, 37). Кто удалитъ отъ нихъ распрю о первенствѣ и подобно Спасителю спроситъ ихъ: *„кто болій: возлежай-ли, или служай? не возлежай-ли? Азъ же посреде васъ есмь, яко служай“* (Лук. 22, 27).

Да! осиротѣли православные народы, подошедшіе съ оружіемъ въ рукахъ и съ приговоромъ смерти за вѣру къ столицѣ султановъ! Осиротѣла тѣмъ паче великая народность эллиновъ, которую ты удерживалъ отъ обращенія ея сердца къ древне-языческимъ предкамъ и возносилъ ихъ духъ, ихъ чувство и память къ ихъ отцамъ по вѣрѣ, къ великимъ строителямъ Церкви, къ святымъ апостоламъ и богоноснымъ отцамъ. Осиротѣло и одно древне-русское племя, двѣсти лѣтъ тому назадъ вовлеченное насиліемъ и обманомъ во власть латинской ереси, но въ послѣдніе годы пытающееся

сорвать съ себя ея погибельныя оковы и сдѣлаться твоею богоспасаемою паствою. Ихъ іереи съ греческими антиминсами томятся тамъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ, а бѣдный народъ простираетъ къ священному Востоку свои умоляющія руки, прося православнаго причащенія, православнаго крещенія дѣтямъ и православнаго погребенія умершимъ, въ чемъ имъ отказываютъ мірскія власти, злые мучители, носящіе личину гражданской свободы.

Вотъ сколькихъ сиротъ по разнымъ странамъ міра оставляешь ты, „всемирный отче“, какъ именovala Церковь нѣкоторыхъ святыхъ.—Плачьте же, христіане всего міра! Вы лишились пастыря, который одинъ, изъ немногихъ, носилъ въ душѣ своей тотъ залогъ животворящей силы, коимъ должны бы обладать всѣ: онъ, одинъ изъ немногихъ, болѣе всего во всемъ мірѣ любилъ Христову Церковь, любилъ общее спасеніе; для него трудился, для него жилъ, для него подвизался въ постѣ и молитвѣ, для него терпѣлъ изгнанія, за него терпѣлъ оскорбленія, для него переносилъ *„бѣды отъ единоплеменниковъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣ, бѣды въ пустыни, бѣды на мори, бѣды отъ лжебратіи“* (2 Кор. 11, 26).

Не достало бы намъ словъ, если бы мы пожелали припомнить всѣ черты духа усопшаго святителя, уподоблявшія его святымъ апостоламъ и древнимъ великимъ отцамъ. Іоакимъ Третій не былъ человѣкомъ двадцатаго вѣка: ни эпоха, ни мѣсто рожденія не опредѣлили собою его духовнаго облика. Такіе люди, такіе служители Христа, стоятъ выше и внѣ исторіи и народности: еще на землѣ принадлежатъ они вѣчности, еще во плоти они граждане и отцы вселенной. Во

времена древнія такихъ святителей и монаховъ бывало не мало. Блаженно и наше время, что оно имѣло хотя одного такого избранника. Блаженны очи тѣхъ, которые видѣли его, блаженны уши тѣхъ, которые его слышали!

Соединимъ же, христіане, нашу скорбь съ нашимъ благодареніемъ Богу! Утремъ наши слезы цвѣтами благодарственнаго прославленія вѣрнаго Божія раба! Вознесемъ молитвы, чтобы Господь открылъ его душѣ безпреткновенный путь къ Своему престолу, дабы и онъ повергъ предъ Нимъ свое ходатайство о благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей!

А мы здѣсь, оставшіеся на землѣ предводители церковнаго воинства, оплакавъ потерю патріарха Іоакима Третьяго, скажемъ себѣ и Богу то, что сказали іудеи, потерявъ третьяго полководца Маккавея-Іонаана: *„теперь нѣтъ у насъ начальника и поборника; итакъ, будемъ теперь воевать противъ нихъ (безбожниковъ) и истребимъ изъ среды людей память ихъ* (І Макк. 12, 53). Такъ и мы: станемъ за святую Церковь Христову, за вселенское единеніе, за чистоту нравовъ, за охраненіе священныхъ каноновъ, на борьбу съ невѣріемъ, съ ересями, съ язычествомъ, древнимъ и новымъ! Станемъ за великіе завѣты Іоакима Третьяго, во славу Божію и за упокой его праведной души.

Антоній. архіепископъ Волынскій.

Митрополить Платонъ.

(1812—1912).

Въ 1737 г. 29 Іюня, въ селѣ Чашниковѣ (въ 40 в. отъ Москвы) у бѣднаго причетника, Егора Данилова, родился сынъ, названный Петромъ; этому то младенцу, рожденному въ убожествѣ, въ нищетѣ, выпала доля быть великимъ іерархомъ. „Ни знатность мѣста, ни знатность происхожденія не предвѣщали славы и величія Петру“...

Причетникъ Егоръ Даниловъ¹⁾, и его жена, Татьяна Ивановна²⁾, люди честные, богобоязненные, очень были обрадованы рожденіемъ Петра.

Какъ только минуло мальчику Петру пять лѣтъ, отецъ сталъ учить его грамотѣ: по азбукѣ, часослову и по псалтири. И восьми лѣтъ Петя не только читалъ въ церкви часы, но и помогалъ отцу пѣть на клиросъ; голосъ у него былъ хорошій, звонкій; онъ зналъ наизусть пѣніе Божественной Литургіи и другихъ церковныхъ службъ. Нравомъ отрокъ былъ кротокъ, тихъ, ко веѣмъ услужливъ, за что его любили не только родные и близкіе, но и посторонніе.

Когда минуло Петру десять лѣтъ, отецъ, въ то время уже священникъ въ селѣ Липицахъ³⁾, отвезъ его въ Москву учиться, вмѣстѣ съ другимъ своимъ сыномъ, Александромъ⁴⁾, въ Славяно-Греко-Латинскую Академію, помѣщавшуюся въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Долго и настойчиво пришлось хлопотать незамѣтному сельскому священнику, чтобы, въ концѣ концовъ, приняли его сыновей въ Академію.

---

1) Отецъ святителя Платона скончался будучи священникомъ при церкви Спаса во Спасской, гдѣ и похороненъ, а 2) мать его умерла въ 1771 г. отъ свирѣпствовавшей въ то время язвы и погребена въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ.

3) Коломенской епархіи.

4) Впослѣдствіи протопопъ Успенскаго собора въ Москвѣ, скончался въ 1798 г.

Во время своего образованія въ Академіи Петръ и Александръ стали носить фамилію Левшиныхъ. Нечего и говорить, что отецъ не могъ присылать имъ достаточныхъ средствъ и братья Левшины сильно голодали... Въ лѣтнее и весеннее время Петръ ходилъ въ Академію босой, неся обувь въ рукахъ, чтобы не истаптывать ея и обувался лишь при самомъ входѣ въ Академію. Будучи отъ природы надѣленъ блестящей способностью Петръ Левшинъ въ двѣ недѣли близко узналъ латинскій языкъ, также удивительно быстро подвинулся онъ и въ другихъ наукахъ... Но бѣдность и тутъ давала себя знать: часто ему не на что было купить даже учебника, и приходилось чуть не со слезами выпрашивать книгу у товарищей.

Постановка дѣла въ Академіи, какъ и способы преподаванія въ то время были самыми примитивными и всю тяжесть наукъ больше приходилось выносить на своихъ плечахъ самимъ ученикамъ, безъ помощи преподавателей.

Сообщимъ еще трогательный примѣръ, характеризующій неудержимое стремленіе Петра Левшина къ свѣту. Такъ ему нужна была греческая грамматика, а купить ее не на что. И вотъ онъ, выпросивъ грамматику на время у товарища, безъ разгибу сидитъ нѣсколько дней и ночей, пока не переписалъ ее всю отъ строчки до строчки... Впослѣдствіи Петръ Левшинъ сдѣлался учителемъ греческаго языка въ Академіи; языкъ этотъ онъ любилъ и изучилъ его въ совершенствѣ. Уже будучи митрополитомъ онъ часто уединялся въ свою любимую пустыньку—Виванію и здѣсь самъ служилъ и пѣлъ на клиросѣ по-гречески.

Параллельно съ изученіемъ академическихъ наукъ у Петра развивалась и любовь къ чтенію. Но постановка библиотечнаго дѣла въ Академіи тогда была совсѣмъ уже плоха и представляла собой нѣсколько десятковъ кое-какихъ книгъ. Быстро перечитавъ ихъ, Петръ сталъ выпрашивать для чтенія книги у товарищей и знакомыхъ... Еще слѣдуетъ отмѣтить интересную особенность характера будущаго іерарха. Будучи человѣкомъ въ высшей степени религіознымъ, онъ, въ то же время, считался въ товарищескихъ кружкахъ однимъ изъ веселыхъ и умныхъ собесѣдниковъ.

...„Съ остроуміемъ словоохотенъ, съ чистосердечіемъ пріѣтливъ и съ добродушіемъ услужливъ, такъ что всѣ,

знавшіе его, любили и всѣ любившіе находили удовольствіе видѣть и слышать миловиднаго и сладкорѣчиваго Петра, который привлекалъ къ себѣ умомъ, ученостью и непорочностью нравовъ, живоотпечатанныхъ на его красивомъ и свѣжемъ лицѣ, зеркалѣ свѣтлой и возвышенной его души...

...Петръ возрасталъ и тѣломъ и духомъ, всегда отвращалъ свой цѣломудренный слухъ отъ позорищъ и гульбищъ. Склонный къ духовному, онъ чуждался всего мірскаго и свѣтскаго — даже отказался вступить въ открытый тогда въ 1755 г. по близости Духовной Академіи—Московскій университетъ, куда былъ назначенъ въ студенты съ другими академистами¹⁾.

По окончаніи курса, двадцати лѣтъ отъ роду, какъ уже упомянуто нами было нѣсколько ранѣе, онъ занялъ въ своей Академіи учительское мѣсто съ жалованьемъ въ 170 р. въ годъ; преподавалъ онъ „пінтику“ и греческій языкъ и почти первый блеснулъ здѣсь большими педагогическими способностями, недостаточность которыхъ въ Академіи Петръ испыталъ на себѣ самомъ.

Въ Академіи почти со дня ея основанія заведено было въ каждый воскресный день до поздней обѣдни въ академическихъ аудиторіяхъ читать и пояснять желающимъ катехизисъ и др. священныя книги.

И вотъ, когда на этомъ полезномъ поприщѣ, поручено было выступать и Левшину, онъ скоро заставилъ слушать себя всю Москву—такъ вдохновенны и сильны были проповѣди молодого педагога. Къ кафедрѣ его матери приводили своихъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы они слушали и запоминали; съѣзжалась, въ цугомъ запряженныхъ каретахъ, знать и сановники, въ блестящихъ мундирахъ и напудренныхъ парикахъ; приходили и бѣдняки, голодные и оборванные... Имя проповѣдника гремѣло... Всѣ одинаково съ восторгомъ слушали его и называли „вторымъ златоустомъ“.

Одно время недруги Левшина, раздраженные его блестящимъ проповѣдничествомъ, стали подкапываться подъ него и утверждать, что онъ проповѣдуетъ не согласно духу православія; но эта жалкая клевета была построена на такихъ

---

¹⁾ Ив. Снегиревъ—„Жизнь Московскаго митрополита Платона“.

шаткихъ и нелѣпыхъ основаніяхъ, что умерла почти не рѣдившись.

Слава проповѣдника проникала всюду... И скоро Архимандритъ Троицкой Лавры, придворный проповѣдникъ и членъ Св. Синода, Гедeonъ Кривовскій, пригласилъ Петра Левшина въ Троицкую семинарію¹⁾ учителемъ риторикъ, а вслѣдъ за тѣмъ полученъ былъ указъ Святѣйшаго Синода, который утверждалъ Левшина „наставникомъ витѣйства“.

Въ 1758 г. Петръ Левшинъ простился съ Москвою и переселился въ Лавру.

Первое время онъ очень скучалъ о покинутой имъ Академіи, но мало-по-малу привыкъ и даже такъ сроднился съ обителемъ св. Сергія, „что по самую смерть не было для него милѣе и любезнѣе во всемъ свѣтѣ мѣста, паче Лавры“.

Архимандритъ Гедeonъ, находившійся въ Петербургѣ, прислалъ указъ о постриженіи Петра Левшина въ монашество. Монашество принято имъ было съ духовной радостью; его завѣтныя, давно лелѣяныя мечты сбылись, онъ—монахъ...

На 21 году отъ рожденія, наканунѣ праздника Успенія Пресв. Богородицы, въ 1758 г., Петръ Левшинъ принимаетъ иноческій санъ съ именемъ Платона. Чинъ постриженія совершалъ намѣстникъ Лавры Гавріиль²⁾.

Въ этомъ же году онъ былъ посвященъ въ іеродіакона въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Тимоѣемъ.

Архимандритъ Гедeonъ, извѣстный проповѣдникъ, имѣвшій большое вліяніе при дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны, къ тому времени прибывшій изъ Петербурга, сошелся съ Платономъ, полюбилъ его и звалъ съ собою въ Петербургъ, говоря, что онъ тамъ найдетъ для себя большое поприще. Но къ его удивленію молодой іеродіаконъ смиренно уклонился отъ такого лестнаго предложенія и только послѣ настойчивыхъ требованій Гедeона рѣшился ѣхать въ Петербургъ, „гдѣ послѣ Биронова самовластія водворилось отрадное спокойствіе, среди коего свободнѣе стали биться русскія сердца подъ кроткимъ правленіемъ дщери Петровой“.

---

1) Основана была въ 1742 г. и подчинена Троицкому Архимандриту.

2) Впослѣдствіи митрополитъ С.-Петербургскій

Въ Петербургѣ личность Платона, дѣйствительно, быстро стала замѣтной. Многіе вельможи Елизаветинскаго царствованія—гр. А. Г. Разумовскій, И. И. Шуваловъ и др.—приблизили къ себѣ молодого талантливаго монаха; а также и первоприсутствующій членъ Святѣйш. Синода—Димитрій Сѣменовъ и др. іерархи...

20-го Іюля 1759 г. Епископъ Рязанскій, Палладій, рукоположилъ Платона въ іеромонахи, въ Крестовой церкви Троицкаго подворья; тогда же онъ получилъ и назначеніе быть префектомъ Троицкой Семинаріи и учителемъ философіи.

Въ 1761 г. іеромонахъ Платонъ назначенъ былъ намѣстникомъ Лавры и ректоромъ семинаріи.

Императрица Екатерина, по вступленіи на престолъ (въ 1762 г.), послѣ коронованія въ Москвѣ посѣтила Сергіеву Лавру. Ей устроена была торжественная встрѣча: иноки и священнослужители во главѣ съ намѣстникомъ Платономъ, въ блестящихъ облаченіяхъ, и юноши-семинаристы въ бѣлыхъ одеждахъ съ вѣнками изъ цвѣтовъ на головахъ и съ пальмами въ рукахъ, встрѣтили русскую царицу; весь путь ея устьянъ былъ цвѣтами. „При этомъ случаѣ въ мирныхъ стѣнахъ Лавры днемъ раздавались колокольный звонъ и пушечный громъ, вечеромъ онѣ (стѣны) освѣщались искусственными огнями“.

При посѣщеніи Государынею семинаріи Платонъ встрѣтилъ ее торжественнымъ словомъ, а семинаристы—стихами и одами.

Екатерина, между прочимъ, спросила у Платона, почему онъ избралъ монашескую жизнь.

— По особой любви къ просвѣщенію, ваше величество,—почтительно отвѣтилъ Платонъ.

— Да развѣ нельзя въ мірской жизни заботиться о своемъ просвѣщеніи?—возразила Государыня.

— Возможно, ваше величество, но не столь удобно, имѣя жену и дѣтей и разныя суеты мірскія, сколько въ монашеской жизни, гдѣ я по своему свободенъ.

Императрица изъявила свое благоволеніе Платону и пожаловала всѣмъ учителямъ семинаріи крупныя денежныя вознагражденія.

Въ 1763 г. указомъ Императрицы Платонъ назначался преподавателемъ Закона Божія наслѣднику престола—Павлу Петровичу.

И вотъ „юный монахъ въ новомъ кругу, неизвѣстномъ ему во многихъ отношеніяхъ и противоположномъ монастырскому и школьному, при блистательномъ дворѣ Екатерины II, соединившемъ въ себѣ роскошь азіатскую съ образованностію европейскою, умъ съ любезностію, старину съ новизною, отечественное съ иностраннымъ“ (Ив. Снегиревъ)..

Въ Петербургѣ молодой іеромонахъ Платонъ, и на этотъ разъ, быстро привлекъ къ себѣ вниманіе разнузданнаго высшаго свѣта того времени, своими обличительными проповѣдями. Даже сама Императрица такъ отзывалась о его проповѣдяхъ:

— „Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ; хочетъ чтобы плакали—мы плачемъ“...

Но истиннымъ шедевромъ его ораторскаго искусства была рѣчь въ Петропавловскомъ соборѣ по случаю побѣды русскаго флота надъ турками при Чесмѣ, въ 1770 г., и обращенная къ Петру В.,—основателю флота,—у его гробницы.

Эту рѣчь, переведенную на французскій языкъ, Императрица послала въ Парижъ, къ знаменитому мыслителю Вольтеру; и тотъ такъ отозвался объ ней: „сія рѣчь, обращенная къ основателю Петербурга и вашихъ орловъ, есть, по моему мнѣнію, знаменитѣйшій въ свѣтѣ памятникъ; я думаю, что никогда и ни одинъ ораторъ не имѣлъ столь счастливаго предмета къ основанію своего слова, не исключая и греческаго Платона“.

Дворъ Екатерины, увлекавшейся западными философами и энциклопедистами, часто посѣщался тѣмъ и Платону не разъ приходилось спорить съ ними. Напримѣръ съ Дидро.

Въ 1766 г. по Высочайшему повелѣнію іеромонахъ Платонъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита Троицкой Лавры, на мѣсто умершаго Лаврентія; не смотря на это ученіе великаго князя продолжалось своимъ порядкомъ, и Платонъ оставался въ Петербургѣ, возведенный также въ званіе члена Св. Синода.

Въ 1770 г. онъ ужъ нареченъ Архіепископомъ Тверскимъ, съ оставленіемъ архимандритомъ Сергіевоі Лавры. Въ то время ему было всего лишь 33 года...

И, наконецъ, въ 1775 году, Императрица проѣздомъ въ Москву заѣхала въ Тверь и вручила Платону два указа. Однимъ изъ нихъ Платонъ переводился изъ Твери въ

Москву, оставшуюся безъ архипастыря, послѣ трагической смерти архіепископа Амвросія, убитаго чернью во время чумы въ 1771 г.; другимъ—повелѣвалось выдать ему изъ казны 5000 рублей; въ то же время Потемкинъ, искренній другъ Платона, вручилъ ему, отъ имени Государыни, драгоценную панагію.

Но нельзя сказать, чтобы это новое, почетное назначеніе обрадовало скромнаго архіепископа. Сложныя обязанности, обширная епархія, видный постъ—все это пугало Платона и онъ пробовалъ даже отказываться отъ назначенія, но Императрица прислала это прошеніе его обратно съ краткой резолюціей: „держусь моего указа“.

Такъ, сама судьба выдвигала исключительныя дарованія Платона.

* * *

Платонъ—архіепископъ Московскій и Калужскій и священно-архимандритъ Троице-Сергіевой Лавры.

Пастырское управленіе Платономъ Московскою епархіей составляетъ свѣтлыя страницы въ исторіи Русской Церкви.

Много труда положилъ онъ на пользу дѣлъ Московской епархіи и немного прошло времени, какъ послѣдняя стала неузнаваема: священническія и діаконскія мѣста были заняты людьми достойными, образованными; издано множество распоряженій, касавшихся нравственнаго улучшенія духовенства и его быта; широко дотолъ распространенное въ духовенствѣ мздоимство было въ корнѣ уничтожено.

Много потрудился Платонъ для приведенія духовной Академіи и семинаріи въ цвѣтущее состояніе; по его мысли открыто было нѣсколько духовныхъ училищъ.

Подъ руководствомъ святителя Платона воспиталось не мало образованныхъ ученыхъ монаховъ — „Платониковъ“; многіе изъ нихъ впослѣдствіи заняли высшіе іерархическія мѣста въ русской Церкви.

Платонъ самъ любилъ истовыя, благоговѣйныя богослуженія и настоятельно требовалъ этого же отъ духовенства. Скороговорочныя, съ громадными пропусками службы онъ искоренялъ энергичной рукой.

Въ сжатомъ біографическомъ очеркѣ нельзя исчислить всего, что сдѣлано было для Церкви московской іерархомъ Платономъ.

Онъ пользовался огромной любовью и глубокимъ уваженіемъ не только среди народа и духовенства, называвшихъ его „своимъ отцомъ“ но и среди сановниковъ и ученыхъ. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ Европѣ; многія европейскія знаменитости пріѣзжали въ Россію съ исключительной цѣлью увидать и поговорить съ Платономъ. Такъ въ 1770 г. Москву посѣтилъ Императоръ Іосифъ II. По пріѣздѣ Іосифа въ Петербургъ Императрица Екатерина спросила его, что онъ нашелъ въ Москвѣ достопримѣчательнаго.

— „Платона!“—лаконически отвѣтилъ ей Императоръ.

Но не всѣ однако безстрастно преклонялись передъ рѣдкимъ геніемъ великаго іерарха.

Было у него и много завистниковъ. Въ томъ числѣ духовникъ Государыни протоіерей Памфиловъ, очень вліятельная личность. Онъ всячески вліялъ на Государыню, расхваливая ее къ Платону и эти старанія его не оказались безрезультатными. Платонъ долгое время не получалъ сана митрополита и правилъ митрополіей будучи архіепископомъ. Да и отношенія между нимъ и Императрицей замѣтно испортились. Это заставило его отказаться отъ званія члена Синода; онъ сталъ даже думать о своемъ увольненіи на покой...

Подобныя непріятности плохо отзывались на его самочувствіи и энергіи. Теперь въ немъ вновь проснулась душа человѣка, родившагося въ деревнѣ, среди рѣдкихъ красотъ природы; блестящее положеніе, великая одежда, не могли укрыть окончательно этихъ чувствъ. Его вновь потянуло въ лѣсъ, къ рѣкамъ и долинамъ...

Тогда онъ нашелъ мѣсто, въ трехъ верстахъ отъ Лавры, которое „на красивомъ положеніи и при обиліи водъ, особливо нравилось“¹⁾ и въ 1783 г. положилъ здѣсь начало Спасо-Віпчанскому монастырю. Этому монастырю суждено было оказаться въ роли регулятора душевныхъ настроеній его основателя-іерарха. Онъ спѣшилъ сюда въ тѣ минуты, когда жажда уединенія, тишины и лѣсной природы чувствовалась наиболѣе остро.

Наконецъ, въ 1787 г. Императрица неожиданно наградила Платона саномъ митрополита и пожаловала ему на бѣлый клобукъ брилліантовый крестъ.

---

¹⁾ Выраженіе изъ автобіографіи митр. Платона.

Но это только еще болѣе вооружило его противниковъ и, изнемогаемый въ борьбѣ съ ними, онъ въ 1792 г. подалъ прошеніе объ увольненіи его на покой по болѣзни. Императрица прямое увольненіе его отклонила, но разрѣшила, сдавъ всѣ дѣла по епархіи викарію, самому ему жить въ Лаврѣ, „сколько разсудитъ“.

Однако это не удовлетворило митрополита Платона. Встрѣчая теперь почти на каждомъ шагѣ препятствія своимъ полезнымъ начинаніямъ, онъ искренно желалъ кончить эту недостойную борьбу и жить безвыѣздно въ любимой Вишеніи.

...„Развязка (т.-е. резолюція Государыни, *прим. авт.*) не совершенна, — пишетъ митрополитъ Платонъ, ¹⁾, — не однѣ немощи тѣлесныя препятствуютъ мнѣ продолжать управленіе, но самое правленіе рождаетъ во мнѣ скуку и тоску“...

Это печальное доказательство полного банкротства души и энергіи такого сильнаго человѣка, какъ Платонъ, удачнаго оппонента знаменитой атеистической философіи того времени, лишній разъ рисуетъ намъ силу ненависти и зависти, вообще отрицательныхъ чертъ людей,

Но вотъ въ 1796 г., 5 Ноября, умираетъ Императрица Екатерина и на престолъ вступаетъ сынъ ея, Павелъ I, выученикъ Платона; 10-го марта 1797 года назначается въ Москвѣ его коронованіе.

Не смотря на свою болѣзнь, митрополитъ Платонъ ѣдетъ въ Москву привѣтствовать своего царственнаго ученика и Государь, на особомъ приѣмѣ его во дворцѣ, надѣваетъ на іерарха высшій орденъ св. Андрея Первозваннаго. Послѣ коронаціонныхъ торжествъ Императоръ, по примѣру своихъ предковъ, посѣтилъ Сергіеву Лавру и былъ очень разстроганъ тѣмъ, что Платонъ встрѣтилъ его въ убогой ризѣ препод. Сергія и съ его посохомъ въ рукахъ. „Эта встрѣча напомнила ему древнюю простоту и благочестіе, въ убожествѣ, великаго смиреніемъ, мужа. Государь облобызалъ его ветхую одежду, орошенную потомъ труда и слезами молитвы“.

На другой день Государь рѣшилъ посѣтить Вишенію и тамъ обѣдать. И когда смиренный митрополитъ заявилъ, что

¹⁾ Письмо его къ архіеп. Казанскому Амвросію Подобѣдову въ 1792 г.

Виѣанія—скудна постройками и нѣтъ покой, достойныхъ царскаго посѣщенія, Павелъ отвѣтилъ—„хотя бы въ уголокъ, но тамъ будемъ обѣдать“.

И, дѣйствительно, на другой день Павелъ пріѣхалъ въ Виѣанію, осматривалъ ея храмы и даже рѣшилъ устроить у себя во дворцѣ церковь, по примѣру домашней церкви митрополита.

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія Павелъ I утвердилъ Виѣанію второкласснымъ монастыремъ. Въ память всѣхъ этихъ событій въ Виѣаніи былъ установленъ, около покоевъ Платона памятникъ съ соотвѣтствующими оригинальными надписями. Памятникъ сохранился и до сихъ поръ.

Однако, по возвращеніи Павла въ Сергіеву Лавру изъ Виѣаніи, митрополитъ вновь воспользовался случаемъ и подалъ ему прошеніе объ увольненіи своемъ на покой; хотя очень возможно, что этимъ рѣшительнымъ шагомъ онъ хотѣлъ выяснить свое неопредѣленное положеніе въ ту или другую сторону. Но Павелъ не только не принялъ прошенія, но даже пригласилъ Платона пріѣхать въ праздникъ Преполовенія въ Москву и вообще высказалъ ему всѣ знаки своего благоволенія.

Но когда же Платонъ пріѣхалъ, согласно приглашенію, въ Москву, то Императоръ, извѣстный въ исторіи, какъ, въ высшей степени, неуравновѣшанный и впечатлительный человѣкъ, митрополита не принялъ, хотя и выслалъ ему пожалованные брилліантовые знаки ордена Андрея Первозваннаго, а отъ Государыни золотой наперстный крестъ съ брилліантами. Платонъ понялъ, что недруги его воспользовались особыми свойствами характера Императора, и возстановили Павла противъ него.

Такъ, въ непрестанныхъ интригахъ, и болѣзняхъ вслѣдствіе ихъ, и протекала вторая эра жизни, московскаго іерарха, достойнаго лучшей участи по своей блестящей дѣятельности.

Однако вовсе не слѣдуетъ думать, что Платонъ былъ побѣжденъ своими недругами; дѣло въ томъ, что святитель просто не боролся съ ними, чуждый всякихъ интригующихъ выступленій и нащептываній.

Передъ нимъ были двѣ перспективы—или добросовѣстно и дѣятельно управлять епархіей, или тратить всю свою

энергію на борьбу съ интригами. И благородный характеръ іерарха выбралъ первое. Вотъ исторія его опалы,

Но вотъ въ мартѣ 1801 года трагически скончался Императоръ Павелъ I. На его мѣсто вступаетъ Императоръ Александръ Павловичъ. Онъ, вмѣстѣ съ Государынѣй послѣ своей коронаціи въ Москвѣ, тоже посѣщаетъ Лавру и Виѣанію. Императрица Марія Ѣеодоровна въ знакъ особаго своего благоволенія къ митрополиту, жалуетъ ему полное архіерейское облаченіе, дорогую панагію, и свой портретъ, украшенный брилліантами.

Платонъ, на короткое время, снова подымаетъ голову, работаетъ съ прежней энергіей, но удушливый кашель и сильныя боли отъ почечныхъ камней подрываетъ его энергію и, совершенно уже больной, онъ возвращается въ Виѣанію.

Такъ постепенно, годъ съ годомъ, угасая Платонъ дожилъ до рокового 1812 года, когда Императоръ французовъ, вторгся въ предѣлы Россіи и, шумя оружіемъ, шелъ на Москву. И съ каждымъ днемъ Москвой овладѣвало все большее и большее уныніе, и даже находчивый ген.-губернаторъ Москвы, гр. Растопчинъ, своими афишками, не могъ поднять духъ москвичей, предчувствующихъ скорый разгромъ своихъ гнѣздъ.

На Троицкомъ митрополичьемъ подворьѣ необычайное движеніе, суета. Экономъ подворья, монахи, слуги—все удивлены неожиданнымъ пріѣздомъ изъ Виѣаніи въ Москву своего престарѣлаго и больного іерарха—митрополита Платона, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ онъ въ такое время, когда Москва почти совсѣмъ опустѣла, жители ее покинули, и со дня на день ожидалось вступленіе въ осиротѣвшую столицу гордаго императора французовъ—Наполеона I-го.

Здѣсь надѣялся императоръ найти массу провіанта, теплыя квартиры и раболѣпствующихъ передъ нимъ москвичей. Но, на этотъ разъ, завоевателю Европы пришлось жестоко разочароваться. Въ Москвѣ, въ этомъ всегда веселомъ и шумномъ городѣ, теперь—жуткомъ и безмолвующемъ, притаившись, давно и нетерпѣливо поджидала смерть его армію...

...Пріѣхалъ въ Москву Платонъ въ то время, когда въ ста верстахъ отъ нея, на памятныхъ поляхъ Бородина произошло первое жестокое столкновеніе двухъ армій—французской и

русской, унесшее сто тысячъ жертвъ съ обѣихъ сторонъ. Съ этимъ боемъ рѣшена была участь Москвы—Кутузовъ рѣшилъ отдать ее непріятелю... И больной святитель, пораженный такимъ рѣшеніемъ, живо собрался и пріѣхалъ, чтобы въ послѣдній разъ увидѣть дорогую ему Москву и благословить ея предстоящія страданія въ плѣну чужеземцевъ.

— Ну и чудеса—всѣ изъ Москвы, а нашъ владыка—въ Москву!—удивлялся эконому подворья.

Озадачилъ и нѣсколько пріободрилъ слухъ о пріѣздѣ митрополита московскаго и горемычныхъ москвичей.

— Если владыка въ Москву прибылъ,—разсуждали они,—то, стало быть, опасность еще не такъ велика...

А москвичи ужъ готовились къ битвѣ, подъ стѣнами Москвы, которую обѣщаль дать графъ Растопчинъ; для этого они должны были идти съ крестнымъ ходомъ на „Три горы“.

„Москва, или—смерть!“—Вотъ всеобщій лозунгъ тогдашнихъ москвичей.

„Разнесся слухъ, что и самъ Платонъ явился на Три горы или на Поклонную гору за Дорогомиловской заставой благословить русское воинство къ рѣшительному сраженію съ непріателемъ,—и что русскіе искупятъ Москву своею кровію или за нее положить головы. Можетъ статья такая мысль народная и таилась въ сердцахъ Архипастыря, который готовъ былъ положить душу свою за паству свою, но память ему измѣняла, соображеніе терялось, языкъ его уже коснѣлъ, глаза тускнѣли и онъ едва могъ передвигать ноги; онъ скорбѣлъ на безсиліе свое и прибытіе его въ Москву только обнаружило послѣдній порывъ его любви къ Отечеству и паствѣ. Желаніямъ его не соотвѣтствовали силы его“...

Но народнымъ догадкамъ и мечтамъ не суждено было осуществиться, такъ какъ скоро выяснилось, что никакого новаго боя подъ Москвой не будетъ, наша армія быстро отступаетъ и скоро Москву займетъ непріятель.

Стали совѣтовать старцу-іерарху скорѣе покидать Москву.

— Ваше Высокопреосвященство, торопитесь выѣхать изъ Москвы, не нынче—завтра ее захватятъ французы,—убѣждалъ Платона епископъ Августинъ, временно управлявшій московской епархіей, по случаю болѣзни самого іерарха.

— Не поѣду,—рѣшительно отвѣчалъ Платонъ.

— Почему же, владыко святой?

— Не хочу въ нуждѣ, да горѣ покидать паству.

— Извѣстно-ли вамъ, святой владыко, что Москва почти опустѣла и кто не уѣхалъ — спѣшить уѣхать. Всѣ пасомые ваши разбрелись по другимъ епархіямъ...—убѣждалъ Августинъ.

— Кто-нибудь, да остался...—коротко замѣтилъ святитель, уклоняясь отъ дальнѣйшихъ разговоровъ на эту тему.

И Платонъ продолжалъ оставаться въ горемычной Москвѣ...

А между тѣмъ армія грозная и ликующая все ближе и ближе подходила къ Москвѣ. Полуобезумѣвшіе москвичи, немногіе изъ оставшихся въ своихъ гнѣздахъ, выйдя однажды, ночью, на улицы увидали вдали на небосклонѣ громадное зарево—это пылало небо отъ бивуачныхъ костровъ непріятеля. Съ ужасомъ поняли москвичи, что французы стоятъ теперь всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы.

Тогда съ особой настойчивостью стали уговаривать Платона уѣхать; наконецъ, ему надоѣли всѣ эти разговоры и онъ, махнувъ рукой, согласился.

Передъ самымъ отъѣздомъ, онъ долго, со слезами, молился у образа Спасителя, такъ молился, что, изнеможенный, распростертый ницъ, не могъ встать съ пола... Два монаха подняли его и снесли въ карету...

Былъ теплый и тихій вечеръ 31-го Августа. Но ранняя осень чувствовалась во всемъ—деревья начинали золотиться, листья опадали. Вѣтеръ дулъ съ какимъ-то особеннымъ завываніемъ, грустнымъ, до боли сжимающимъ душу...

Въ эту ночь по опустѣлымъ улицамъ и переулкамъ московскимъ изъ осиротѣлаго города увозили больного іерарха.

* * *

Во время пребыванія въ Москвѣ Наполеона и его арміи святитель Платонъ имѣлъ пребываніе въ Лаврѣ и въ Виѣніи, заботясь объ отправленіи лаврскихъ сокровищъ для безопасности въ Вологду. А опасность была близка—на дорогѣ къ Лаврѣ скоро увидали непріятельскіе отряды; городъ Дмитровъ, находящійся въ 40 верстахъ отъ Лавры, былъ уже взятъ французами...

Французы, какъ и поляки въ „смутное время“ надѣялись поживиться лаврскими сокровищами и шли къ Сергіевой обители, но на стражѣ ея былъ Великій Сергій...

...По преданію, французы, немного не дойдя до Лавры, съ суевѣрнымъ страхомъ вернулись, увидавъ, что навстрѣчу имъ, молча, какъ тѣни, шли странные, грозные воины...

Не взирая на грозившую опасность отъ французовъ, митрополитъ Платонъ все-таки не хотѣлъ покидать своей любимой Впѣаніи.

— Не боюсь я Наполеона и его полчищъ, да и вамъ бояться нечего—преподобный Сергій не допуститъ враговъ въ свою обитель,—говорилъ святитель окружающимъ его монахамъ.

Но тѣ снова, какъ и въ Москвѣ, стали настаивать и святитель перебрался, 40 верстами дальше, въ обитель Махру, основанную препод. Стефаномъ.

Однако всѣ эти нравственныя потрясенія тяжело отзывались на духъ и тѣлѣ святителя.

„Въ этомъ старцѣ, согбенномъ и дряхломъ—пишетъ И. М. Снегиревъ,—едва передвигавшемъ ноги, говорившемъ косо и отрывисто, можно ли было узнать того Платона добраго, сановитаго и въ сѣдинахъ, который недавно передъ тѣмъ священнодѣйствовалъ во всемъ величій святительскаго сана и со всѣмъ достоинствомъ и воодушевленіемъ, поразительнымъ и для предстоящихъ и для сослужившихъ, гремѣлъ съ амвона церковнаго словомъ истины?

Несмотря на полный упадокъ силъ святитель Платонъ, находясь въ Махрѣ, а также и въ Впѣаніи, всякій день бывалъ за литургіей и часто причащался св. Тайнъ. Его обыкновенно водили, такъ какъ ноги святителя плохо служили ему, какъ и соображеніе.

„Бывали, впрочемъ, минуты, когда Платонъ пробуждался отъ самозабвенія и дремоты душевной—слезы болѣе чѣмъ слова выражали тогда его чувства“...

— Таковъ ли былъ прежде Платонъ?! Теперь же я сталъ хуже богадѣленнаго старика... Вотъ вамъ печальный примѣръ суетности нашей славы...—часто говорилъ угасающій святитель, сознавая фактическій конецъ своего бытія.

Одѣвался іерархъ такъ просто, что не знающіе его ни за что бы не повѣрили, что это митрополитъ московскій, а не какой-нибудь старикъ-послушникъ. Такъ обычнымъ нарядомъ его было—теплый, черный подрясникъ; на головѣ

суконная скуфейка, а на ногахъ, вмѣсто сапогъ, лапти изъ тонкихъ лыкъ. Въ рукахъ же—простая палка.

1812-й годъ былъ послѣднимъ годомъ жизни святителя. Узнавъ о вступленіи въ Россію войскъ Наполеона I, Платонъ, въ послѣдній разъ въ двухъ горячихъ письмахъ къ Императору Александру I-му, снова блеснулъ искрами своего рѣдкаго таланта.

„...Пусть дерзкій и наглый Голиафъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы,—пишетъ Платонъ въ одномъ письмѣ,—но крѣпкая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни“.

Въ другомъ письмѣ святитель говоритъ:

„...и этотъ фараонъ (т.-е. Наполеонъ, *авт.*) погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третью, новую рѣку—страшно выговорить!—рѣку крови человѣческой! О! Каждая крови капля воззоветъ отъ земли къ небу! Кровь брата твоего взыщу отъ руки твоея! Франція познаетъ въ Богѣ—Господа отмщений, а Россія восчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ нему: Авва, Отче! Царю Небесный! Ты изведешъ, яко свѣтъ, правду Монарха и судьбу Россіи, яко полудне“.

„По какому то предчувствію святитель Платонъ твердилъ, что умереть „на ногахъ“, Но, казалось, не хотѣлъ умирать прежде рѣшенія судьбы своего отечества.

И вотъ, когда послѣ 40-кадневнаго пребыванія французы покинули Москву, святитель, узнавъ о томъ, перекрестился и воскликнулъ съ сіяющимъ лицомъ:

— Слава Богу! Москва освобождена и я теперь умру спокойно!

Наступило 11-е Ноября, роковая развязка была близка, но ее все-таки никто не подозрѣвалъ, кромѣ самого святителя, сказавшаго окружающимъ:

„Теперь все рѣшится!“

А наканунѣ онъ даже велѣлъ вынуть изъ своей могилы кипарисовый гробъ, заготовленный имъ около девяти лѣтъ назадъ.

Въ 12 ч. д. святитель сѣлъ за обычную скромную трапезу, и, не окончивъ обѣда, почувствовалъ себя дурно: съ нимъ

случился ударъ. А въ два часа великаго іерарха церкви Московской не стало.

Отпѣваніе въ Бозѣ почившаго святителя совершено было въ Троицкомъ Соборѣ Сергіевой Лавры, 16-го Ноября, епископомъ Августинѣмъ. Несмотря на тревожное время, народу на отпѣваніе собралось множество.

Громкій плачь и рыданія, трескъ свѣчей сливались вмѣстѣ съ колокольнымъ перезвономъ и погребальнымъ пѣніемъ.

Послѣ отпѣванія, кипарисовый гробъ съ тѣломъ почившаго святителя несомъ былъ священно-служителями въ Спасо-Виѣанскій монастырь. Печальная процессія растянулась болѣе, чѣмъ на версту. Весь народъ вмѣстѣ съ священно-служителями пѣлъ погребальныя стихиры.

Въ церкви Воскресенія праведнаго Лазаря въ приготовленную могилу опущенъ былъ гробъ.

Надпись которую мы видимъ на скромномъ памятникѣ митрополиту Платону, сочинена имъ самимъ. Вотъ она:

„Здѣсь погребенъ тѣломъ преосвященный Платонъ, митрополитъ московскій и сея Виѣанскія обители и при ней семинаріи основатель“.

А внизу стихи:

„Читатель, вспомни всѣхъ судьбу,
Пролей о немъ свою мольбу,
Да въ Богѣ духъ его опочиваетъ,
Воставъ, и тѣло съ нимъ да возсіяетъ.
Вся на землѣ—суть временна и тлѣнна,
Непостоянна вся и перемѣнна.
Единый покой—на небесахъ;
Лети въ нихъ, вѣра, на крылахъ!“...

„Такъ,—пишетъ И. Снегиревъ,—сокрылась слава Церкви Русской, и священная глава новой Виѣаніи обрѣла покой въ храмѣ, напоминающемъ уединенія Лазаря въ Виѣаніи древней. Но духъ Платона живъ въ его пустынь: по слову Платона, она процвѣла, яко кринъ. Здѣсь все гласитъ о его славномъ имени. На каждомъ шагу видны слѣды ума его и вкуса; каждый камень храма, каждое украшеніе въ немъ—есть краснорѣчивый памятникъ незабвенному Платону“.

Священ. Дм. Дмитріевъ.

Религіозна правда Русскаго Самодержавія въ связи съ воцерковленіемъ человѣческой жизни.

Наше время характеризуется сильнымъ развитіемъ у насъ разныхъ соціально-политическихъ обществъ и партій ¹⁾, которыя, сплотившись, предъявляютъ отъ своего имени, а нерѣдко и отъ имени всей-де Россіи, къ Русскому Государству и къ Русской Церкви тѣ или иные требованія, намѣчаютъ тотъ или другой рядъ реформъ: словомъ, выступаютъ съ разнообразными и обширными программами переустройства, нерѣдко радикальнаго, политической, соціальной и церковной жизни въ Россійской Имперіи, въ цѣляхъ якобы *общаго* блага всѣхъ ея подданныхъ. Одни, по примѣру своихъ западныхъ учителей, ведутъ борьбу, главнымъ образомъ, съ существующимъ строемъ политико-экономической и общественной жизни въ Россіи подъ флагомъ христіанства и по-сему обосновываютъ свои требованія на божественномъ откровеніи; другіе, наоборотъ, открыто сбрасываютъ съ своихъ реформаціонныхъ программъ и теорій всякую божественную санкцію, какъ якобы вредную, потому что „каждая-де рели-

---

¹⁾ Организованныя соціально-политическія партіи въ Россіи появились съ 1905 года, когда предначертана была у насъ Гос. Дума. Съ этого времени Россія вступила въ ту стадію государственной жизни, которую Западная Европа начала проходить съ 40-хъ годовъ XIX стол. Тамъ на Западѣ Европы, гдѣ народъ непрестанно ведетъ борьбу съ Государствомъ за власть,—въ противовѣсъ государству, какъ формѣ человѣческаго сбщенія, вмѣсто права *личности*, въ 40-хъ годахъ XIX стол. было выдвинуто новое право—право *общества*, почему и всѣ современные политическія ученія тамъ, благодаря, преимущественно, Лоренцу Штейну, получили соціальную окраску („Русск. Госуд. право“ Н. Коркунова, т. I, стр. 93—95). Въ эту роковую стадію Государственной жизни тянутъ нынѣ и Россію,—на горѣ ей и русскому народу, и лишь въ угоду оторванныхъ отъ русскаго корня политиканствующихъ группъ.

гія, и особенно христіанская, отвлекаеть мысль челоуѣка отъ земли къ мнѣческому небу и тѣмъ лишаеть его возможности направить всѣ свои силы на устройство единственно реального для него рая—это „рая на землѣ“ (Бebelъ, представитель германской соціалъ-демократіи). Послѣдняго рода реформаторы обосновываютъ свои требованія на quasi-научныхъ данныхъ, на доводахъ ума, погруженнаго въ глубь вѣковъ, въ изученіе исторической жизни народовъ: „скажите прямо, взываетъ германскій соціалъ-демократъ Мостъ къ рабочимъ, что вы отрекаетесь отъ Церкви. Соберитесь подъ знаменемъ науки, которая отвергаетъ всякія суевѣрія“ 1).

Намъ, дѣятелямъ Православной Церкви, нельзя быть только зрителями всего, нынѣ происходящаго у насъ на Руси; нельзя укрыться подъ плащъ столь любезной многимъ фразы: „моя хата съ краю, я ничего не знаю“!.. Нѣтъ, намъ нужно внять ропоту быстро и шумно катящихся съ Запада волнъ, взбаламутившихъ наше великое море—Русь до дна!.. Намъ нужно броситься въ эти волны и, если не разбить ихъ, смиривъ ихъ ропотъ, то, по крайней мѣрѣ, спасти возможно большее число утопающихъ и захлебывающихся мутью ихъ. Вѣдь Русь зародилась, возросла и образовалась въ мощную державу подѣ сѣнію Православной Церкви; она тѣсно связала себя съ нею узами духовной дщери. Русскій народъ, въ подавляющей массѣ, и доселѣ знаетъ Русь только православную. Да и помимо этихъ, чисто мѣстныхъ мотивовъ, Православная Церковь еще имѣеть принципиальную, всемірную задачу, завѣщанную ей Христомъ,—это стать совѣстью народовъ, наложить печать христіанства на всѣ стороны и проявленія челоуѣческой жизни на землѣ, пропитать духомъ христіанства не только личныя, но и общественныя стихіи челоуѣчества, возстановитъ Богочелоуѣческую связь не только индивидуально, но и собирательно 2). Путемъ насажденія Царства Божія—„Царства не отъ міра сего“—*въ міръ семъ*, въ индивидуальной, соціальной и политической жизни челоуѣка, Православная Церковь должна приготовить послѣд-

---

1) П. Герцбергъ. „Рабочій вопросъ и социализмъ“, Спб. 1905 года стр. 96—97.

2) В. С. Соловьевъ. „Духовныя основы жизни“ изд. 3-е, стр. 153—159.

няго къ высшему блаженству, къ вступленію въ Царство Божіе на небесахъ, въ это „лучшее“ для человѣка „отечество“, гдѣ онъ уже не будетъ чувствовать себя, какъ на землѣ, странникомъ и пришельцемъ (Евр. 11,13—16).

По указаннымъ соображеніямъ намъ невозможно молчать въ то время, когда образовавшіеся на Руси подъ разными названіями многочисленныя соціально-политическія общества и партіи рьяно берутся за осуществленіе намѣченныхъ мною задачъ Церкви въ границахъ ея земного существованія и прежде всего за насажденіе Царства Божія на землѣ *помимо Церкви и внѣ ея*, или, если и призываютъ ее къ сотрудничеству, то не иначе, какъ послѣ коренной реформы ея собственного существованія, согласно начертанной ими программѣ. Отъ такого отношенія названныхъ обществъ и партій къ Церкви искажается у нихъ и самая идея возвышеннаго Евангеліемъ Царства Божія на землѣ и средства къ ея осуществленію, какъ искажены открытыя міру Евангеліемъ идеи „свободы, равенства и братства“, начертанныя девизомъ на знамени первой французской революціи и вошедшія въ символъ современной культуры, но, къ сожалѣнію, сдвинутыя съ основъ христіанскаго міросозерцанія, или обоснованныя на псевдохристіанствѣ.

На этотъ разъ мы остановимъ свое вниманіе на недавно возникшей у насъ, въ „Сѣверной Пальмирѣ“, соціально-политической организаціи: „Христіанское братство борьбы“. Дыханіемъ этой организаціи запечатлѣно все современное соціально-политическое движеніе, особенно въ его отношеніи къ Православной Церкви. Вотъ почему, считаясь съ этою организаціею, мы собственно считаемся съ основами и доводами всего, такъ называемаго у насъ, „освободительнаго“ или, въ церковной сферѣ, „церковно-обновленческаго“ движенія¹⁾.

„Христіанское братство борьбы“ своею задачею поставило „активное проведеніе въ жизнь началъ вселенскаго христіанства“¹⁾. Задача, какъ видимъ, великая и далеко еще не

---

¹⁾ См. отпечатанный на пиш. машинѣ листъ съ изложеніемъ „Задачъ христіанскаго братства борьбы“. Для характеристики братства мы будемъ пользоваться и его подпольными воззваніями, отпечатанными на пиш. машинѣ и на типографскомъ станкѣ, подъ названіями: „къ епископамъ русской церкви“, „къ войскамъ“, „къ крестьянамъ“ и т. под...

осуществленная въ жизни христіанъ, гдѣ въ изобиліи произрастають терновникъ и рещейникъ, не приносящіе ни смоквы, ни винограда, ни вообще добраго плода (Ев. Мѣ. гл. 7, ст. 16—18). Значить, было изъ-за чего организовываться особому Братству. И мы съ своей стороны готовы были-бы сказать ему: „Богъ въ помощь!..“ И даже горячо пожелать, чтобы съ той-же практической цѣлью у насъ подѣ сѣнію Церкви явилось побольше братствъ, содружествъ, союзовъ, группъ и пр..., если-бы дальнѣйшее и подробное знакомство съ „началами вселенскаго христіанства“, содержимыми братствомъ, и съ средствами проведенія этихъ „началь“ въ жизнь, практикуемыми братствомъ, не заставило насъ высказать совершенно обратное пожеланіе, чтобы Господь избавилъ Православную Русь отъ подобныхъ названному братству учрежденій, такъ какъ и безъ нихъ много плевель на русскомъ полѣ, много сыновъ лукавыхъ въ нашей отчизнѣ...

Въ самомъ дѣлѣ, что разумѣть братство подѣ „вселенскимъ христіанствомъ“? Объ этомъ въ „Задачахъ христіанскаго братства борьбы“ читаемъ слѣдующее:

„Начала вселенскаго христіанства не только не осуществлены, но даже просто не признаны цѣликомъ во всемъ объемѣ историческимъ христіанствомъ. Историческое христіанство во всѣхъ своихъ конкретныхъ развѣтвленіяхъ, отъ русскаго православія и римскаго католицизма до самыхъ крайнихъ сектъ протестантизма, восприняло и самымъ дѣйственнымъ образомъ ввело въ сознаніе отдѣльныхъ людей *одну* сторону Евангельскаго ученія: это ученіе о томъ, что „Царство Божіе внутри васъ есть“. Царство Христово есть царство свободнаго единенія, чистоты и свѣта, и потому всякій, хотящій войти въ него, долженъ прежде всего очиститься *самъ*, долженъ скинуть съ себя ветхаго человѣка и облечься въ новаго, долженъ переродиться, извлечь и спасти душу свою изъ міра грѣха и злой жизни. Такимъ образомъ, личное перерожденіе, очищеніе своего индивидуальнаго сознанія и спасеніе своей души — вотъ центральная и единственная идея историческаго христіанства. Все остальное—дѣла любви, устроеніе своей личной жизни на христіанскихъ началахъ, доброе отношеніе къ другимъ людямъ—все это историческимъ христіанствомъ разсматривается, какъ простое и необходимое слѣдствіе изъ внутренняго перерожденія¹⁾).

¹⁾ И въ Евангеліи мы читаемъ: „ищите-же прежде Царства Божія и

„Все это такъ, все это правда отъ начала до конца; но это далеко не *вся* правда, возвѣщенная Христомъ, и кто ее выдаетъ за всю правду и видитъ въ ней начало, середину и конецъ и учить такъ другихъ—тотъ явно погрѣшаетъ противъ слова Божія и лжетъ на полноту Христовой истины. Это дѣлаетъ теперешнее христіанство. Оно забыло *другую* сторону Евангельскаго ученія, забыло, что Царство Божіе не только фактъ внутренней жизни, переживаемый отдѣльнымъ сознаниемъ наединѣ съ собой и Богомъ, но и — о чемъ вѣщаетъ чуть-ли не каждая строчка Новаго Завѣта—фактъ міровой, вселенскій. Царство Божіе, непримѣтно войдя внутрь человѣка, его усиліями должно раскнутъ на то, что *внѣ* его. Своимъ благодатнымъ строемъ оно должно побѣдить и преобразить всю злую природную жизнь, во *всѣхъ* ея проявленіяхъ, отъ сферы индивидуальнаго сознанія и человѣческихъ отношеній до космическаго зла, царящаго въ *природѣ*. Евангеліе должно быть проповѣдано „всей твари“. Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ: „идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Мр. 16, 15), ибо „вся тварь совокупно стенаетъ и мучится донинѣ, ожидая откровенія сыновъ Божіихъ“ (Рим. 8, 19—21). Историческое христіанство забыло этотъ завѣтъ и, проповѣдуя, что то и то нужно для того, чтобы *вступить* въ Царство Божіе, совершенно угасило въ себѣ всякія живыя представленія о томъ, *что* же такое это Царство Божіе²⁾. Съ этимъ вмѣстѣ оно поддавалось страшному уклону отъ Христа и безусловно истинную идею о необходимости для вступленія въ Царство Божіе прежде всего лично переродиться—исказило въ ложную и антихристіанскую идею „самоспасанія“³⁾, которая и пользуется самымъ широкимъ распространеніемъ.

А между тѣмъ вопросъ этотъ ясенъ. Сами собой принимаютъ конкретную форму обязанности, вытекающія изъ этой стороны

правды Его и это все *приложится* вамъ“. „Царствіе Божіе *внутрь* васъ есть“ (Мк. 6, 33; Лук. 17, 21).—*Авт.*

²⁾ То: „историческое христіанство *восприняло* и *самыми* *дѣйствительными* *образомъ* *ввело* въ сознаніе людей одну сторону Евангельскаго ученія: это ученіе о томъ, что „Царство Божіе *внутрь* васъ есть“; то уже оно „*угасило* въ себѣ всякія живыя представленія“ о томъ, *что* же такое это Царство Божіе?!.—Какъ все это вяжется въ головѣ „братчиковъ?!.—*Авт.*

³⁾ Идея „самоспасанія“, какъ и „самолюбія“ только тогда является ложною, когда сдвинута съ Евангельской основы. Но та-же идея можетъ быть и Евангельскою, когда человѣкъ на любви къ себѣ научается истинной любви и „ближняго“: „возлюби ближняго твоего, какъ *самого* себя“.—*Авт.*

Евангельскаго ученія. Ихъ много, очень много и всѣ онѣ забыты *историческимъ христіанствомъ*. Мы будемъ говорить *только объ одномъ* рядѣ такихъ обязанностей, сознаніе которыхъ и опредѣляетъ дѣятельность братства. Христосъ былъ Богочеловѣкъ. Онъ вочеловѣчился и принялъ *плоть*. Икупая Своею пречистою кровью, Онъ не отдѣлился отъ нея, а остался въ ней и съ ней, потому что связанъ съ нею „нераздѣльно и несліянно“, потому что пришелъ не упразднить ее, а освятить. Преобразивши ее на Фаворѣ и освободивши ее отъ рабства грѣху Своими страданіями и отъ рабства смерти Своимъ воскресеніемъ, Онъ положилъ начало „обоженію плоти“ (выраженіе св. Антонія В.), которое закончится „новой землей¹⁾“, въ ней же правда обитаетъ“ (2 Петр. 3, 13). Этимъ онъ далъ вѣчный образъ поведенія и указалъ путь, по которому долженъ идти каждый христіанинъ. Каждое отдѣльное лицо, для того, чтобы становилось возможнымъ Царство Божіе „внутри“ него, долженъ побѣждать въ себѣ похоть плоти и облекать тѣло свое во Христа, приуготовляя его къ славѣ и нетлѣннѣ. Но, по основному ученію Евангелія, человѣкъ не можетъ разсматриваться, какъ самодовлѣющій, не связанный съ другими атомъ. Онъ только одинъ изъ безчисленныхъ членовъ великаго и единого цѣлаго, собирательнаго индивидуума Церкви. Эта Церковь, объективное Царство Божіе, осуществляясь и водворяясь въ душѣ всего человѣчества, должна побѣдить похоть плоти уже не отдѣльнаго лица, а всего человѣчества и облечь тѣло,—уже тѣло не отдѣльнаго лица, а всего человѣчества,—во Христа и сдѣлать его невѣстой Христовой. Эта плотъ и тѣло, не будучи тѣломъ и плотью отдѣльныхъ лицъ, является *результатомъ взаимодействія* послѣднихъ, основаннаго на потребностяхъ тѣла и плоти, а это и есть прежде всего отношенія экономическія, общественныя и государственныя. Значить, человѣчество, становящаяся Церковь, для осуществленія въ *себѣ* Царства Божія, должно бороться со своею похотью и побѣждать *свою* плотъ, т.-е. животворить и проникать Духомъ Христовымъ отношенія экономическія, общественныя и политическія, да изобразится и въ нихъ Христосъ, и да будетъ Богъ вся во всемъ. Такимъ образомъ, изъ дѣйствительной вѣры въ Христа, вочеловѣчившагося и при-

---

¹⁾ Не только „новой землей“, но и „новымъ небомъ“, которые будутъ существенно отличны отъ „нынѣшнихъ небесъ и земли“ 2 Петр. 3, 7—13.—
Авт.

шедшаго во плоти, съ неизбѣжной внутренней послѣдовательностію вытекаетъ для каждаго христіанина обязанность принимать самое дѣятельное участіе въ общественной и политической жизни страны и здѣсь въ той самой области жизни, отъ которой съ отшельническимъ ужасомъ отвертывалось историческое христіанство, дѣйственно осуществлять вселенскую правду Богочеловѣчества. Это и является *общей задачею братства*“.

Мы нарочито сдѣлали полную выдержку изъ „задачъ христіанскаго братства борьбы“, чтобы читатель не заподозрилъ насъ въ передержкѣ мыслей „братства“.

Нельзя прежде всего не отдать „Братству“ должной доли удивленія за его умѣнье писать по вопросу первостепенной важности крайне туманно и расплывчато. Вся приведенная нами тирада посвящена въ сущности выясненію одной элементарной мысли, что „вселенское христіанство“, начала котораго „братство“ намѣрено активно проводить въ жизни, требуетъ отъ каждаго христіанина не ограничиваться насажденіемъ Царства Божія только *внутри* себя, но дѣятельно, притомъ совокупно съ другими членами Церкви и отъ имени послѣдней, осуществлять его и *вне* себя—во всемъ человѣчествѣ, оживотворяя и пропитывая духомъ Христовымъ всѣ отношенія человѣческой жизни: экономическія, общественныя и политическія. Съ послѣднею цѣлью христіанинъ и долженъ принимать самое активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ жизни своей страны.—Таковы „начала“ новаго „вселенскаго христіанства“, якобы *впервые* открываемыя міру „братствомъ“, какъ исчерпывающія *всю полноту* Христовой истины, *всю правду*, возвыщенную Христомъ.

Противъ этихъ „началъ“, въ ихъ „общемъ“ изложеніи „братствомъ“, возражать въ принципѣ нечего; наоборотъ, необходимо признать ихъ полное согласіе съ духомъ Евангельской правды. Но что удивительно, такъ это заявленіе „братства“, что оно, излагая азбуку христіанства, выступаетъ въ этомъ случаѣ чѣмъ-то вроде Колумба! Если вышеупомянутыя „начала“ и являются для кого новою Америкою, такъ развѣ только для „братства“, этого въ своемъ родѣ воскресшаго, послѣ девятнадцативѣковаго сна, помпейца... Обвиненіе „братствомъ“ историческаго христіанства, отъ русскаго

православія и римскаго католицизма до самыхъ крайнихъ сектъ протестантизма, въ томъ, что оно якобы „не создало“, „забыло“ обязанность каждаго христіанина, какъ и совокупности христіанъ—Церкви пропитывать духомъ Христовымъ экономическую, общественную и политическую жизнь чело-вѣчества, кажется настолько несуразнымъ и для самаго „братства“, что оно просто-на-просто заплетается и противорѣчить само себѣ, когда обосновываетъ на словесномъ фундаментѣ это обвиненіе. Въ самомъ дѣлѣ, то „братство“ заявляетъ, что историческое христіанство „не знало“ вышеуказанной обязанности христіанъ, то только „забыло“ ее, то наконецъ, „разсматриваетъ“ ее, какъ простое и необходимое слѣдствіе изъ внутренняго перерожденія“ чело-вѣка!.. ¹⁾). Какъ все это укладывается въ обличительной головѣ „братчиковъ“—отказываемся понять?! Какъ можно „забыть“ то, чего „не создалъ“?! Какъ можно далѣе „забытое“ и „не созданное“ (?) *разсматривать*?! Право, скорѣе поймешь, какъ это у Буренинскаго „Вральмонта“: „на затылкѣ чихающій носъ“..., какъ это онъ кричитъ: „въ мракѣ солнца и въ свѣтѣ ночей“!.. При всей своей сумбурности и помпезности „Вральмонтъ“ все-же чело-вѣкъ откровенный и сознается, что „мелеть онъ“... Къ сожалѣнію, *братство* и этого качества лишено!..

Необходимо замѣтить, что приведенное обвиненіе „братствомъ“ историческаго христіанства и противоположеніе оному новаго „вселенскаго христіанства“—не что иное, какъ компендій прошумѣвшаго недавно „новопутейства“ съ его „Новымъ Вселенскимъ Христіанствомъ—Религією Конца“. Въ своемъ обвиненіи историческаго христіанства, какъ православнаго, такъ равно католическаго и протестантскаго, *Братство* обнаружило, сознательно или безсознательно—это другой вопросъ, круглое невѣжество въ знакомствѣ съ проявленіями религіознаго сознанія христіанъ: православныхъ,

---

¹⁾ Ниже мы увидимъ, что „братство“ уже борется съ неправильнымъ, по его мнѣнію, освященіемъ русской Церковью экономической, общественной и политической жизни своей страны. Это далеко не то же, что русская Церковь якобы „забыла“ или „не создала“ самой необходимости „дѣйственно осуществлять вселенскую правду Богочело-вѣчества“ въ этой области жизни?! Иное дѣло: „забыть“ или „не сознавать“, а иное дѣло неправильно *осуществлять* что-либо!..

католиковъ и протестантовъ, имѣющими значеніе церковное, а не индивидуальное. Такъ развѣ исторія христіанскихъ церквей не свидѣтельствуетъ о томъ, что съ того времени, какъ всепоглощающее могущество античнаго государства было подорвано появленіемъ и развитіемъ новой формы общенія людей, не только независимой отъ государства, но и указавшей ему границы его властвованія надъ людьми,—*Церкви Христовой*, послѣдняя въ Западной Европѣ, въ лицѣ католицизма, старалась не только пропитать духомъ Христовымъ, какъ понималъ его католицизмъ, всѣ проявленія экономической, общественной и политической жизни христіанскихъ странъ, но даже присвоить или узурпировать себѣ *непосредственное* матеріальное властвованіе надъ этими сторонами жизни людей! Или, быть можетъ, протестантизмъ заявилъ себя принципиальнымъ противникомъ религіознаго освященія общественной и политической жизни государства? Какая наивность! Развѣ провозглашенный Лютеромъ въ области религіи принципъ сопротивленія власти и равенства всѣхъ христіанъ не пропиталъ насквозь всѣ общественныя и политико-экономическія стороны жизни западно-европейскихъ государствъ?!. А законное дитя протестантизма—баптизмъ, религіозная система котораго вскорѣ превратилась въ соціально-коммунистическую и подарила міръ „королевствомъ Сіона“, во главѣ съ „пророкомъ“ Іоанномъ Лейденскимъ?!. Но обратимся къ нашему времени. Просмотрите переведенную съ нѣмецкаго брошюру: „*Задачи Церкви и ея внутренней миссіи, въ виду современной экономической и соціальной борьбы*“ ¹⁾, гдѣ Евангелическая церковь полагаетъ свою задачу въ томъ, чтобы „вся земная жизнь и въ особенности экономическая и общественная стороны ея проникнуты были евангельскимъ духомъ“... Вспомните Адольфа Штекера, придворнаго проповѣдника въ Берлинѣ, члена палаты и рейхстага, какъ онъ старался организовать рабочую партію, основанную на христіанскихъ началахъ, что вызвало необузданный отпоръ со стороны соціаль-демократическаго члена рейхстага Моста, яраго противника христіанства ²⁾. Такъ же, если

¹⁾ Эта брошюра представляетъ собою „записку центрального комитета для внутренней миссіи нѣмецкой Евангелической церкви“ и заслуживаетъ вниманія.

²⁾ См. Н. Герцбергъ: „Рабочій вопросъ и социализмъ“—стр. 96.

не болѣе, несправедливо обвиненіе „братствомъ“ и русскаго православія. Извѣстно, что въ до-Петровское время православная Церковь запечатлѣвала духомъ Христовымъ всѣ стороны экономической, общественной и политической жизни Руси, такъ что до-Петровская Русь справедливо можетъ быть названа по преимуществу *церковной*. Образование, которое въ то время получалъ и богатый купецъ, и бѣдный крестьянинъ, и вельможный бояринъ, и самъ царь московскій являлось исключительно церковнымъ, а это объединяло міровоззрѣніе разныхъ слоевъ русскаго общества по вопросамъ бытовымъ, общественнымъ и государственнымъ и давало церкви мирное орудіе для всесторонняго вліянія на жизнь всея Руси, сверху—донизу. И это вліяніе внѣ всякаго сомнѣнія. Въ древней Руси, говоритъ Н. И. Тиктинъ, „задача духовенства была трудна и разнообразна... Князья во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ *внутренней и внѣшней политики* совѣтуются съ духовенствомъ, предоставляютъ его вѣдомству и юрисдикціи множество предметовъ и лицъ, по существу своему не имѣющихъ прямого отношенія къ Церкви, открываютъ свободный доступъ вліянію духовенства въ самыя внутреннія сферы народнаго быта, приближаютъ къ духовенству народную жизнь, преимущественно съ тѣхъ сторонъ, на которыхъ сильнѣе запечатлѣлись слѣды язычества и стараго быта, и которыя всего менѣе могли быть изглажены мѣрами гражданскими, внѣшними (напр., весь семейный бытъ со всѣми отношеніями, изъ него вытекающими, со всѣми преступленіями, нарушающими его святость и чистоту, подчиненъ былъ вѣдомству и суду Церкви)... Духовенство, вслѣдствіе особыхъ правъ, ему предоставленныхъ, было замѣшано почти *во всѣ интересы страны*, принимало живѣйшее участіе въ дѣлахъ законодательства, управленія и суда“...¹⁾. Съ древнѣйшихъ временъ русскіе князья—Владиміръ и Ярославъ Мудрый уже совѣщаются съ духовенствомъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ своего княженія. Получившій въ то время свое начало извѣстный „*Освященный соборъ*“, изъ котораго затѣмъ въ московской Руси выработался земскій соборъ, имѣлъ огромнѣйшее значеніе въ об-

---

¹⁾ „Византійское право, какъ источникъ уложенія 1648 г. и новоуказныхъ статей“—Н. И. Тиктинъ. Одесса. 1898 г. стр. 19.

щественной и политической жизни не только княжеской, но и царской Московской Руси. Лучшее всего участие православной церкви в мирских делах Руси обрисовано московскими послами, которые в 1610 году говорили полякамъ: „изначала у насъ въ русскомъ царствѣ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на *Соборъ* патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ (т. е. „*Освященный соборъ*“) и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали“. Совершенно справедливо посему И. С. Аксаковъ замѣчаетъ: „русское государство лучшими сторонами своего бытія, своимъ *внутреннимъ* единствомъ, цѣлостью и крѣпостью *духовной* обязано именно Церкви и іерархи православные были въ то-же время и главными зиждителями нашего *государственного* строя и величія, но имъ противно было *политическое* властолюбие“¹⁾. Извѣстный Ю. О. Самаринъ говоритъ, что „русское государство возникло и разрослось подъ сѣнію единства народной вѣры и Церкви и что это начало вынесло Россію изъ ужаснаго кризиса междоусобицы“²⁾. Исторія русская свидѣтельствуешь, пишетъ проф. Бердниковъ, что православная Церковь спасала престолы царей, заботилась о прочности этихъ престоловъ, о крѣпости самодержавія...³⁾. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что православная вѣра въ Россіи была *общественнымъ* и *бытовымъ началомъ* и проникала собою *историческое* бытіе русскаго народа; что безъ разумѣнія духовно-историческаго элемента Россіи невозможно ясное разумѣніе самой Россіи и ея, повидимому, чисто внѣшнихъ, даже *политическихъ* обстоятельствъ⁴⁾. Все это подмѣчали даже иностранцы, какъ, напримѣръ, нѣмецкій профессоръ Овербекъ. Но, къ сожалѣнію, *Братство* совершенно игнорируетъ данныя исторіи и предпочитаетъ парить въ облакахъ, хотя-бы для собственнаго самоуслажденія... Мы не станемъ утверждать, что православная Церковь

¹⁾ И. С. Аксаковъ, т. IV, стр. 723.

²⁾ Ю. Самаринъ: „Стефанъ Яворскій и Теоф. Прокоповичъ“ М. 1880 г. стр. 214.

³⁾ Проф. И. С. Бердниковъ. „Краткій курсъ Церк. Права Прав. Церк.“ Казань 1903 г. стр. 298.

⁴⁾ И. С. Аксаковъ, т. IV, стр. 52.

и въ Петровской Россіи осталась со своимъ прежнимъ вліяніемъ на всѣ стороны жизни русскаго народа. Напротивъ, со временъ Петра I-го, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. И. С. Бердниковъ, Русское государство освобождаетъ себя отъ воспитательнаго вліянія Церкви, не желаетъ имѣть ее совѣтникомъ и менторомъ въ своихъ дѣлахъ, и даже находитъ нужнымъ подчинить Церковь своимъ видамъ и сдѣлать изъ нея послушное орудіе въ ихъ достиженіи. Приниженіе духовенства до полного лишенія голоса въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ, конечно, сопровождалось и потерей должнаго вліянія Церкви на религиозно-нравственное воспитаніе народа и отразилось на прочности коренныхъ устоевъ общественнаго порядка, въ томъ числѣ и самодержавія¹⁾. Но во всемъ этомъ Церковь неповинна. Никогда она не отказывалась отъ правъ „*Освященнаго собора*“ въ Императорской Россіи... Напротивъ, всегда и нынѣ скорбитъ о лишеніи ея этихъ правъ... Возврата ихъ Церкви требуетъ и благо Россіи, и духъ народа русскаго, и благо самого Самодержавія... Лучшие сыны Церкви ясно и рѣшительно заявляли, что государство въ принципѣ не имѣетъ законныхъ основаній къ изолированію Церкви отъ вліянія на ходъ общественной и политической жизни въ немъ. Христіанское общество, пишетъ И. С. Аксаковъ, для котораго государство служить внѣшнимъ покровомъ, средствомъ и формою общежитія, не можетъ допустить со стороны этой формы такого отношенія къ высшимъ нравственнымъ цѣлямъ своего общественнаго существованія, которое не хотѣло-бы съ ними считаться; не можетъ въ своемъ общественномъ организмѣ, облеченномъ въ государственную форму, признать другой души, другого *нравственнаго* идеала, кромѣ той души и того идеала, которые оно само влагаетъ; не можетъ дозволить, чтобы эта форма, это государство творило бы само себя кумиромъ (какъ то было въ языческомъ мірѣ). Начало государственное должно въ *общественномъ сознаніи* состоять въ отношеніи нравственнаго подчиненія къ духовному, высшему для человѣка началу.

Христіанство, читаемъ у В. С. Соловьева, прійдя въ міръ, чтобы спасти міръ, спасло и высшее проявленіе міра—госу-

---

¹⁾ И. С. Бердниковъ, стр. 295—298.

дарство, открывъ ему истинную цѣль и смыслъ его существованія—это добровольное служеніе высшей цѣли—т. е. Царству Божію. Оно призываетъ государство къ борьбѣ съ злыми силами міра *подъ знаменемъ Церкви* и требуетъ, чтобы оно проводило въ *политическую и международную жизнь* нравственныя начала, постепенно поднимало мірское общество до высоты церковнаго идеала, пересоздавало его по образу и подобию церкви Христовой. Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ не есть только обладатель *всѣхъ правъ*, какъ языческій кесарь, — онъ, главнымъ образомъ, есть носитель *всѣхъ* обязанностей христіанскаго общества по отношенію къ Церкви, т. е. къ дѣлу Божію на землѣ. А Церковь должна освящать и *чрезъ посредство христіанскаго государства* преобразовывать всю *естественную, земную жизнь народа и общества*. Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же В. С. Соловьевъ пишетъ¹⁾: чтобы возродить все человѣчество, христіанство должно *проникнуть не только его личныя, но и общественныя стихіи*. Богочеловѣческая связь должна быть восстановлена не только индивидуально, но и *собирательно*. Какъ божественная стихія имѣетъ свое собирательное выраженіе въ Церкви, такъ чисто-человѣческая стихія имѣетъ подобное-же выраженіе въ государствѣ, и, слѣдовательно, богочеловѣческая связь выражается собирательно въ *свободномъ сочетаніи* Церкви и государства, причемъ это послѣднее является уже какъ *христіанское государство*. Если-же у насъ нынѣ, со временъ Петра I, наоборотъ, т. е. *государственное христіанство* или *государственная церковность*, то каждый знаетъ, что это вопреки религіозному сознанію православной Церкви, въ совокупности ея пастырей и пасомыхъ. Знаменитый государственный мужъ, стоящій на стражѣ интересовъ государства въ православной Церкви, ясно и неоспоримо заявляетъ: „можно-ли ожидать, чтобы Церковь—не говорю уже католическая, а Церковь какая-бы то ни была—согласилась устранить изъ сознанія своего гражданское общество, семейное общество, человѣческое общество—все то, что разумѣется въ словѣ: государство? Съ которыхъ поръ положено, что Церковь существуетъ для того, чтобы образовывать аскетовъ, наполнять монастыри и выказывать въ хра-

¹⁾ В. С. Соловьевъ: „Духовныя основы жизни“. Изд. 3-е стр. 158—159.

махъ поэзію своихъ обрядовъ и процессій? Нѣтъ, все это—лишь малая часть той дѣятельности, которую Церковь ставитъ себѣ цѣлью. Ей указано иное званіе: *научите вся языки*. Вотъ ея дѣло. Ей предстоитъ образовывать на землѣ людей для того, чтобы люди, среди земного града и земной семьи, содѣлались не совсѣмъ недостойными вступить въ градъ небесный и небесное общеніе. При рожденіи, при бракѣ, при смерти—въ самые главные моменты бытія человѣческаго, Церковь является съ тремя торжественными таинствами,—а говорятъ, что ей нѣтъ дѣла до семейства! На нее возложено внушить народу уваженіе къ закону и къ властямъ, внушить власти уваженіе къ свободѣ человѣческой,—а говорятъ, что ей нѣтъ дѣла до общества! Нѣтъ,—нравственное начало единое. Оно не можетъ двояться, такъ чтобы одно было нравственное ученіе частное, другое общественное; одно—свѣтское, другое—духовное. Единое нравственное начало объемлетъ всѣ отношенія—частныя, домашнія, политическія, и Церковь, хранящая сознаніе своего достоинства, никогда не откажется отъ своего законнаго вліянія въ вопросахъ, относящихся и до семьи, и до гражданскаго общества“¹⁾.

Остается къ этимъ словамъ великаго дѣятеля государства и Церкви присоединить лишь горячее пожеланіе, чтобы русское государство, особенно въ наше смутное время, вскорѣ вступило на этотъ, вѣками у насъ освященный и вытекающій изъ идеи *христіанскаго* государства, путь отношенія къ православной Церкви.

Сказаннаго нами здѣсь²⁾ исполнѣ достаточно для того, чтобы стала ясной грубая несправедливость *Братства* по отношенію къ историческому и, въ частности, православному христіанству, якобы повинному въ томъ, что оно забыло-де обязанность „дѣйственно осуществлять вселенскую правду богочеловѣчества“ въ экономической, общественной и государственной жизни людей. И мы посовѣтовали-бы Братству „съ отшельническимъ ужасомъ“ отвернуться отъ явной клеветы на историческое христіанство и показать намъ свой настоящій обликъ, настоящую причину своего озлобленія на исто-

---

¹⁾ К. П. Побѣдоносцевъ. „Моск. Сборн.“ М. 1901 г., стр. 10-я.

²⁾ Подробнѣе см. нашу брошюру: „Православная Церковь и высшія государственныя учрежденія въ Россіи“ М. Москва. 1912 г.

рическое и особенно на православное христіанство. Эта-то причина и выступаетъ предъ нами рельефно тамъ, гдѣ „братство“ отъ „общей“ задачи своей практической дѣятельности переходитъ къ указанію задачъ „частныхъ“. Здѣсь мы видимъ, что „братство“ негодуетъ на православную русскую Церковь не за то, что послѣдняя якобы въ принципѣ противъ своего участія въ общественной и политической жизни Россіи, а за то, что она это участіе проявляетъ въ нежелательномъ для „братства“ духѣ. Но это уже особая статья!..

Отъ *общей* задачи „Христіанскаго Братства Борьбы“ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію его *частныхъ* задачъ, гдѣ такъ ярко сказалась фізіономія „Братства“.

Въ ряду этихъ *частныхъ* задачъ первой задачей „Братства“ является „*борьба съ Самодержавіемъ*“. Самодержавіе, по заявленію „Братства“, на русскомъ народномъ тѣлѣ оказывается „безконечно ужаснымъ, злокачественнымъ нарывомъ, который отравляетъ и парализуетъ собой всѣ отправленія народной жизни“. Ни о какихъ дѣйствительныхъ улучшеніяхъ, ни о какомъ оздоровленіи общественнаго организма, пишетъ „Братство“, не можетъ быть рѣчи раньше, чѣмъ не вскрыть этотъ нарывъ. И потому, заключаетъ братство, борьба съ Самодержавіемъ выдвигается въ число первыхъ по времени задачъ „Братства“.

Такое порицаніе „Братствомъ“ русскаго Самодержавія рабски скопировано съ подпольныхъ изданій многочисленныхъ у насъ комитетовъ „Россійской социаль-демократической рабочей партіи“ и „Россійской социаль-революціонной партіи“. Въ самомъ дѣлѣ, почему „Братство“ не постаралось обосновать свой взглядъ на русское Самодержавіе на данныхъ русской исторіи, русскаго государственнаго права, и особенно на міровоззрѣніи русскаго народа? Вѣдь то государственное знамя, на которомъ искони у насъ начертано: „Православіе, Самодержавіе, Народность“,—водрузили у насъ *совѣстно* церковные дѣятели, вѣнценосные монархи и русскій народъ, такъ какъ видѣли въ немъ свое *общее* благо, спасеніе и процвѣтаніе дорогой имъ Россіи. Это знамя высоко держали наши предки. Не пошатнули его и тѣ мощныя вѣянія, которыя сразу хлынули съ Запада на Русь чрезъ широко прорублен-

ное Петромъ I окно. Лишь слегка они зарябили поверхность великаго русскаго моря. Дальше роли „калифовъ на часъ“ они у насъ не пошли. Творцы различныхъ политическихъ доктринъ и туманныхъ идеаловъ „кипѣли“ у насъ „въ дѣйствіи пустомъ“, хотя и съ порывомъ „въ Наполеоны“. Русское знамя стояло непоколебимо. Въ сильной рукѣ великаго знаменосца, въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, оно даже достигло рѣдкаго величія. И только теперь, къ сожалѣнію, наступили иные дни... Государственная машина ослабѣла... Изъ подполья выползли разныя „Братства борьбы“,—эти „темные дѣльцы“, и ринулись на вѣковую твердыню русскаго народнаго благополучія. Однако, русскій народъ не глина въ рукахъ этихъ „горшечныхъ благодѣтелей“, онъ знаетъ, что они работаютъ *только на себя*. А въ Самодержавномъ Царѣ русскій народъ чтитъ *своею* „Царя—*Батюшку*“, „Царя—*Кормильца*“. Многомилліонный русскій крестьянинъ знаетъ, что только благодаря Царю-Батюшкѣ порвалась на Руси цѣпь великая и десятки милліоновъ кровныхъ русскихъ людей получили возможность быть людьми... Только отъ Царя-Батюшки русскій народъ и ждетъ къ себѣ дѣйствительно отеческаго, а не наемническаго отношенія. И никакія софистическія ухищренія „Братства“ не похитятъ изъ сердца народнаго этой вѣры и надежды. И что взамѣнъ этого предложить „Братство“ русскому человѣку? Политическій строй западно-европейскихъ государствъ съ ихъ „оздоровленнымъ общественнымъ организмомъ“!.. Но вѣдь и на западѣ теперь повсюду рушилась вѣра въ парламентаризмъ, какъ въ универсальное средство отъ всѣхъ недуговъ политической и общественной жизни человѣка. Къ чему же одѣвать русскаго человѣка въ истасканный кафтанъ?!. Развѣ съ той только цѣлью, чтобы въ новый одѣться самому! Отсюда-то и идетъ походъ „Братства“ противъ историческаго сокровища русскаго народа—Самодержавія, которое одно только стоитъ неодолимой преградой на пути къ наглому и безнаказанному обирательству русскаго народа разными темными дѣльцами.

Борьбу съ Самодержавіемъ „Братство“ намѣрено вести, главнымъ образомъ, двумя путями: съ одной стороны оно будетъ обличать передъ всѣмъ народомъ, во всѣхъ классахъ

общества,—*„религіозную неправду“* Самодержавія, а съ другой,— наряду съ родственными ему политическими партіями, будетъ бороться съ Самодержавіемъ, какъ *„съ злой политической и общественной силой“*, работая на установленіе въ Россіи „свободнаго конституціоннаго режима“!..

Въ чемъ же, по мнѣнію „Братства“, состоитъ *„религіозная неправда“* Самодержавія? Объ этомъ мы узнаемъ изъ изданій Братства: „Задачи христіанскаго братства борьбы“, „къ епископамъ русской церкви“, „къ духовенству и всѣмъ, считающимъ себя христіанами“, „къ войскамъ“, „къ крестьянамъ“ и проч... Въ посланіи „къ епископамъ русской Церкви“ названное „Братство“ обращается къ предстоящему на Руси помѣстному Собору съ просьбою освободить религіозную совѣсть мірянъ отъ страшнаго соблазна. Сущность этого „соблазна“ такова:

— „По опредѣленію закона Самодержавная власть неограниченна.—Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный *неограниченный*. Это—выраженіе закона и значитъ смыслъ обязанностей для всякаго подданнаго Россійской Имперіи. И знають, когда въ самыя торжественныя минуты богослуженія насъ приглашаютъ молиться за Самодержавнаго Царя, мы должны молиться за него, какъ за *неограниченнаго* монарха. А между тѣмъ мы не только не можемъ молиться за неограниченнаго монарха, но и рѣшительно не можемъ просто его признавать, ибо такое признаніе есть явное *отступничество отъ Христа и продажа своей христіанской свободы*. Почему—это видно изъ дальѣйшаго. Признавать по совѣсти Царя своимъ неограниченнымъ государемъ—это значитъ признавать, что онъ можетъ дѣлать съ признающимъ такъ *все, что захочетъ* (ибо власть его неограниченна), можетъ приказать ему *все, что хочетъ*, и онъ долженъ повиноваться *всякому* приказанію, каково-бы оно ни было, согласно обѣщанію, ибо обѣщаніе дано было по совѣсти. Значитъ, если Царь прикажетъ поклониться идолу, или совершить богохульство, то я тутъ признающій Царя своимъ неограниченнымъ государемъ долженъ будетъ повиноваться согласно обѣщанію... Признаніе Царя Самодержавнымъ равносильно утратѣ всякой свободы. Признавшій Царя своимъ неограниченнымъ государемъ, тѣмъ самымъ окончательно теряетъ возможность служить Христу; ибо такое признаніе заключаетъ въ себѣ *потенціальное* утвер-

женіе, что въ случаѣ возникновенія дилеммы—*Царь* или *Христосъ*—нужно стоять за Царя, а не за Христа. Признавшій Царя неограниченнымъ государемъ навсегда и окончательно выбираетъ себѣ господина; но выбравъ въ дѣйствительности одного господина, онъ уже теряетъ свободу и возможность служить всякому другому, т. е. не можетъ служить и Христу, ибо сказано Христомъ: „никто не можетъ служить двумъ господамъ“ (Матѣ. 6, 24).

„Такимъ образомъ, каждый актъ согласія на признаніе неограниченной Царской власти равносильнъ утвержденію въ далекихъ логическихъ слѣдствіяхъ отпаденія отъ Христа, т. е. признаніе самодержавія есть *скрытое* (а для тѣхъ, кто сознаетъ это, и *явное*) *отступленіе отъ Христа*; и значить, съ христіанствомъ такое признаніе абсолютно несоединимо и религіозною совѣстью неприемлемо.

„На это могутъ сказать, что самая дилемма—Царь или Христосъ—невозможна, ибо Царь, по вѣрѣ церковной и народной, является помазанникомъ Божіимъ и исполнителемъ не своей воли, а воли Самого Бога. Но тѣ, кто такъ утверждаютъ, пусть зададутъ себѣ по совѣсти такой вопросъ: тѣмъ, что Царь помазанникъ Божій, отнимается-ли у него возможность и отпасть отъ Христа? Если не отнимается, тогда сказанное выше сохраняетъ всю свою силу. Если-же отнимается, если признается, что Царь не только благочестивъ, но и выше возможности погрѣшитель, т. е. выше всякаго грѣха, тогда получается уже нѣчто совсѣмъ неподобающее. Вся условность человѣческаго существа снимается съ Царя, онъ становится безусловнымъ—абсолютомъ, челоѣкобогомъ, богомъ. Остается воздвигать ему алтари и кадить оміамомъ, воздавая божескія почести, какъ это дѣлали въ древнемъ языческомъ Римѣ. А въ Писаніи сказано: „да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене“. Наша Церковь считаетъ за ересь папизмъ, но тутъ больше папизма, тутъ языческій необузданный цезаропапизмъ, открытое поклоненіе „генію“ императора, забвеніе святой крови всѣхъ мучениковъ первыхъ временъ христіанства и больше того: тутъ уже совершается поклоненіе еще непришедшему Звѣрю, ибо въ самомъ *принципѣ* Самодержавія лежить возможность *Антихриста*. Это понято народнымъ религіознымъ сознаніемъ. Изучающіе расколъ знаютъ, какъ много мѣста въ немъ занимаетъ ужасъ предъ антихристіанскимъ наклономъ самодержавной власти (значить, можетъ быть и *христіанская* самодержавная власть?... *Авт.*).

Чувствуя слабость вліянія на народный умъ своихъ разсудочныхъ доводовъ въ отверженіе Самодержавія, „Братство“ далѣе пытается подкопаться подъ вѣру народную въ Самодержавіе и путемъ тенденціознаго разбора „библейскихъ“ основаній „культъ“ самодержавной власти“.

— „Часто, пишетъ „Братство“ въ томъ-же посланіи „къ епископамъ русской церкви“, приводятъ слова ап. Петра: будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: Царю ли, какъ верховной власти, правителямъ, отъ него поставленнымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. 2, 13—14). Изъ этого заключаютъ: разъ ап. Петръ заповѣдуетъ покорность всякому человѣческому начальству, то значитъ и покорность Самодержавному Царю. Сколько лжи и отступничества въ такомъ формально правильномъ заключеніи, видно изъ слѣдующаго. Когда тому-же самому ап. Петру „начальники, старѣйшины, книжники, первосвященники и прочіе изъ рода первосвященническаго“ (Дѣян. 4, 5—6) приказали „не учить объ имени Иисуса,“—что сдѣлалъ ап. Петръ? Повиновался ли во исполненіе своихъ же словъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству?“ Конечно, нѣтъ. Вмѣстѣ съ ап. Іоанномъ— „столпомъ Церкви“ онъ сказалъ: „судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога“ и отказался повиноваться. Въ другой разъ на второе запрещеніе Петръ, вмѣстѣ съ другими Апостолами (значитъ, это голосъ *всѣхъ* Апостоловъ) сказалъ еще яснѣе и рѣзче: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29). Значитъ, ап. Петръ учить насъ повиноваться человѣческому начальству не всегда и не безусловно, а *только* тогда, когда приказанія этого начальства не противорѣчатъ нашей совѣсти, и больше того— своею жизнью ап. Петръ учить насъ быть непокорными и открыто не повиноваться человѣческому начальству, когда оно запрещаетъ дѣлать то, что мы считаемъ нашимъ религіознымъ долгомъ. И значитъ, у ап. Петра мы можемъ найти не защиту Самодержавія (*всякаго ли?!*), а совершенно ясный завѣтъ открыто заявить и исповѣдать религіозную неправду Самодержавія и отказаться его признавать (*sic!*).

Другимъ библейскимъ мѣстомъ, на которомъ „Братство“ останавливается свое вниманіе, служатъ извѣстныя слова ап. Павла въ его посланіи къ Римлянамъ (13 гл. 1—2).

— „Если, писать далѣе „Братство“, словами ап. Петра злоупотреблять (!) невозможно въ виду ясныхъ другихъ его словъ, то, быть можетъ, хоть съ видимостью правдоподобія можно недобросовѣстно (!) использовать слѣдующія слова ап. Павла: „всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, еще не отъ Бога“.. (Рим. 13, 1—2. Стоило бы выписать и дальнѣйшія слова ап. Павла!). Къ счастью, и этого сдѣлать нельзя въ виду одного несомнѣннаго и безспорнаго факта: какъ признаетъ Церковь, ап. Павелъ, говоря словами мужа апостольскаго Климента римскаго, „мученически засвидѣтельствовалъ истину предъ правителями“ (Посл. Клим. къ Кор. 5 гл.), т. е. вмѣстѣ съ другими мучениками погибъ за то, что отказался воздать Императорской власти божеское поклоненіе. Этотъ фактъ прежде всего значить, что тотъ же самый апостолъ, который говорилъ: „нѣсть бо власть, еще не отъ Бога“, не только не считалъ возможнымъ исполнять всякое приказаніе этой, по его же словамъ, Богомъ установленной власти, но даже открыто не повиновался ей и не слушалъ извѣстныхъ ея приказаній, за что и поплатился мученичествомъ. Этимъ ап. Павелъ учить, что изъ того, что власть установлена Богомъ, вовсе нельзя заключать, что она не имѣетъ предѣловъ, является *неограниченной*, и можетъ прикрывать все, что угодно. Фактомъ своего мученичества апостолъ указываетъ, что императорской власти въ качествѣ *неограниченной*, т. е. посягающей на то, что ей не принадлежитъ, онъ не признавалъ. А если мы скажемъ, что въ этомъ направленіи, т. е. въ мученичествѣ, онъ, Богомъ вдохновенный святой апостолъ, поступалъ не по случайнымъ соображеніямъ, а дѣйствовалъ, какъ онъ считалъ *должнымъ* дѣйствовать, то значить въ его непризнаніи неограниченной Императорской власти лежитъ прямой завѣтъ всѣмъ вѣрующимъ такъ же, какъ и онъ, ея не признавать и открыто заявлять о своемъ непризнаніи. Если же мы вспомнимъ, что въ этомъ непризнаніи ап. Павелъ былъ не одинокъ, а съ нимъ вмѣстѣ не признавали цѣлыя тысячи святыхъ мучениковъ и запечатлѣли свое непризнаніе мученической кровью, то получится, что вся эта святая кровь ставитъ намъ тотъ же завѣтъ, что и святые апостолы: во имя Христа отказаться отъ признанія нашей теперешней неограниченной Царской власти—Самодержавія.

Выводы, къ которымъ приходитъ „Братство“, на основаніи высказанныхъ соображеній, таковы:

— „Самодержавіе абсолютно неприемлемо христіанскою совѣстію. Сознательное признаніе его равносильно отступничеству отъ Христа, и потому Русская Церковь, не искушая болѣе долготерпѣнія Божія, должна первымъ своимъ сознательнымъ и воистину церковнымъ, т. е. Христовымъ дѣйствіемъ сдѣлать исповѣданіе „истины предъ правителями“, т. е. другими словами—на предстоящемъ Соборѣ необходимо именно Церкви потребовать отъ Царя отказа отъ Самодержавія и сдѣлать это исключительно во имя *религіозныхъ* соображеній. Этимъ мы вовсе не говоримъ, что Церковь не должна была и не должна теперь бороться съ Самодержавіемъ и какъ со злой политической и общественной силой. Но только дѣлать это она должна не чрезъ духовенство, а *чрезъ мірянъ*, ибо „каждый долженъ служить сообразно съ тѣмъ даромъ, который получилъ отъ Бога (sic!). На Церковномъ Соборѣ, созванномъ для устроенія Церкви, мотивировка можетъ быть только религіозная. Итакъ, вотъ чего мы ждемъ отъ Собора прежде всего. Только совершивъ это, Соборъ получить дѣйствительную свободу, безъ которой совершенно немыслима созидательная работа по устройству Церкви на каноническихъ основаніяхъ“...

Вотъ *все*, что могло сказать „Братство“ въ облчненіе „*религіозной неправды*“ Русскаго Самодержавія. Тѣ-же мысли, но въ болѣе популярной формѣ, оно проводитъ въ воззваніяхъ „къ крестьянамъ“ и „къ войскамъ“, призывая тѣхъ и другихъ: „не служить царской власти, богохульно называющейся самодержавной... не идти на войну и не усмирять бунтовщиковъ... не убивать японцевъ, а молиться за нихъ, какъ за враговъ¹⁾“... Все это уснащено ссылками на общеизвѣстные тексты изъ св. Писанія Новаго Завѣта, съ присоединеніемъ къ нимъ превратныхъ толкованій.

Мы съ цѣлью опять *полностью* привели вышеизложенные доводы „Братства“, направленные противъ Самодержавія, чтобы при разборѣ оныхъ насъ кто-либо не заподозрилъ въ передержкѣ мыслей „Братства“.

---

¹⁾ Намъ пришлось убѣдиться, на основаніи многихъ бесѣдъ съ солдатами, что пропаганда такихъ идей широко развивалась въ нашихъ войскахъ на Дальнемъ Востокѣ. *Авт.*

Посмотримъ теперь, насколько проченъ фундаментъ, на которомъ „Братство“ и вообще его члены—„неохристіане“ строить свое зданіе и другихъ зовутъ къ тому-же. Впрочемъ, „неохристіанскаго“ зданія собственно и не видно, а заявляютъ они себя пока только разрушительною работою. Посему намъ надлежитъ разобрать тотъ, такъ-сказать, таранъ, съ которымъ „неохристіане“ выступили противъ Самодержавія, и оцѣнить его по достоинству. „*Братство*“ считаетъ признаніе Царя за самодержавнаго и неограниченнаго монарха несомѣстимымъ съ религіозною совѣстью христіанина, потому что такое признаніе является для послѣдняго якобы „*явнымъ отступничествомъ отъ Христа и продажею своей христіанской свободы*“. Но такъ-ли? Гдѣ основанія для подобнаго утвержденія? Какъ мы видѣли, „Братство“ черпаетъ ихъ въ разсудочныхъ соображеніяхъ, въ разсужденіи о томъ: что такое „*неограниченная*“ власть? По мнѣнію „Братства“, *неограниченный* государь можетъ дѣлать съ признающимъ его по совѣсти за таковаго „*все, что захочетъ*“, можетъ приказать ему „*все, что хочетъ*“, и послѣдній долженъ повиноваться „*всякому приказанію*“, каково бы оно ни было, будетъ ли то приказъ „поклониться идолу, или совершить богохульство“, или т. под. Посему-де признаніе Царя за неограниченнаго монарха и является, по мнѣнію „Братства“, равносильнымъ утратѣ *всякой свободы*.

Нельзя не подивиться наивности „братскихъ“ разсужденій и невѣрности сдѣланныхъ имъ выводовъ. Прежде всего, необходимо замѣтить, что „Братство“ задалось цѣлью бороться съ *Русскимъ* Самодержавіемъ. Посему ему нужно было сперва доказать, что *неограниченная* власть именно **Русскаго** Царя, по существу своему и на основаніи дѣйствующихъ въ Россіи законовъ, является такой, какой выставило „Братство“ *вообще* „неограниченную“ власть. Между тѣмъ „Братство“ главное оставило въ сторонѣ, не безъ предвзятой, конечно, цѣли, а пустилось въ абстрактныя разсужденія о „*неограниченной*“ власти, какъ будто вопросъ о томъ, что именно съ *такими* свойствами является на Руси Самодержавная власть, не подлежитъ сомнѣнію!.. Да, притомъ, и въ этой абстрактной области „Братство“, попросту говоря, напутало, смѣшавъ не только *неограниченность абсолютную*, свойственную Богу, съ *условною*, доступною человѣку, но и съ *произволомъ*. Власть произвольная дѣйствительно основана на „*хотѣніи*“, игнори-

рующемъ мотивы нравственнаго порядка и чувство законности, на которые опирается въ идеѣ своего существованія власть неограниченная. И смѣшивать власть произвольную съ властью неограниченною, какъ то дѣлаетъ „Братство“, по меньшей мѣрѣ неосновательно. Но оставимъ счеты съ потугами „Братства“ на абстрактное мышленіе. Посмотримъ, дѣйствительно-ли *самодержавная и неограниченная* власть *Русскаго* Монарха несовмѣстима съ религіозною совѣстью христіанина, какъ будто лишающая его *христіанской* свободы?

Что такое „*неограниченность*“ власти Русскаго Царя? Есть-ли эта неограниченность абсолютная, самодовлѣющая, или-же условная, почерпающая свою жизненность *извнѣ*? Для рѣшенія этого вопроса обратимся къ „Основнымъ Законамъ“ Россійской Имперіи, въ ихъ прежней редакціи, каковую и имѣетъ въ виду „Братство“. Въ ст. 1-й читаемъ: „Императоръ Россійскій есть Монархъ *самодержавный и неограниченный*.—Повиноваться *верховной* Его власти не только за страхъ, но и за совѣсть *Самъ Богъ* повелѣваетъ“. Здѣсь власть Русскаго Монарха выступаетъ предъ нами съ тремя свойствами,—она является верховной, самодержавной и неограниченной¹⁾; иначе, русскому Монарху принадлежитъ *высшая* въ государствѣ власть и притомъ *вся полнота* государственной власти—власть законодательная, судебная и управительная сосредоточена въ его рукахъ²⁾. Необходимость повиновенія такой власти законъ, что особенно важно, объясняетъ повелѣніемъ *не самого Монарха*, какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, *а Бога*—„Самъ Богъ повелѣваетъ“. Слѣдовательно, власть Русскаго Монарха *не самодовлѣющая*, а въ своемъ происхожденіи и содержаніи поставляется закономъ въ зависимость отъ вѣлѣній Бога³⁾. Посему, *Русскій* Самодержецъ, если и „*неограниченный*

1) По толкованію лучшихъ юристовъ, выраженія: „самодержавный“ и „неограниченный“ означаютъ одно и тоже и употреблены вмѣстѣ для большей ясности (см. „Русск. Госуд. Право“ Н. М. Коркунова, т. I, 1904 г. стр. 203—204.—См. нашу брошюру: „Власть Русскаго Царя“. Москва. 1912 г.).

2) См. Н. М. Коркунова: „Русск. Госуд. Пр.“ Т. I, 1904 г. стр. 200-я, Н. П. Дружинина „Общепон. законовѣдѣніе“ М. 1898 г. стр. 163—165.

3) Сила этого закона для Русскаго Монарха непоколебима. Онъ не можетъ поставить свою власть въ зависимость отъ другой воли, кромѣ Божьей. Таково рѣшеніе русскаго народа, установившаго *единодержавіе* и освятившаго его чрезъ Церковь, эту исконную божественную хранительницу и выразительницу русскаго единства.

Монархъ“, то не въ абсолютномъ смыслѣ этого слова, а въ условномъ, т. е. неограниченный волею *подданныхъ* Россійской Имперіи и всецѣло зависимый *отъ Бога* во всѣхъ Своихъ дѣйствіяхъ. Какъ нельзя лучше полная зависимость Русскихъ Монарховъ отъ Бога сказывается въ глубокомъ по своему значенію обрядѣ вѣнчанія ихъ на Царство¹⁾. По вступленіи на прародительскій престолъ, Государь и Его Августѣйшая Супруга, въ заранѣе объявленное по соизволенію Государя время, получаютъ утвержденіе на престолѣ чрезъ священное вѣнчаніе (коронованіе) и миропомазаніе. Мѣстомъ священнодѣйствія служить Московскій Успенскій Соборъ. Самое священнодѣйствіе совершается по особому чину православной Греко-Россійской Церкви, въ присутствіи представителей отъ высшихъ государственныхъ установленій и отъ всѣхъ сословій Имперіи. Предстоятель Церкви—Московскій Митрополитъ, взойдя на амвонъ царскаго трона, предлагаетъ Государю: „по обычаю древнихъ христіанскихъ Монарховъ и Боговѣнчанныхъ Вашихъ предковъ, *да соблаговолитъ* Величество Ваше въ слухъ вѣрныхъ подданныхъ Вашихъ *исповѣдать* православно-каѳолическую вѣру: *какъ въручиши?*“. На вопросъ Митрополита Государь отвѣчаетъ, въ слухъ собравшихся представителей Государства и предъ лицемъ Церкви, произнесеніемъ *православнаго сгмвола въры*. Затѣмъ Митрополитъ сходитъ съ трона и творитъ службу. Въ великой эктеніи произносятся *особыя* прошенія: „о еже благословитися царскому Его вѣнчанію *благословеніемъ Царя Царствующицхъ*; о еже укрѣплению быти скипетру Его десницею *Вышняго*; о еже помазаніемъ всесвятаго міра пріяти Ему съ *небесе* къ правленію и правосудію силу и премудрость; о еже получить Ему благоспѣшное во всемъ и долгоденственное царствованіе; яко да услышитъ Его Господь въ день печали и защититъ Его имя Бога Іаковля: яко да пошлетъ Ему помощь отъ Святаго, и отъ Сіона заступитъ Его; яко да подастъ Господь по сердцу Его и весь совѣтъ Его исполнить; яко да подчиненные суды Его немздоимны и нелицепріятны сохранить“... Послѣ сего, Царь облачается въ порфиру, получаетъ *изъ рукъ святителя* вѣнецъ-корону и

¹⁾ См. „Краткое изложеніе славянофил. ученія“ А. Кирѣева, С.П.Б.—1896 г., стр. 37—38 и „Общепон. законовѣд.“ Н. П. Дружинина, стр. 166.

возлагаетъ его себѣ на главу, а Митрополитъ читаетъ рѣчь о значеніи коронованія: „видимое сіе и вещественное главы Твоей украшеніе явный образъ есть, яко Тебя, главу Всероссійскаго Престола, *вѣнчаетъ невидимо Царь славы*, Христосъ, благословеніемъ Своимъ благодѣльнымъ, *утверждая Тебѣ владычественную и верховную* власть надъ людьми Своими“. По воспріятіи Государемъ скипетра и державы, увѣнчанныхъ крестомъ, Митрополитъ снова читаетъ: „о, *Богомъ* вѣнчанный, и *Богомъ* дарованный и *Богомъ* преукрашенный, благочестивѣйшій, *Самодержавнѣйшій*, Великій Государь, Императоръ Всероссійскій!—прійми скипетръ и державу, еже есть видимый образъ даннаго Тебѣ отъ *Вышняго* надъ людьми Своими *Самодержавія* къ управленію ихъ, и ко устроенію всякаго желаемаго имъ благополучія“. Послѣ, когда Государь, принявъ поздравленіе съ коронованіемъ отъ предстоящихъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, встаетъ съ престола и отдаетъ скипетръ и державу,—Онъ, колѣнопреклоненный, читаетъ вслухъ молитву, въ которой „призываетъ,—говоритъ законъ (прим. 2-е, къ ст. 36 Осн. Зак.)—*Царя Царствующаго*, да наставитъ Его, вразумитъ, и управитъ въ великомъ служеніи, яко Царя и Судію Царству Всероссійскому, да будетъ съ Нимъ присѣдающая Божественному Престолу Премудрость и да будетъ сердце Его въ руку Божию, во еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Ему людей и къ славѣ Божіей, яко да и въ день суда Его непостыдно *воздастъ Ему слово*“. Итакъ, *Русскій* Монархъ публично, предъ Церковью и народомъ, *связуетъ* Себя послушаніемъ Православной Церкви Христовой (ст. 13-я и 14-я Осн. Зак.), и только послѣ сего получаетъ *отъ Бога* чрезъ пастыря Церкви корону и другія царскія регаліи, т. е. *утверждается* Богомъ въ правахъ на прародительскій самодержавный престолъ. Посему то *Русскій* Монархъ и исповѣдуетъ *Бога* Своимъ Царемъ, Наставникомъ и Судією, *вручившимъ* Ему великое царское служеніе къ пользѣ *людей* Царства Всероссійскаго и къ славѣ *Божіей*. Посему-то Онъ и признается на Руси „*Богомъ избраннымъ*“ и дѣйствующимъ „*Божією поспѣшествующею милостію*“¹⁾.

Если-же воля *Русскаго* Монарха въ своихъ проявленіяхъ и въ своемъ существѣ всецѣло ограничивается волею „*Царя*

1) Н. М. Коркуновъ. „Русск. Госуд. Пр.“ т. I, стр. 208—236.

Царствующих“, если *Русскій* Монархъ принимаетъ отъ Бога великій жребій царскаго служенія только „къ пользѣ вручен-ныхъ Ему людей и къ славы Божіей“, то ясно, что Онъ не дол-женъ, нравственно не можетъ, въ силу этихъ полномочій, дѣлать съ Своими подданными „все, что захочетъ“, не можетъ при-казать имъ „все, что хочетъ“, хотя-бы „поклониться идолу, или совершить богохульство“, какъ не можетъ лишить ихъ и христіанской свободы!.. Нѣтъ, *Русскій* Монархъ, въ силу Своей власти, не можетъ, оставаясь *Русскимъ* Монархомъ, заставить Своихъ подданныхъ „поклониться идолу, или совер-шить богохульство“, потому что „Царь *Царствующихъ*“, волю Котораго Онъ призванъ исполнять, ясно сказалъ: „не сотвори себѣ кумира и не поклоняйся ему“, и еще: „не хули имени Моего предъ народами“. И если-бы что-либо подобное слу-чилось на Руси съ Монархомъ, то Онъ пересталъ-бы въ совѣсти народа быть „Божьимъ слугою“, что тоже: пересталъ-бы быть на Руси Монархомъ. Совершенно справедливо говорить Л. Тихоміровъ: „Монархъ несетъ въ Своемъ царствованіи лишь службу Богу. Такой власти народъ подчиняется без-гранично, въ предѣлахъ ся Божія служенія¹⁾“, т.-е., пока Мо-нархъ не заставляеть подданнаго нарушить волю Божію и, слѣдовательно, самъ перестаетъ быть слугою Бога“²⁾. Когда воля Монарха выйдетъ изъ подчиненія волѣ Божіей, тогда она перестаетъ быть обязательной для его подданныхъ. Это краеугольный камень *Русскаго Самодержавія*. „Воля Отца Небеснаго... польза людей Царства Всероссійскаго и слава Божія“, или, какъ говоритъ митр. Филаретъ: „святость власти и союзъ любви между государемъ и народомъ“,—вотъ пе-чатъ, которою должны быть запечатлѣны всѣ велѣнія Рус-скаго Монарха. Недаромъ извѣстный французскій социалистъ Луи Бланъ въ своей „Revue du Progrès“ писалъ: „необхо-димо, чтобы власть получила узаконяющую ее санкцію со стороны свободно выраженной воли всѣхъ гражданъ, или-же разсматривалась, какъ воля Господа Бога. Выбирайте одно изъ двухъ: народъ или папу“! И, дѣйствительно, всѣ защит-ники власти, делегированной *отъ народа*, какъ суверена, признають, что такую делегацію уничтожается взглядъ на

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Л. Тихоміровъ: „Монархическая государственность“ ч. 1-я, стр. 112-я.

монарха, какъ на „*небеснаго помазанника*“, какъ на получившаго свою власть *отъ Бога* ¹⁾). Здѣсь уже абсолютомъ является единственно воля народная, совершенно исключаящая всякій другой источникъ власти, кромѣ коллективной воли всѣхъ гражданъ. Божественное начало смѣняется чисто-человѣческимъ; гарантіей благополучія гражданъ являются не этически-религіозныя обязательства власти предъ Богомъ, а чисто-правовые, юридическіе акты договорнаго характера, съ ихъ мертвою и человѣческою „правдою“, съ порабощеніемъ сильными „міра сего“ слабыхъ, такъ какъ голосъ первыхъ въ наше развращенное время при избраніи правителей легко порабощаетъ голосъ послѣднихъ. Вотъ здѣсь-то и происходитъ настоящее подавленіе въ людяхъ *христіанской свободы*, настоящее порабощеніе въ людяхъ *христіанской совѣсти*. Подчиненіе индивидуума власти происходитъ уже не за совѣсть, а за страхъ.

Изъ сказаннаго мною о „неограниченности“ власти Русскаго Монарха сама собою вытекаетъ глубокая несправедливость другого упрека „неохристіанъ“ Царю, по которому признаніе Царя „неограниченнымъ“ якобы равносильно „*отступничеству отъ Христа*“. Къ такому заключенію „Братство“ приходитъ на томъ основаніи, что признавшій Царя неограниченнымъ государемъ навсегда и окончательно выбираетъ себѣ господина; но выбравъ въ дѣйствительности одного господина, онъ уже теряетъ свободу и возможность служить всякому другому, т.-е. не можетъ служить и Христу, ибо сказано Христомъ: „никто не можетъ служить двумъ господамъ“ (Мѣ. 6, 24).

Жалкое недомысліе! Вѣдь Христосъ говорилъ о невозможности служить двумъ господамъ, не имѣющимъ между собою ничего общаго и даже исключаящимъ другъ друга—это „Богу и маммонѣ“. Но *Русскій* Самодержецъ развѣ Своєю волею исключаетъ волю Бога? Развѣ Онъ не исповѣдуетъ Бога Своимъ „Царемъ, Наставникомъ и Судію“, развѣ не отдаетъ сердца Своего „въ руку Божію“ и не считаетъ Себя лишь „*Божіимъ слугою*“? А если такъ, что неоспоримо, то

---

¹⁾ См. статью проф. М. М. Ковалевскаго въ приложеніи къ соч. проф. Пиффруна: „Европейскія избирательныя системы“ — „Къ исторіи избирательнаго права“—стр. 360-я.

можно-ли сколько нибудь серьезно говорить, что избравшій себѣ Царя господиномъ не можетъ уже служить другому Господину—Христу?! Вѣдь Царь потому только и признается „господиномъ“, что исполняетъ волю не свою, а „Господина господь“, или „Царя Царей“—Бога. *Верховная* власть въ мірѣ одна—это Божья, и, однако, Писаніе повелѣваетъ покоряться и Царю, какъ „*верховой власти*“, но только *для Господа* (1 Петр. 2, 13). Что-же: или и Ап. Петръ училъ „отступленію отъ Христа“?! И какою „наивностью“ дышитъ заявленіе „Братства“, что въ случаѣ дилеммы: Царь или Христосъ,—признавшій Царя „неограниченнымъ государемъ“ долженъ стоять за Царя, а не за Христа!.. Да почему-же? Вѣдь *Русскій* Монархъ признается *неограниченнымъ* только волею подданныхъ, но слугою Божиимъ. Слѣдовательно, если возникаетъ дилемма: Царь или подданный, то необходимо стать за Царя; но, по здравой логикѣ, отсутствіемъ которой страдаетъ „Братство“, при дилеммѣ: Царь или Христосъ, что тоже: слуга или Господинъ, необходимо стать за Христа, Котораго самъ Русскій Монархъ публично исповѣдалъ Своимъ „Царемъ и Судією“. Возможность означенной дилеммы мы въ принципѣ допускаемъ, такъ какъ считаемъ противнымъ христіанскому сознанію типъ древне-римскаго „кесаря“, надѣленнаго атрибутами Бога¹⁾. По долгу справедливости, почему бы „Братству“ не взглянуть на тѣхъ защитниковъ „*народоправства*“, которые боготворятъ коллективную волю гражданъ. Но тутъ ужъ „Братству“ пришлось-бы бичевать самого себя. И замѣчательна близорукость „Братства“: оно почему-то только въ „*принципѣ Самодержавія*“ допускаетъ возможность Антихриста, только въ самодержавной власти допускаетъ антихристіанскій наклонъ, какъ-бы не видя, что *парламентаризмъ* явно отвергъ и именно *въ принципѣ* Божественную санкцію власти, а истинное Самодержавіе, разумѣю Русское, наоборотъ, *въ принципѣ* поставило себя въ полную зависимость отъ Бога!..

Перейдемъ теперь къ разбору „братской“ критики *библейскихъ* основаній „культа“ Самодержавной власти. Здѣсь уже мы сталкиваемся съ типичною сектантскою манерою обращенія

¹⁾ См. нашу книгу: „Орловск. мисс. съѣздъ, въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти“—1901 г. стр. 99—100; 103—104.

съ текстомъ Св. Писанія: то-же насиліе надъ мыслью текста, то-же урѣзываніе и подтасовка текстовъ!..

Прежде всего „Братство“ приводитъ слова Ап. Петра, впрочемъ, не вполнѣ въ точной передачѣ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: Царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ отъ него поставленнымъ (правителямъ-ли, какъ отъ него посылаемымъ?) для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (1 Петр. 2, 13—14). Изъ этого, разсуждаетъ „Братство“, *защитники самодержавія* заключаютъ: „разъ ап. Петръ заповѣдуетъ покорность всякому человѣческому начальству, то значить и Самодержавному Царю“. Да, скажемъ мы: „и Самодержавному Царю“. Напрасно только „Братство“ приписываетъ такое заключеніе „защитникамъ Самодержавія“, когда его сдѣлалъ *самъ Ап. Петръ*, который къ словамъ: „будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа“—добавилъ: „Царю-ли, какъ *верховой власти*“. А „*верховная власть*“ развѣ не то-же, что и „Самодержавная“?! ¹⁾ Значить, покорность „верховой“ — самодержавной власти русскаго Царя повелѣваютъ христіанамъ не только „защитники Самодержавія“, а и великій Ап. Петръ. Но, конечно, какъ мы и раньше сказали, такая покорность происходитъ только при условіи подчиненія Монарха волѣ „Царя Царствующаго“, что и разумѣлъ ап. Петръ въ словахъ: „для Господа“. Покорность Самодержцу есть покорность Господу, Его пославшему; а противленіе Самодержцу является противленіемъ Богу (Римл. 13, 1—2).

Покорность Самодержавному Царю, ясно заповѣданную Ап. Петромъ, „Братство“ силится ослабить и даже отвергнуть указаніемъ на два случая, когда Ап. Петръ отказался повиноваться „человѣческому начальству“, сказавъ: „судите, справедливо-ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога“ (Дѣян. 4, 19), и въ другой разъ: „должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ“ (Дѣян. 5, 29). Казалось-бы, что если въ словахъ Ап. Петра здѣсь видѣть отрицаніе человѣческой власти, то *всякой*, а не только Самодержавной, какъ то хочется „Братству“. Но ничего такого Ап. Петръ не говорилъ. Онъ только выяснилъ мысль о необходимости

¹⁾ См. и „Основ. Зак. Росс. Имп.“ — ст. 1-я.

„слушать и повиноваться *Богу больше, нежели чело́вкамъ*“. Высшая власть въ мірѣ, которой все, въ томъ числѣ и чело́вкъ подчиненъ—это власть Бога. Богъ—источникъ чело́вческой власти. Послѣдняя не должна выходить изъ повиновенія Богу; въ случаѣ-же дилеммы: Богъ или чело́вкъ, совѣсть христіанина должна стоять за повиновение Богу. Вотъ что старался Ап. Петръ выяснитъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Никакого отрицанія чело́вческой власти вообще, и въ частности власти „верховной“—самодержавной мы не находимъ не только у Ап. Петра, но и нигдѣ въ Св. Писаніи. Единственно, о чемъ твердитъ намъ Божественное Откровеніе,—это необходимость для насъ повиновенія „*предержащимъ*“ *властямъ*, въ томъ числѣ и „*верховной власти Царя*“; а для властей необходимость повиновенія *во́мъ Божіей*, необходимость быть *слугами Божіими*.

Такой-же смыслъ имѣетъ и другое библейское мѣсто, взятое „Братствомъ“ изъ посланія Ап. Павла къ Римлянамъ: „всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“... (13 гл. 1—2 ст.) ¹⁾. По мнѣнію „Братства“ и эти слова нельзя использовать въ защиту Самодержавной власти. Замѣчательно, однако, что „Братство“ совершенно уклоняется отъ анализа мысли, заключающейся въ словахъ Ап. Павла къ Римлянамъ (13 гл. 1 и 2 ст.), а силится вывести излюбленное имъ отрицаніе Самодержавія изъ того факта, что-де Ап. Павелъ „мученически засвидѣтельствовалъ истину передъ правителями“ (1-е посл. къ Коринѣ. Св. Климента, еп. Римск. гл. V-я). Ап. Павелъ, рассуждаетъ „Братство“, погибъ за то, что отказался воздать Императорской власти *божеское* поклоненіе. Значитъ, заключаетъ „Братство“, апостолъ не считалъ возможнымъ исполнять *всякое* приказаніе этой, по его-же словамъ, Богомъ установленной власти; болѣе того, онъ открыто не повиновался ей и не слушалъ извѣстныхъ ея приказаній. Своимъ мученичествомъ, по мнѣнію „Братства“, Ап. Павелъ учитъ, что изъ того, что власть установлена Богомъ, вовсе нельзя

---

¹⁾ Очевидно, „Братство“ не пожелало сдѣлать *полную* выписку процитированныхъ имъ 1 го и 2-го стиховъ, такъ какъ ужъ слишкомъ ясно они изобличаютъ ложь „Братства“!..

выводить, что она не имѣетъ предѣловъ, является „неограниченной“ и можетъ приказывать все, что угодно. Въ смерти Ап. Павла „Братство“ видитъ завѣтъ всѣмъ вѣрующимъ не признавать „неограниченной Императорской власти“, какъ не призналъ ея самъ Апостоль. Посему оно и призываетъ „во имя Христа отказаться отъ признанія нашей (Русской) теперешней неограниченной Царской власти—Самодержавія.

Сколько въ разсужденіяхъ и заключеніяхъ „Братства“ беззащѣтливой лжи и сознательныхъ подтасовокъ!.. Прежде всего удивителенъ этотъ скачокъ отъ языческаго римскаго кесаря къ православному Самодержцу!.. Вѣдь Ап. Павелъ имѣлъ дѣло не съ Русскимъ-же Царемъ?!.. И Русскій Царь не римскій-же кесарь?!.. „Представитель власти въ христіанскомъ государствѣ, пишетъ В. С. Соловьевъ, не есть только *обладатель всѣхъ правъ*, какъ языческій кесарь,—онъ, главнымъ образомъ, есть носитель *обязанностей* христіанскаго общества по отношенію къ *Церкви*, т. е. къ *дѣлу Божию* на землѣ“... „Въ языческомъ мірѣ, говоритъ И. С. Аксаковъ, не существовало *внѣ государства* высшаго идеала общежитія; государство было для него выраженіемъ *высшей истины*. Само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, *само олицетворенное божество*, такое государство (каковымъ былъ Римъ) стало уже невысказано въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, открывъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе *внѣ* государства и высшій идеалъ вселенскаго единства въ Церкви, отвело государству настоящее, подобающее ему мѣсто, ограничило его значеніе значеніемъ „царства отъ міра“, *указало предѣлы* „кесарю“, однимъ словомъ поставило *надъ кесаремъ Бога* и провозгласило то высшее, божественное начало, которому подчинена личная совѣсть и правящихъ и управляемыхъ, а слѣдовательно *подчинено нравственно и государство* и всякій иной видъ человѣческаго общежитія. Въ наши дни, именно *на Западѣ*, мы видимъ попытку „кесаря“ раздвинуть предѣлы того, что ему отведено, и захватить то, что принадлежитъ „Богви“. Онъ не мирится съ мыслью, что надъ нимъ есть Богъ—Царь Царствующихъ; онъ не терпитъ надъ собою никакого высшаго начала и стремится поэтому вытѣснить Бога, Церковь, а съ ними и душу и совѣсть, замѣнить ихъ исключительно „правовымъ

порядкомъ "... внести правовое, юридическое, государственное начало повсюду" ¹⁾...

Не ясно-ли, что между римскимъ кесаремъ и вообще той властью, съ которою имѣлъ дѣло Ап. Павелъ, и властью Русскаго Самодержца непроходимая пропасть!.. Кесарь отвергъ „Бога“ и призналъ превыше всего себя самого. Получивъ власть отъ Бога, онъ, подобно нашимъ прародителямъ, захотѣлъ самъ стать Богомъ и объявилъ себя таковымъ, т. е. *никѣмъ* не ограниченнымъ властелиномъ, воля или хотѣніе котораго абсолютный законъ. Въ его лицѣ власть дѣйствительно въ самомъ существѣ своемъ богопротивна, антихристова, какъ исключаящая верховенство воли Божіей, или власти Царя Царей. Конечно, подчиненіе *такой* власти Ап. Павелъ отвергъ, потому что абсолютно неограниченнымъ признавалъ только Бога, отъ котораго получили право на существованіе всѣ высшія человѣческія власти—эти слуги Божіи, установленные имъ для насажденія въ мірѣ добра (Римл. 13 гл. 1—2 ст.). Вслѣдъ за Ап. Павломъ и всѣ хрістіане должны отвергнуть, хотя-бы цѣною мученичества, власть римскаго „кесаря“, но никакъ не верховную власть Самодержца, которая, какъ сказано выше, „не ограничена“ лишь волею гражданъ, но всецѣло ограничена волею Бога. Никогда Русскій Самодержецъ не посягалъ, по самому су-

---

¹⁾ См. нашу брошюру: „Орловск. мисс. съѣздъ, въ связи съ вопрос. о своб. совѣсти“—стр. 99, 100, 103.—Къ сожалѣнію, въ извѣстномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте „правовой порядокъ“ признанъ неизмѣримо выше существующаго и глубокою древностью освященнаго этически-религіознаго строя государственнаго организма Россіи, и намѣченъ, какъ идеаль, къ которому должна стремиться Россія, въ частности Русское Правительство. Уже приняты и рѣшительныя мѣры къ проведенію этого идеала въ жизнь страны, съ цѣлью „успокоенія“ ея. Впрочемъ, въ томъ-же докладѣ дѣлается признаніе, что 135 миллионъ разнороднаго населенія Россійской Имперіи „воспитаны на иныхъ началахъ“, и посему никакому правительству не подъ силу сразу приготовить страну къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка, сразу провести эти нормы въ нравы общества и приемы правительственныхъ агенто^въ...—Тогда изъ за чего же сыръ боръ загорѣлся?!.. И дѣйствительно-ли *насильственное* проведеніе въ жизнь Россіи нормъ правового порядка дастъ *успокоеніе* странѣ?!.. Кажется, торжество „нормъ правового порядка“ за послѣдніе семь лѣтъ уже дало на поставленный вопросъ рѣзко и неоспоримо отрицательный отвѣтъ: при „нормахъ правового порядка“ мы остаемся и безъ права, и безъ совѣсти!..

шеству своей власти, на Божье; никогда не объявлялъ закономъ „свое хотѣніе“ и не требовалъ себѣ *божескаго* поклоненія. „Не мнѣ, не мнѣ, скажетъ онъ, а имени Твоему, Господи“, такъ какъ я исповѣдалъ Тебя своимъ Царемъ, а себя Твоимъ слугою. И такой власти Ап. Павелъ повиновался и такую власть, делегированную *отъ Бога*, онъ заповѣдалъ намъ въ посланіи къ Римлянамъ, какъ и Ап. Петръ въ своихъ посланіяхъ, почитать и ей повиноваться. „Бога бойтесь, царя чтите“, чтите „какъ *верховную власть*“ и притомъ „*для Господа*“, говоритъ Ап. Петръ (1 Петр. 2, 13—17 ст.). „Всякая душа да будетъ покорна *вышшимъ* властямъ, вторитъ Ап. Петру св. Ап. Павелъ, ибо *нѣтъ власти не отъ Бога*; существующія-же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе“ (Римл. 13. 1—2). И мы знаемъ, что языческій міръ, отвергнувъ власть, какъ Божіе установленіе, тѣмъ навлекъ на себя осужденіе, погубивъ противъ своей воли самочинную власть „цесаря“ и созданное ею на глиняныхъ ногахъ величіе римской имперіи.

Этотъ жребій грозитъ и Россіи, если только этически-религіозное Самодержавіе, вполне приѣмлемое христіанскою совѣстію, и свято оберегающее христіанскую свободу, смѣнится у насъ чисто-правовымъ строемъ. Русскій народъ не снесетъ такого строя. Не снесетъ онъ его и потому, что, по природѣ своей, является демократомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова. А лучшая демократія, какъ справедливо замѣтилъ еще Гейне, та, гдѣ *единая* личность стоитъ во главѣ государства, какъ воплощеніе *народной* воли, какъ Богъ во главѣ правленія міромъ. Подъ властью этого воплощенія народной воли, какъ подъ державою Бога, процвѣтаетъ самое устойчивое равенство людей, самая настоящая демократія.—Только такая власть ведетъ всякую аристократію: крови, капитала и пр... къ потерѣ господства надъ плебсомъ. Только такая власть могла надѣлать русскихъ плеевѣвъ закономъ 19-го Февраля 1861 г...

Понятно, почему всѣ подкупы подъ *народную* Самодержавную власть у насъ ведутся со стороны враговъ русскаго плебса, хотя послѣдній, по недомыслию, и самъ ссѣдѣствуетъ

ограбленію себя, продавая, нерѣдко, свое первенство за чечевичную похлебку.

Но мы увѣрены, что русскій народъ скоро очнется и мощною грудью воскликнетъ: кто за Русь *Самодержавную*, тотъ за Русь *народную*, за Русь *крестьянскую*! Мы увѣрены, что скоро онъ пойметъ, что, кто противъ Царя *Самодержавнаго*, тотъ за Русь господско-холопскую, иноземную, инородческую!.. Да,—великій русскій народъ, несмотря на хожденія по распутьямъ, еще не потерялъ своего политическаго и государственно-соціальнаго смысла, почему онъ и не отдастъ *географиченно-самодержавной* власти своего Русскаго Царя никакимъ Одиссеямъ и Діомедамъ. Чары этихъ заѣзжихъ и доморощенныхъ авантюристовъ онъ стряхнетъ и Русскій Монархъ всегда громовымъ голосомъ будетъ исповѣдывать: „*мась Божій* повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, съ вѣрою въ истину *Самодержавной* власти, которую Мы призваны утверждать и охранять *для блага народа* отъ всякихъ на нее поползновеній“ (Высоч. Маниф. 29 апр. 1881 г.).

И. Айвазовъ.

Церковная хроника.

Марео-Маріинская Обитель Милосердія въ Москвѣ.

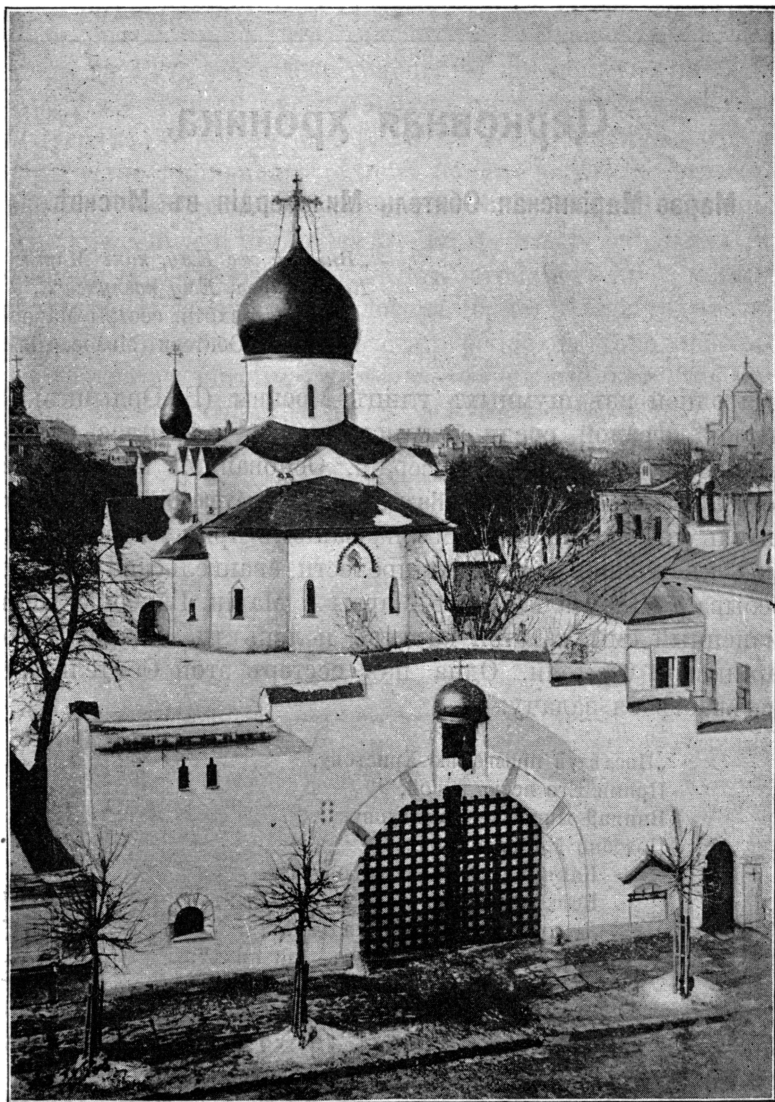
*„Внимай же Ему, какъ Марія;
Какъ Марѳа, Ему послужи“...*
(Изъ стихотв. сестры Марео-
Маріин. Обители Милосердія).

На одной изъ шумныхъ улицъ Москвы (Б. Ордынкѣ), за высокой оградой, среди большого парка пріютилась Марео-Маріинская Обитель Милосердія. Основанная **Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княгинею Елисаветою Теодоровною** эта обитель уже однимъ своимъ названіемъ приковываетъ взоръ нашъ къ полной чарующей прелести евангельской картинѣ пребыванія Иисуса въ домѣ Марѳы и Маріи. Глубокій вѣчно жизненный смыслъ этой картины и легъ въ основу Марео-Маріинской Обители. Одна изъ сестеръ этой Обители такъ воспѣваетъ ея задачу:

„Послѣдуй призванью Христову,
Прими Его всею душой,
Внимай животворному слову,
Подобно Маріи святой...
Какъ Марѳа заботься о тѣлѣ
Всѣхъ слабыхъ, убогихъ, больныхъ;
Любовь докажи имъ на дѣлѣ:
Все сдѣлай, что можешь, для нихъ“...

Вотъ это *дѣятельное* христіанство,—неразрывное сочетаніе вѣры съ дѣлами,—красною нитью проходящее чрезъ каждую іоту Евангелія, и является идеаломъ Марео-Маріинской Обители, почему она и наименована Обителью **Милосердія**. Достаточно выйти за ограду обители въ толпу мятущейся улицы, съ ея послѣдними продуктами современной куль-

туры, чтобы понять, какъ надобно въ нашъ жесткій вѣкъ *милосердіе... и милосердіе...* И уже одинъ только звукъ: „Обитель Милосердія“, какъ-то ласкаетъ и радуетъ сердце, обросшее колючими шипами современности.

Общій видъ Марфо-Маринской Обители Милосердія.

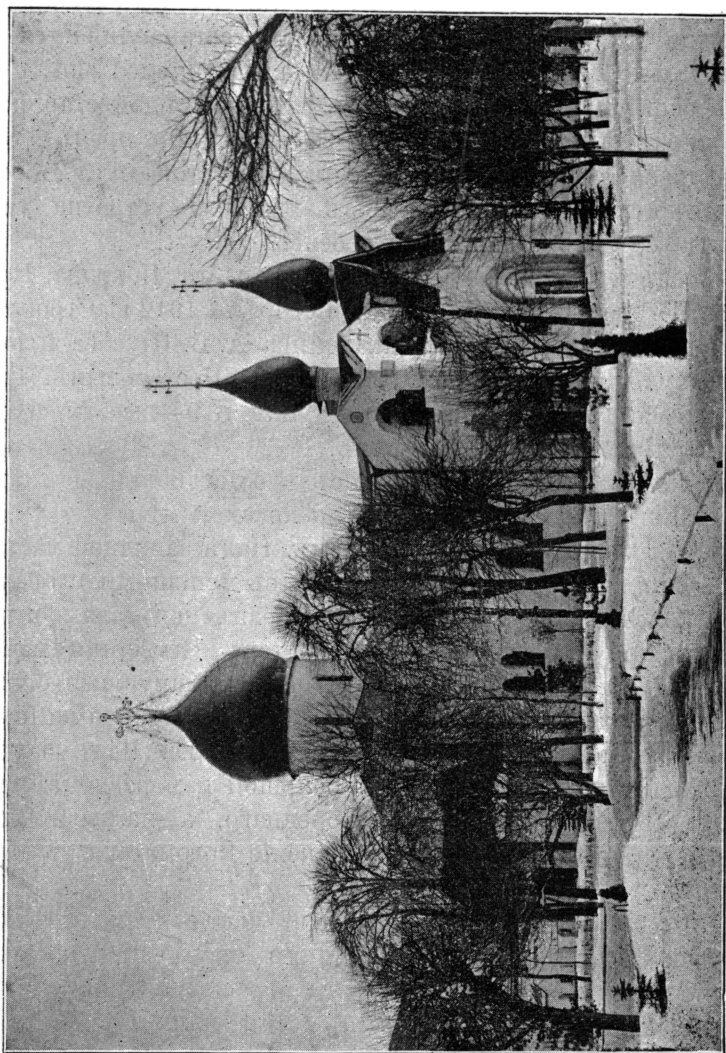
Но вотъ мы и у воротъ обители. Здѣсь сооружена небольшая часовенка и сестры читають псалтырь по умершимъ сестрамъ обители и ея благотворителямъ. Скромныя, въ древне-русскомъ стилѣ, „святые ворота“ обители скъзозъ свою рѣшетчатость открываютъ весь дворъ обители. Входимъ во дворъ. И прежде всего нашъ взоръ невольно останавливается на ослѣпительной бѣлизны храмъ, возвышающемся на площадкѣ обширнаго парка. Сразу вѣетъ той сѣдой стариной, когда сложилась „Святая Русь“. Точно видишь предъ собою храмъ древнестольнаго Кіева, Великаго Ростова или Псковско-Новгородской вольницы. Подъ храмомъ устроена усыпальница со склепами для погребенія.

Заложенъ храмъ 22 Мая 1908 г., въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы, а освященъ 8 Апрѣля 1912 г. Строился онъ по планамъ архитектора-академика А. В. Щусева и написанъ художникомъ-академикомъ М. В. Нестеровымъ. Размѣръ храма: 15 саж. длины, 5—ширины и 9—высоты. Вместимость храма до 1000 человекъ.

Надъ центромъ храма возвышается одна большая глава, съ стариннымъ куполомъ, крытымъ красной мѣдью и увѣнчаннымъ древняго рисунка крестомъ. Надъ западной частью храма—двѣ по старинному звонницы съ меньшими главами, съ колоколами, звонъ которыхъ подобранъ подъ знаменитые колокола при соборѣ Великаго Ростова. Четвертая малая глава рядомъ съ большой надъ ризницей. Наружныя стѣны храма, его арки и колонны красиво отдѣланы орнаментами, или высѣчены изъ камня въ древнемъ стилѣ. Надъ западными входными дверьми храма—большой изъ разноцвѣтной мозаики образъ Спаса Нерукотвореннаго, а на восточной алтарной стѣнѣ—мозаичное изображеніе Богоматери съ Младенцемъ.

При входѣ въ храмъ—въ западной части храма свѣтлая трапезная съ двумя рядами большихъ оконъ въ древнемъ стилѣ. Стѣны трапезной украшены фресковой живописью. На одной стѣнѣ приковываетъ къ себѣ вниманіе картина: „Святая Русь“, изображающая труждающуюся и обремененную Русь, идущую навстрѣчу Христу. Христосъ какъ-бы выходитъ изъ березоваго лѣса, въ глубинѣ котораго виднѣется скитокъ; вотъ Онъ мягко ступаетъ по ковру зеленой

травы и пестрѣющихъ цвѣтовъ; къ Нему обращены взоры колѣнопреклоненныхъ и стоящихъ русскихъ женщинъ, сестеръ въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; виднѣются крестьяне, калѣка-солдатикъ, старецъ-схимникъ и пр... А кругомъ зелень без-

Новосвященный Покровскій соборъ Марѳо-Маріинской Обители Милосердія.

предѣльныхъ полей, отблескъ вечерней зари въ зеркально-спокойномъ озерцѣ... Дивная чарующая картина повседневной русской были... Жилъ и живетъ русскій человѣкъ съ Христомъ, такъ сказать, „по семейному“, носитъ Бога и

Христа у себя „за пазушкой“!.. На боковых стѣнахъ трапезной висятъ два кіота съ изображеніями святыхъ угодниковъ—строителей и печальниковъ Русской Земли.

Но вотъ и *главный храмъ*. Глаза невольно останавливаются на дивной картинѣ: *Христосъ у Марѳы и Маріи*. Здѣсь какъ-бы небо—Марія и земля—Марѳа сочетались въ служеніи Христу. Каждый служитъ отъ своего дара: небо—ду-

ховнаго, земля—тѣлеснаго, матеріальнаго. Въ Марѳѣ и Маріи какъ-бы сказался весь человѣкъ, его тѣло и душа, отдавшія себя всецѣло Христу.—*Зачѣмъ? Для какой конечной цѣли?* Ради „Утра воскресенія“, какъ-бы отвѣчаетъ здѣсь же находящаяся картина „Утро воскресенія“... Воскресеніе изъ мертвыхъ—это краеугольный камень надеждъ христіанина, безъ каковаго камня тщетна и вѣра христіанская и жалокъ чело-

вѣкъ!.. И съ какою отрадою смотритъ христіанинъ на „Утро воскресенія“ Христа, видя въ немъ залогъ и *своего* „Утра воскресенія“, мирящаго его со всеми скорбями земной юдоли, разсѣивающаго въ немъ звѣриную тьму и насаждающаго въ человѣкахъ благоволеніе... И въ этотъ мигъ какъ-бы явственно чувствуешь благодатное паитіе Св. Духа, парящаго въ высотахъ храмоваго купола.

За клиросомъ виднѣются хоругви въ формѣ стяга. Съ южной стороны—пристройка; въ ней дубовый иконостасъ съ иконой Федоровской Божіей Матери. Въ аркѣ, отдѣляющей эту пристройку отъ храма,—иконостасъ, даръ храму отъ Кіевского гренадерскаго полка; въ другой аркѣ, отдѣляющей сѣверную паперть отъ храма,—иконостасъ, даръ Черниговскаго гусарскаго полка. Но вотъ мы и у главнаго центрального иконостаса: *одноярусный*, дубовый, обитый серебряной басмою. Живопись византійская. У жертвенника красуется хрустальный крестъ—даръ **Государыни Императрицы Александры Θεодоровны**. А на горнемъ мѣстѣ, точно живая,—*Богоматерь съ омофоромъ*, въ честь Которой посвященъ храмъ.

Подъ этотъ дивный омофоръ искони Святая Русь прибѣгаетъ въ тяжелыя години. И сколько милосердія излила Пресвятая Владычица на Св. Землю Русскую!.. Сколько упокоила она труждающихся и обремененныхъ!.. И чтитъ Ее Святая Русь, вопія къ Ней: „Пресвятая Богородице, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ омофоромъ!“... Подъ сѣнь этого омофора прибѣгла и Марѳо-Маріинская Обитель Милосердія, прибѣгла подъ сѣнь омофора Той, у Которой милосердіе къ людямъ неисчерпаемо, Которая и Сына Своего Единороднаго отдала для спасенія людей. Да покроетъ-же Пресвятая Владычица Своимъ омофоромъ и Марѳо-Маріинскую Обитель Милосердія, и да дастъ ея насельникамъ свято блюсти Евангельскіе завѣты любви и милосердія.

И. Айвазовъ.

Некрологъ.

† Петербургскій Митрополитъ Антоній.

2-го Ноября въ 4 часа 35 мин. утра въ Бозѣ тихо опочилъ на 66-мъ году отъ роду первоіерархъ Русской Церкви Митрополитъ Петербургскій и Ладожскій Антоній. Сынъ сельскаго священника о. Василія Вадковскаго, изъ села Ширингуши, Спасскаго у., Тамбовской губ., Александръ Вадковскій прошелъ всю духовную школу, закончивъ свое образованіе въ 1870 г. въ Казанской Дух. Академіи, гдѣ онъ и остался преподавателемъ по кафедрѣ церковнаго проповѣдничества и пастырскаго богословія. Семейное горе,—потеря жены и двухъ дѣтей,—побудили его принять 4 марта 1883 г. монашество, съ именемъ Антонія. Въ Ноябрѣ того же года онъ въ санѣ архимандрита назначается инспекторомъ Казанской Академіи, откуда уже въ 1885 г. его переводятъ инспекторомъ Петербургской Дух. Академіи. Въ Маѣ 1887 г. въ санѣ епископа Выборгскаго онъ утверждается ректоромъ той же Академіи. Въ 1892 г. епископъ Антоній назначенъ былъ архіепископомъ вновь образованной Финляндской епархіи и постоянно присутствующимъ членомъ Св. Синода. Высочайшимъ рескриптомъ 25 Дек. 1898 г. высокопреосвященный Антоній былъ призванъ стать Митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладожскимъ. Почти 14-ть лѣтъ стоялъ въ Бозѣ почившій Архипастырь на весьма трудномъ посту первоіерарха Русской Церкви. И, если принять во вниманіе, что эти 14-ть лѣтъ представляютъ собою, вслѣдствіе особыхъ условій, въ какихъ протекала за этотъ періодъ церковная и государственная жизнь въ Россіи,—то нетрудно понять тотъ тяжкій недугъ, который, имѣя и родовой зародышъ, быстро развился и преждевременно свелъ въ могилу высокаго Святителя Русской Церкви.

Стоя у свѣжей могилы Святителя, мы не находимъ въ себѣ порыва къ оцѣнкѣ его, какъ *церковнаго дѣятеля*. И не потому только, что мы радикально расходились въ принципиальныхъ вопросахъ съ почившимъ Святителемъ, съ которымъ не разъ имѣли случай бесѣдовать, и каковое расхождение неминуемо вызвало бы съ нашей стороны нерѣдко и очень суровое осужденіе многихъ сторонъ церковной дѣятельности почившаго Архипастыря, какъ Кормчаго Русской Церкви,—но и потому, главное, что у *свѣжей* могилы мы всецѣло отдаемся мысли о почившемъ, какъ *просто о человѣкѣ*. И съ этой стороны мы всегда знали, по собственному опыту, почившаго Архипастыря, какъ „человѣка сердца“, какъ человѣка, преисполненнаго любви и всепрощенія. И эта Его отличительная черта была постояннымъ Его спутникомъ. Она мирила съ Нимъ и Его принципиальныхъ противниковъ, которые, въ силу этого, никогда не теряли съ Нимъ духовной связи, находя въ Его любвеобильномъ сердцѣ и некоторую утѣху для своего идейнаго расхожденія съ Нимъ.

Миръ праху Твоему, любвеобильный Архипастырь!.. Любовь и всепрощеніе—Твои неотъемлемые дары, кои Ты возрастилъ среди терній сего міра. Прими же и отъ насъ послѣднее цѣлованіе!..

И. А.

Политическое Обзорѣніе.

В О Й Н А.

Истекающему 1912-му году, очевидно, суждено стать эрою новой жизни Балканскихъ славянъ. Славянскій мечъ побѣдоносно разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ на Балканахъ, конемъ славянская колесница была привязана въ концертѣ европейской дипломатіи. Многомилліонное балканское славянство буквально задыхалось и истекало кровью въ тискахъ этой дипломатіи, а она однимъ глазомъ сочувственно роняла слезы, другимъ же ликовала надъ муками славянъ. Въ утѣху имъ она то предлагала безконечные проекты разныхъ реформъ, которыя Турція пренсправно топила въ славянской крови, то, наконецъ, поднесла имъ „младотурецкій режимъ“, ставшій дракономъ для славянства. Разбушевавъ всѣ низменные страсти турокъ и имъ подвластныхъ дикихъ ордъ, объединенныхъ съ ними на почвѣ мусульманства, „младотурецкій режимъ“ возмечталъ о вянщемъ величіи Турціи. Но, лишенный практическаго и политическаго смысла, онъ попалъ въ объятія собственныхъ миражей, чѣмъ искусно воспользовалась Италія, надѣливъ себя на счетъ Африканскихъ владѣній Турціи. Обезкураженный вѣроломствомъ своихъ „друзей“, младотурецкій режимъ, однако, не вышелъ изъ подъ ихъ опеки и, по совѣту инструкторовъ съ Шпрее-Дуная, задумалъ компенсировать себя за счетъ Персіи. Но тамъ ему пришлось столкнуться съ Россіей и Англіей,—и онъ отступилъ... Однако, политическія страсти у младотурокъ бушевали. Онѣ искали выхода. Появились грозные симптомы по адресу „вѣроломныхъ друзей“. И вотъ „друзья“ съ Шпрее-Дуная указали туркамъ на Балканскихъ славянъ. Традиціонная, подогреваемая религіозною рознью, вражда къ Балканскимъ

славянамъ, жажда компенсацій для славы младотурецкаго режима, совѣты Ахитофеловъ съ Шпрее-Дуная сдѣлали свое дѣло. И Турція бросила вызовъ Балканскимъ славянамъ. Послѣднимъ ничего не оставалось, какъ только принять вызовъ.

И вотъ мы являемся свидѣтелями героической борьбы Балканскихъ славянъ съ Турціей, этимъ вѣковымъ вампиромъ балканскаго славянства. Въ этой борьбѣ сторону славянъ приняла колыбель православія Греція, также истекающая кровью въ тискахъ Турецкаго вампира. Присоединеніе Греціи къ Балканскимъ славянамъ сдѣлало войну балканскихъ союзниковъ съ Турціей уже не только національной (для славянъ), но и религіозной,—войной христіанъ противъ мусульманскаго ига, войной Креста съ полумѣсяцемъ. Турція, не безъ совѣта, конечно, своихъ „друзей“, коимъ, какъ христіанамъ, „неловко“ было въ священной войнѣ христіанъ съ мусульманами стоять на сторонѣ послѣднихъ,—сдѣлала, было, усилія посулами выдѣлить Грецію изъ союза балканскихъ славянъ и тѣмъ придать войнѣ характеръ исключительно политическій, т. е. противославянский, чѣмъ облегчалась помощь Турціи съ береговъ Шпрее-Дуная и парализовались враждебныя Турціи выступленія Англіи изъ-за симпатій ея къ Греціи. Однако, Греція откинула посулы, зная, по опыту, имъ цѣну,—и героически удержалась на высотѣ своего въ данный моментъ историческаго призванія быть союзницей балканскихъ славянъ. Такимъ образомъ, война съ Турціей сохранила свой священный характеръ. Смущенный Шпрее-Дунай, въ борьбѣ съ славянско-греческимъ союзомъ, перешелъ на почву собственнаго давленія на союзниковъ, стараясь то перессорить ихъ, создавъ призрачную коллизію ихъ личныхъ интересовъ, то запугать ихъ измышленными нарушеніями — де интересовъ Шпрее-Дуная чрезъ отчужденіе союзниками той или другой завѣданной ими Турецкой территоріи.

Къ счастью, балканскій славянско-греческій союзъ мужественно дѣлаетъ свое дѣло и героически честно и свято блюдетъ свое внутреннее единеніе, справедливо видя въ немъ единственный залогъ счастливаго для себя исхода военной и дипломатической кампаніи, стоившей славяно-грекамъ горы тѣлъ и моря крови и слезъ.

Видя неудачу Шпрее-Дуная, Турція дѣлаетъ попытки сама, безъ заграничныхъ „честныхъ маклеровъ“, договориться съ балканскимъ союзомъ объ условіяхъ мира. Но попытки эти пока не увѣнчиваются успѣхомъ, вслѣдствіе неискренности Турціи и ничтожныхъ съ ея стороны территоріальныхъ уступокъ побѣдителямъ. Однако, путь *непосредственныхъ* переговоровъ Турціи съ балканскимъ союзомъ—это самый вѣрный для Турціи путь къ окончанію, съ наименьшимъ ущербомъ, гибельной для нея войны. Если же Турція безнадежно отдастъ себя и дальше въ руки Шпрее-Дунайскихъ „инструкторовъ“, то ей придется заплатить уже не только по счету балканскаго Союза... Недалекое будущее дастъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. А сейчасъ отъ всей души пожелаемъ балканскому славяно-греческому союзу побѣдно, въ тѣснѣйшемъ братскомъ единеніи, довершить начатое дѣло борьбы за общую свободу отъ ига турокъ и ислама.

И. М—скій.

Библіографія.

І, Протоіерей А. Никольскій, — *Лица „духовнаго чина“* Московской епархіи въ ихъ служеніи Церкви и отечеству въ 1812 году.—Москва. 1912 г. Ц 1 руб.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла книга настоятеля Казанскаго Собора прот. А. В. Никольскаго. Авторъ поставилъ задачею вспомнить о подвигахъ духовенства Московской епархіи въ бѣдственное время Отечественной войны. Память объ этихъ подвигахъ, по словамъ автора, должна быть священной для потомковъ, какъ доброе, возбуждающее и воодушевляющее преданіе, своего рода нравственное напутствіе добраго стараго времени современному намъ поколѣнію.

Съ своею задачею авторъ справился прекрасно. Онъ далъ обильный *фактический* матеріаль, ярко свидѣтельствующій о героическомъ служеніи Церкви и Отечеству Московскаго столичнаго и уѣздно-сельскаго духовенства въ Отечественную войну. Предъ нами, какъ живые, встаютъ эти, въ массѣ забытые, герои: то до смерти защищающіе храмы Божіи отъ непріятеля, то самоотверженно вдохновляющіе народъ на борьбу со врагомъ, то принимающіе участіе въ самыхъ военныхъ операціяхъ русскихъ войскъ... Авторъ приводитъ подлинное донесеніе 5 янв. 1813 г. епископу Дмитровскому Августину отъ Московскаго главнокомандующаго графа Ф. В. Растопчина: „по всѣмъ, собраннымъ мною свѣдѣніямъ, писалъ гр. Растопчинъ, духовенство Москвы и ея губерніи, во время пребыванія въ ней врага святыни и человѣчества, не переставало исполнять обѣты своего священнаго сана, напоминая народу словомъ и дѣломъ обязанности его передъ Богомъ и Царемъ. Многіе изъ сихъ почтенныхъ пастырей сдѣлались жертвами ихъ усердія и пали подъ мечемъ лютыхъ безбожниковъ. Поученія Ваши и внушенія служителей

Православной Церкви нашей преобразили смиренныхъ поселянъ въ мужественныхъ защитниковъ отечества нашего, принявшихъ смерть за вѣру и вѣрность“.

Книга читается легко и съ захватывающимъ интересомъ. Мы рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ служителей и дѣятелей Церкви, такъ она имѣетъ значеніе общецерковное, служа, сверхъ указанныхъ авторомъ цѣлей, и прекрасной апологіей духовенства противъ клеветническихъ наветовъ на его дѣятельность въ эпоху 1812 года.

И. А.

ОПЕЧАТКИ.

Въ *Ноябрьск.* кн. „Гол. Церкви“ на стр. 190-й, въ статьѣ Н. Виноградскаго, послѣднія 12 строкъ, отъ словъ: „Въ этомъ...“ и до конца составляютъ *редакціонное примѣчаніе* и по ошибкѣ напечатаны въ текстѣ статьи.

Ред.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

МОСКОВСКІЯ ВЪДОМОСТИ

Условія подписки на 1913 годъ. Съ доставкой и пересылкой на:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи.	12.—	11.20	10.40	9.50	8.50	7.50	6.50	6.—	4 80	3.60	2.40	1 20
За границу.	20.—	19.—	17.50	16.—	14.50	13.—	11.50	10.—	8.—	6.—	4.—	2.—

Подписка считается съ 1-го числа каждого мѣсяца. При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадесятихъ праздниковъ. Для годовыхъ подписчиковъ **допускается разсрочка платежа**: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 4 руб. къ 1 мая и 3 руб. къ 1 сентября. Невнесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса. При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги. Народныя школы, недостаточныя крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислянскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платять за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 к. За перемѣну адреса взимается каждый разъ 40 коп. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ**: въ конторѣ Редакціи (Москва, Петровка, домъ № 25), въ **Петербургѣ**—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ **Парижѣ**— Agence Navas, Place de la Bourse. **РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА** №№ Моск. Вѣд. въ **Петербургѣ** производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ. Плата за объявленія: передъ текстомъ 40 коп., послѣ текста—20 коп. со строки петита или за мѣсто, занимаемое ею въ одну колонну, за каждый разъ. Стоимость отдѣльныхъ №№ Моск. Вѣд. 5 коп.

Редакторъ-Издатель Л. А. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1913 годъ.

Въ 1913 году Москов. Дух. Академія будетъ продолжать изданіе „Богосл. Вѣстн.“ по программѣ: I. Творенія св. Отцовъ въ русск. переводѣ (св. Максима Исповѣдника).—II. Оригинальныя изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богосл., философ., историч. и общественнымъ, составляющимъ въ большей своей массѣ труды профессоровъ Акад. и видныхъ представителей внѣшкольнаго богословія.—III. Изъ современной жизни: научно-богословское обозрѣніе важнѣйш. событій изъ Церковной жизни Россіи, православ. Востока, странъ славянскихъ и зап.-европейскихъ.—IV. Хроника академич. жизни; отчеты о магистр. диспутатахъ, объ учен. юбилеяхъ, о работѣ научн. академич. обществъ и кружковъ и о перемѣнахъ во внѣшней и внутренн. жизни Академіи.—V. Библіографія, рецензія и критика выдающихся новинокъ какъ русской, такъ и иностран. богослов.-философской и церковно-историч. литературы.—VI. Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься, съ отдѣльной нумераціей стран., труды выдающ. представителей церковной жизни въ ея недавнемъ прошломъ.—VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1912 г. Органъ высшей Церковной школы, „Богослов. Вѣстн.“ самымъ поло-

женіемъ своимъ призывается къ неуклонному служенію, методами и орудіями науки, интересамъ св. Церкви. Раскрывать нетлѣнные сокровища Сокровищницы Истины и углублять пониманіе ихъ въ современномъ сознаніи, уяснять вѣчное и непреходящее значеніе церковности, показывать, что она есть не только моментъ и фактъ исторіи, но и непреложное условіе вѣчной жизни — такова прямая, положительная задача этого служенія Церкви. Но положительная задача неизбежно связывается съ задачею отрицательною, — съ борьбою противъ расхищенія духовнаго достоянія Церкви, съ расчисткою Церковныхъ владѣній отъ всѣхъ чуждыхъ природѣ ея силъ, покушающихся на ея соборность и на самое ея существованіе. Съ 1913-го года начнется въ „Б. В.“ переводъ твореній св. **Максима Исповѣдника**. Въ качествѣ приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ подписчикамъ его въ 1913 году будутъ предложены пятая и шестая части твореній прел. **Ефрема Сирина**. Всѣмъ подписчикамъ будетъ разослана безплатно брошюра проф. Д. Θ. Голубинскаго. — Руководство къ пасхалии. Кромѣ того, въ редакціи остается ограниченное количество нижепоименован. изданій, одно изъ которыхъ можетъ быть выслано безплатно, по указанію подписчика: 1^о, Проф. Прот. А. В. Горскій, — Слова. 2^о, Объ Антихристѣ. 3^о, Св. Левъ, папа Римскій. 4^о, Указатель къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“, первое десятилѣтіе 1892 г. — 1901 г. Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совместно съ приложеніемъ 5 и 6 части твореній препод. **Ефрема Сирина ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ**. Прим. Безъ пересылки семь рублей, за границу — десять. Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 июля 4 руб.; для подписавшихся на журналъ безъ приложенія разсрочка: при подпискѣ 4 р., и къ 1 июля 3 р. За перемѣну адреса 20 коп. Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа. Журналъ „Прибавленія къ изданію твореній св. отцевъ въ русскомъ переводѣ“ за имѣющіеся годы высылаются подписчикамъ со скидкою 50% съ цѣны каталога. **Адресъ редакціи:** Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ священникъ **Павель Флоренскій**.

ДВА ЖУРНАЛА ЗА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ.

Открыта подписка на 1913 годъ на ежемѣсячный иллюстрированный литературно-научный журналъ

СВѢТОЧЪ И ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ.

(VII-й годъ изданія),

по программѣ обычной для ежемѣсячниковъ, съ особымъ отдѣломъ „На помощь Семѣ и Школѣ“ и отдѣльнымъ, по новой программѣ, журналомъ для дѣтей—„Маленькій Свѣточъ“ подъ редакціей **А. В. Круглова**, при непосредственномъ раздѣленіи съ нимъ трудовъ по редакціи **А. Н. Кругловой-Догановичъ**, при ближайшемъ участіи д-ра медиц. **В. К. Недзвецкаго** и инженеръ-технолога **М. В. Лысковскаго** и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ. Идя навстрѣчу желаніямъ подписчиковъ, мы расширяемъ отдѣлы научно-историческій и „На помощь Семѣ и Школѣ“ и прибавляемъ выпускъ „Маленькаго Свѣточа“ — 6 вмѣсто 5. Такимъ образомъ, не увеличивая подписной цѣны, мы вносимъ въ наше дѣло улучшенія какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней его стороны. **Всѣ подписчики за 4 руб. ПОЛУЧАЮТЪ: 12 №№ иллюстрированнаго журнала СВѢТОЧЪ и ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ, и безплатныя приложенія: 6 №№ иллюстр. дѣтскаго журнала МАЛЕНЬКИЙ СВѢТОЧЪ**“, которые составляютъ за годъ цѣнный томикъ разнообразнаго и полезнаго чтенія, по праву могущій занять мѣсто въ семейно-школьной

библіотекъ. **8 ЭЛЕГІЙ ВЪ ПРОЗѢ**, подъ общимъ названіемъ „**ЛИРИЧЕСКІЕ АНКОРДЫ**“, изданные изящно, на хорошей бумагѣ. 1 книгу „**ТРЕХСОТЛѢТІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ**“. Эта книга будетъ составлена съ тѣмъ же строгимъ подборомъ, какъ и **ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ**,—премія къ журналу за текущій 1912 г., и будетъ снабжена многими иллюстраціями. 1 книгу „**МОЛИТВЕННИКЪ ЗЕМЛИ РУССКОЙ**“ иллюстрированное чтеніе объ о Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Его жизнь и значеніе для Русской Церкви и народа). Подписная цѣна на 1913 годъ со всѣми приложеніями: Безъ доставки въ Москвѣ 3 р. 60 к. въ годъ. Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой по Имперіи 4 руб. Можно подписываться въ разсрочку, внося при подпискѣ 2 р. 50 к. и къ 1-му марта 1 р. 50 к. Полугодовая подписка не принимается. За границу только на годъ и безъ разсрочки 6 р. 50 к. Книжнымъ магазинамъ при годовой полной подпискѣ комис. 20 к. съ экземпляра. Адресъ редакціи и конторы: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго пер., домъ гр. Олсуфьевой. Покорнѣйше просимъ одновременно подписываться на журналъ, что важно для конторы въ смыслѣ заготовки адресовъ и выясненія тиража на годъ, дабы не нужно было (какъ въ настоящемъ году) донечатывать первые №№, что неудобно какъ для насъ, такъ и для подписчиковъ. Коллективныхъ подписчиковъ просимъ возможно ранѣе выслать списки съ адресами, уплачивая деньги (если подписка въ кредитъ) въ свои обычные сроки.

Редакторъ-издатель А. В. Кругловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ на первый и единственный монашескій иллюстрирован. двухнедѣльный ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ИНОКЪ“.

„Русскій Инокъ“, по указу Св. Синода, 12 марта 1912 года, № 5, обязательно выписывается во всѣ мужскія и женскія обители Имперіи. „Русскій Инокъ“ издается подъ высшимъ руководствомъ и при непосред. участіи Члена Св. Синода Антонія Архіепископа Волынскаго. **ПРОГРАММА:** Творен. св. Отецъ: Писанія позднѣйш. подвижниковъ и учителей иночества. Выписки изъ душеполез. книгъ. Уставы и Правила для иночествующихъ. Монастырскій Старецъ. Уставщикъ. Училище благочестія. Исторія Царства Божія на землѣ. Монашеская лира (стихотворенія). Иноческіе опыты. Иноческое поученіе. Жизнеописанія подвижниковъ и подвижницъ благочестія. По святымъ обителямъ (описанія, извѣстія и замѣтки). Отзывы о книгахъ. Монастырское рукодѣлье. Ответы на вопросы. Распоряженія Церков. Власти по монастырямъ. Стѣнная бібліотека. На благословеніе. **Задача „Русскаго Инока“:** предложить назидательное и душеполез. чтеніевъ твореніяхъ и примѣрахъ св. Отецъ и позднѣйш. подвижниковъ благочестія, дать возможность населеніямъ обителей дѣлиться другъ съ другомъ на страницахъ органа своимъ опытомъ духовнымъ, брать брата окормляя; распространеніе въ обществѣ свѣдѣній о монастыряхъ, ихъ исторіи, святыняхъ, а также правильныхъ взглядовъ на монашество, его жизнь и задачи. За ТРИ рубля въ теченіе года подписчики получаютъ: 24 выпуска журнала—свыше 1500 стр. и 200 рисунковъ—снимковъ видовъ обителей, ихъ святынь, портретовъ подвижниковъ и проч. 24 иллюстрированныхъ листка „на благословеніе богомольцамъ“ до 150 стран. до 30 листовъ „стѣнной бібліотеки“, изящно изданныхъ, съ художест.-исполнен. виньетками, заставками и проч. Всѣмъ подписчикамъ будетъ бесплатно разосланъ **иноческій стѣнный календарь** въ 365 листовъ большого формата. Въ видѣ бесплатныхъ приложеній намѣченъ и цѣлый рядъ книжекъ справочниковъ, для употребленія въ Церкви и келліи. Годовая плата за „Русскій Инокъ“ со всѣми приложеніями: съ начала года—ТРИ рубля, а съ 1 февраля, и дальше—ТРИ руб. 50 коп. за границу—ПЯТЬ руб. 50 коп. ИНОЧЕСКІЙ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ въ продажѣ: 75 коп. съ перес. безъ перес. 50 коп. Адресъ: Почаевъ, на Во-
лыни—Редакціи „РУССКАГО ИНОКА“.

Открыта подписка

на новый ежемѣсячный церковно-общественный Журналъ:

„Голосъ Церкви“.

Журналъ: „ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ“, вступая во **второй годъ** своего изданія, имѣеть цѣлью освѣщать и разрѣшать въ строго-православномъ церковномъ духѣ всѣ вопросы Вѣры и Церкви, а также и вопросы государственной, общественной, семейной и личной жизни и мысли, въ границахъ соприкосновенія ихъ съ учениемъ Православной Вѣры и съ жизнью Православной Церкви.

===== Посему въ „ПРОГРАММУ“ журнала входятъ: =====

Отдѣлъ I: 1) Душеполезное чтеніе, т. е. статьи, дневники, письма, наблюденія и воспоминанія, а также и прочіе труды религиозно-назидательнаго содержанія. 2) Вѣроученіе и правоученіе Православной Церкви, въ научно-популярномъ изложеніи и въ удовлетвореніе запросовъ нашего времени. 3) Церковная проповѣдь на жгучіе вопросы современности. 4) Церковное управленіе. 5) Вопросы современнаго пастырства и церковный приходъ. 6) Церковная школа. 7) Внѣшняя и заграничная православная миссія. 8) **Внутренняя миссія.** 9) **Русское сектантство**, социализмъ, современный атеизмъ и спиритуализмъ. 10) Православная церковь за границей. 11) Инославіе и иновѣріе.

Отдѣлъ II: 12) Церковь и Государство. 13) Церковь и Общество. 14) Церковь и семья. 15) Церковь и личная жизнь чело-вѣка. 16) Церковь и современная пресса. 17) Церковь и современная мысль. 18) Библіографія и критика. 19) Политическое обозрѣніе. 20) Стихотворенія. 21) Почтовый ящикъ: отвѣтъ на запросы читателей по программѣ журнала.

===== Въ журналѣ принимаютъ участіе: просвѣщеннѣйшіе іерархи и пастыри Церкви, мужи богословской и свѣтской науки и литературы, а равно и видные дѣятели на поприщѣ церковной, государственной и общественной жизни. =====

КЪ СВѣДѢНІЮ ПОДПИСЧИКОВЪ и СОТРУДНИКОВЪ ЖУРНАЛА:

1) Годовая цѣна журнала **ЧЕТЫРЕ руб.**, съ достав. и перес. За $\frac{1}{2}$ года **2 руб.**; За границу **ПЯТЬ руб.** Подписныя деньги адресовать: „Москва. Кремль. Чудовъ монастырь. Въ редакцію „Голоса Церкви“.

2) Плата за объявленія на послѣднихъ страницахъ: 1 стран. 20 руб., $\frac{1}{2}$ стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 3 руб. При печатаніи много разъ дѣлается уступка по соглашенію.

3) Весь **литературный** матеріалъ для „Голоса Церкви“ надлежитъ направлять и за всѣми справками по журналу обращаться по адресу: „Москва. Бол. Тверская-Ямская, д. 48. Телеф. 172-76. Ивану Георгіевичу Айвазову“. Статьи для журнала надо писать четко и на одной сторонѣ листа.

4) При журналѣ издается „Лепта Обители Святителя Алексія“ — народныя религиозно-просвѣтительныя и миссіонерскія брошюры. Цѣна за сотню **50 коп.**, съ пересылк. **75 коп.**

Редакторы „Голоса Церкви“: Намѣстникъ Чудова монастыря архимандритъ Арсеній и

Московскій епархіальный миссіонеръ **Иванъ Айвазовъ.**